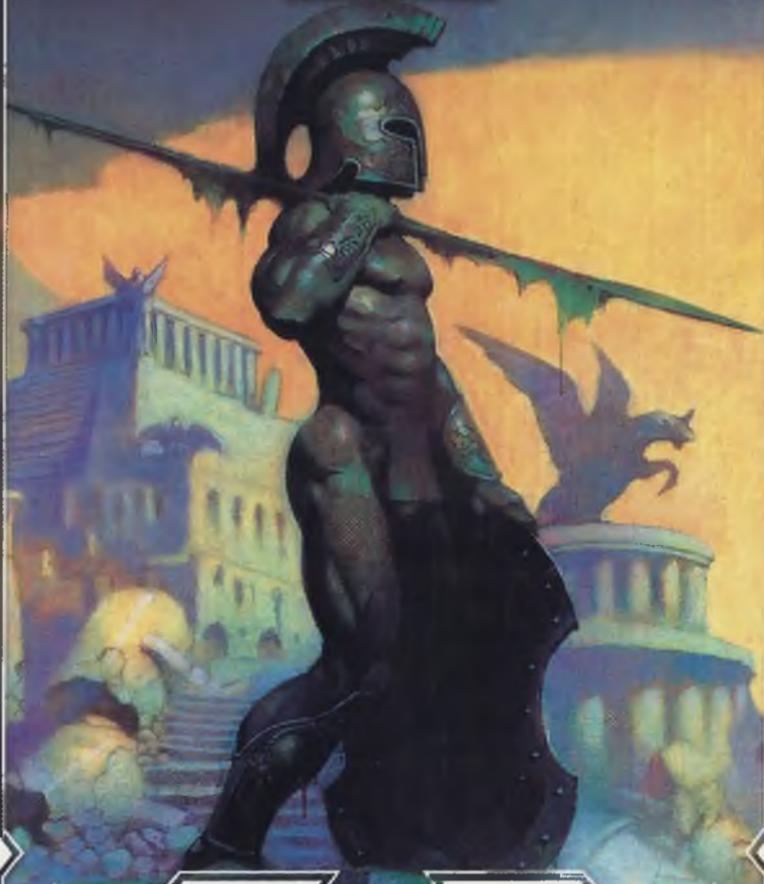

КОНАН И ВЛАСТИТЕЛИ ШЕМА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ	КОНАН И ПОДВИГИ ПЕЩЕР	КОНАН И ПРСНЯ СНЕГОВ	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА	КОНАН И АДРОД БОРОДЫ	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ	КОНАН И ДАР МИТРИ	КОНАН И БОЧНЫЕ КАПИКИ	КОНАН И ЕРОТ ДАИОМЫ	КОНАН И МИРНО ПРАВЛЕНИЕ	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛАЩИХ СТРЕЛ	КОНАН И ГОСТИ ВОЙНЫ	КОНАН И ТАИНСКАЯ ЗДА	КОНАН И МИР НЕРЛАДА
10	11	12	13	14	15	16	17	18
КОНАН И ГОРДЫ ПАЧЕННЫХ ДУШ	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕЙ	КОНАН И СЕРДЦА АРИАНА	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ	КОНАН И ПЛАНЕТЫ КЕДАМЫ
19	20	21	22	23	24	25	26	27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕМЕЙ	КОНАН И КОПЬЯ КРОМА	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ	КОНАН И АКМОННЫЙ ЛАБИРИНТ	КОНАН И РАССОЛЫЧИЯ ИДРА	КОНАН И ЧАЩА БЕССМЕРТНЯ	КОНАН И АДАЛЬНОЙ СТРАЖ	КОНАН И ТОРОНДЫ ПРЕЗАМИ	КОНАН И КАТАРЬ ПОБДАМ
28	29	30	31	32	33	34	35	36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ	КОНАН И КОНОНСКАЯ ПЛОТИ	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАТАНЫХ	КОНАН И ОКОМЫ БЕЗМОДИЯ	КОНАН И НАКАДИЦА НЕВС	КОНАН И АРЕО МИРОВ	КОНАН И КОЛЫЮ ВЛАСТИ	КОНАН И ЗОЛ ЗАРВЕННЫХ	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ
37	38	39	40	41	42	43	44	45
КОНАН И ДНЕВ СЕТА	КОНАН И ХРАМ НОЧИ	КОНАН И БОРОДЬ БОРОК	КОНАН И ПОЗЛАМНЫЙ ОГОНЬ	КОНАН И МЫШЕК ЧЕТЫРЕХ	КОНАН И КАВАМО ЗМЕЙ	КОНАН И ЗОЛЫЙ ОКЕАНА	КОНАН И КОРОНА ЭМИРА	КОНАН И НОСАМФИК СМЕТА
46	47	48	49	50	51	52	53	54
КОНАН И СПЛЯЩЕС ДАО	КОНАН И ЗЕБДИ ШАЛДИРА	КОНАН И ОКНАЕТ ХАСДА	КОНАН И ЖЕРЦ ТАРИМА	КОНАН И СВИТИЩИ ПИКТОВ	КОНАН И ПОДВИГИ МОЛДИИ	КОНАН И ТИБЕРЫ ХАНДРИМ	КОНАН И БАЛДИИ БУРИ	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛНИЯ
55	56	57	58	59	60	61	62	63
КОНАН И СЛУГА ТУМАНА	КОНАН И АНК ЗИРЯ	КОНАН И ОБИТАЛЬ ДРАКОНОВ	КОНАН И НАСАДЕЦ СМЕРТНЫХ	КОНАН И ЗАКАТ АРДОСА	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ	КОНАН И ТАНЦЕЦ ПУСТОТЫ	КОНАН И ПОСЛАННИК МРАКА	КОНАН И ГОДОС КРОВИ
64	65	66	67	68	69	70	71	72

Пол Пауэрс, Брэнт Йенсен,
Дуглас Брайан

КОНАН И ВЛАСТИЕЛИ ШЕМА

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
П21

Серия «Конан» основана в 1993 году

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 15.03.07. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 6000 экз. Заказ № 5492 О.

Пауэрс, П.

П21 Конан и властители Шема : [сборник] / Пол Пауэрс,
Брэнт Йенсен, Дуглас Брайан. — М.: ACT; СПб.: Северо-
Запад Пресс, 2007. — 379, [5] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-040666-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-369-6 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитаются по свету в попытках приключений. Он
охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами
от Венеции до Китая и восстанавливает справедливость по всей
Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2007

Пол Пауэрс

ВЛАСТИТЕЛИ ШЕМА

Канун Единства

Да за кого они меня принимают?!! Конан в раздражении толкнул миску, и жидкую разваренную кашу плеснула через изящно чеканенный золотыми рисками край, на поднос черненого серебра. Если судить по изысканности посуды и обходительности — принимали его в Асгалуне все-таки именно за короля. Во всяком случае — принимали по-королевски.

На роскошнейшем и огромнейшем подносе с так называемыми мелкими утренними закусками Конан не углядел ни одной посудины не то что из дерева или простеckой глины, но даже и из весьма почитаемой и вполне приемлемой и за королевским столом благородной бронзы. Сплошное золото да серебро, укraшенное камнями и затейливой резьбой. Неудивительно, что четверо слуг с трудом втащили заставленный подобной утварью тяжеленный поднос в роскошную опочивальню, выделенную Зиллаком своим благородным гостям на все время праздничных торжеств.

И все-таки причины для гнева и удивления у Конана были, несмотря на всю вышколенность слуг, подобострастно склонившихся в ожидании дальнейших приказаний, и невзирая на просто-таки королевскую роскошь принесенной ими посуды. Для этого достаточно было посмотреть на то, что в ней содержалось...

Там было размазано нечто, разваренное до полного непотребства. Жидкая кашка непонятного происхождения, да растолченые овощи с ошметками полупрозрачного мяса. Своему бы повару, посмей он сотворить с едой такое непотребство, Конан бы все это самолично же и скормил. Да еще и мечом плашмя бы, пожалуй, добавил пару раз — от всей души, пониже спины, для пущего вразумления. Но — в гостях приходится мирится с чужими обычаями, это даже варвару понятно.

Подавив возмущенный рык, Конан сел в огромное кресло, покрытое желтым мехом. Принимали его действительно по-королевски — вон даже озабочились запастись шкурами вендейского кохаруса. С едой вот только выходила сущая недеpость...

Возмущенно сопя, он взял в руку неудобную двузубую вилку — не ковыряться же в этом месиве пальцами! Ткнул пару раз, пытаясь поддеть серебряным зубцом кусочек потверже.

Не вышло.

Вообще-то, запах от этой овощной бурды исходил очень даже вкусный, завлекательный такой, но внешний вид...

— Это кто-то уже ел? — фыркнула Лайне, скептически разглядывая содержимое миски.

Девчонка никогда не отличалась особой тактичностью. Правы Кром их раздери, те, кто считает — детей нельзя допускать к общему столу, ведь они и идолов капища способны вывести из себя.

— Пошли вон!!! — рявкнул Конан на замерших в глубоком поклоне прислужников, понимая, что еще разок ковырнет он серебряной вилкой с рукояткой из драгоценной кости элефантуса вот это на золотом блюде разложенное, — и знаменитая варварская выдержка, позволяющая с невозмутимой улыбкой переносить любые пытки, может ему и отказать.

* * *

— Гадость, — сказала Лайне, когда слуги вышли. И добавила еще парочку слов, знать о самом существовании которых маленькой девочке не полагается. Служанка охнула и испуганно прижала ко рту обе руки, глядя округлившимися глазами на взбешенного Конана. Надо было еще раз напомнить Драконам о необходимости гнать взашей эту вездесущую мальвку, когда

начинают они травить свои похабные байки. Но это — потом.

А сейчас — сама напросилась.

Конан повернулся темным от бешенства лицом к младшей дочери.

Процедил сквозь зубы:

— Ты хочешь в первый же день расторгнуть нашу сделку?

— Так нечестно! — завопила было Лайне, но тут же сбавила тон под тяжелым взглядом отца, и продолжила уже почти жалобно. — Но мы же одни!

— Вот как? — Конан выгнул бровь. — Значит, честь и слово моей дочери зависят лишь от того, видит ли ее кто-нибудь из посторонних? Значит, если ее никто не видит, то моя дочь может совершить любую подлость и нарушить любое обязательство? Так, значит?..

Он говорил очень тихо, поскольку был слишком зол, чтобы кричать. У Лайне вытянулось лицо — она знала, признаком чего является его такой вот нарочито негромкий голос.

— А можно, я еще разок попробую? — спросила она уже почти не надеясь, — я буду очень стараться. Я просто не поняла сначала, что делать это надо все время ...

В ее голосе звучала неподдельная боль, и Конан почти увидел, как она мысленно прощается с вожделенным арбалетом. Она ведь все-

рьез полагала, что это именно на нее он так разозлился.

— Нет! — рявкнул Конан, успокаиваясь. — То есть — да! Сегодня не считается, но если ты еще хоть раз!.. Ты должна быть хорошей девочкой! А хорошие девочки не сквернословят! Поняла?

— Ага!

Лайне заулыбалась.

Конан закрыл глаза и попытался положиться на запах. Пахнет-то ведь вкусно! Значит, от кровеной гадостью быть не может. В конце концов, и не такое едят приходилось по молодости лет... Вон Атенаис же ест — и даже не морщится! Настоящий пример железной выдержки, положи перед ней на блюдо живого тритона — она всего лишь с невозмутимым видом поинтересуется, с каким соусом сие употребляют. Вот и бери пример с собственной дочери. Ты не у себя во дворце, где можешь быть самим собой. И если вдруг все эти миски со всей содержащейся в них бурдой окажутся расколотыми о стены или — Митра, убереги! — надетыми на чьи-нибудь головы... так ведь можно докатиться и до конфликта с соседней державой.

Конан глубоко вздохнул. Нет, проблемы с шемскими правителями ему не нужны. Особенно сейчас, когда начали они вроде как бы прислушиваться к голосу разума и даже решили

выбрать главного владыку — неслыханное дело для страны, где правитель любого городишки считает истинным повелителем только самого себя, и единственное себя же только и достойным звания «верховного правителя всего Шема». Наличие такого разрозненного и потому не слишком надежного соседа короля Аквилонии не могло оставить равнодушным. Сколько времени было потрачено Конаном впустую на попытки объединить эту безумную страну при помощи меча, каким же молодым и глупым был он тогда, в самом начале своего царствования, двадцать четыре зимы назад... Сколько ему тогда было? Примерно сорок зим ...

Ха!

Сопляк.

Ни одного седого волоса, — помнится, он тогда этим даже гордился. Не иначе, как по молодости мозги совсем отшибло. Ведь настоящий мужчина — и не мужчина вовсе, пока не обретет достойного количества благородной стали в волосах. Позже благородная сталь переплавится в благородное же серебро, и настоящий мужчина станет мудрым старцем. Если доживет, конечно. Жизнь у настоящего мужчины трудна и полна опасностей, потому-то до старости из них и доживают лишь самые мудрые. А пока ни стари, ни серебра нет в твоей бороде — ты просто мальчишка, скольких бы военных подвигов ни

насовершал и скольких бы дев по углам ни перещупал.

Вот и он тогда был всего лишь не слишком юным коронованным мальчишкой. И много бы глупостей наворотил своим мечом, если бы не гений Форсезо...

Ведь это именно Публио Форсезо подсказал своему не в меру воинственному по молодости монарху, что Шем бесполезно пытаться захватить при помощи стали — его можно завоевать лишь при посредстве золота. Звонкого и полновесного золота — и только золота...

Короли-купцы, правители-ростовщики — разве могло такое прийти в свежекоронованную киммерийскую голову?! Между собой они воевали не мечами, а звонкой монетой. Залогом их безопасности служили не многочисленные и хорошо вооруженные армии, а выгодность месторасположения. Редкий полис Шема не являлся перекрестьем хотя бы парочки торговых путей.

Столица Пелиштии Асгалун же, например, и вообще был настолько важным торговым перекрестком, что за его безопасностью бдительно следили представители по крайней мере четырех окружающих держав.

Сюда приходили корабли из Зингары и Аргоса, караваны из Хорайи и Кофа. Конечно, оставалась еще Гиркания — вечная угроза для Шема, до тех пор, пока его разрозненные горо-

да-государства не объединятся, чтобы успешно противостоять внешнему захватчику. Хотя Вольные Отряды Шема, состоящие из наемников до сих пор наводили страх на всех желающих показать зубы. Каждый город Шема имел собственную армию: кто-то предпочитал кавалерию, а кто-то отряды легкой пехоты.

Но завоевать Шем было невозможно: потому что каждый город-государство представлял собой огромную вооруженную крепость, абсолютно независимую от остальных.

Нет, воевать с шемитами при помощи мечей было делом гиблым и заранее обретенным на поражение. Бороться с ними следовало их же оружием — разведка при помощи подкупа и военные действия путем хорошо оплачиваемых закулисных интриг, отсечение вероятных союзников врага более выгодными предложениями и фронтальный удар тяжелого вооруженного непробиваемыми уликами шантажа. Короче, всеми теми методами, в использовании которых незабвенный Публио был истинным и непревзойденным мастером...

Конан вздохнул еще раз. Как же ему не хватало этого человека, пару зим назад отправившегося на Серые Равнины. Жаль, что он покинул их именно сейчас, когда его проницательная изворотливость была так необходима! Сейчас, когда его великолепные (кто бы сомневал-

ся!) политические стратегии наконец-то сработали, и впервые со времен восстания против Кофы, Шем решил-таки объединиться под началом одного владыки.

Конечно, лишь на том уровне, который только и возможен для Шема, где чуть ли не каждое поселение считает себя независимым и имеет собственного правителя.

А именно — объединения торгового, когда владыка одного из крупных торговых городов признавался остальными не то, чтобы правителем всего Шема, а как бы первым среди равных, своеобразным коронованным купеческим старостой, получающим в свое полное подчинение лишь дела торговые.

Понятно, что выбор подходящей кандидатуры оказался делом хлопотным и деликатным — с одной стороны, на роль такого лидера полис требовался достаточно богатый и независимый, чтобы стать действительным центром общешемской торговли.

С другой — правитель этого города не должен был обладать излишними амбициями, которые могли бы подтолкнуть его к попыткам захвата власти не только финансовой.

С третьей же — правители остальных других городов Шема должны были в массе своей признать выбранного правителя соответствующим первым двум требованиям — что вообще каза-

лось делом совершенно нереальным для любого человека, хоть раз имевшего дело с шемитами. Два шемских купца, как правило, не могли договориться между собой даже о том, с какой стороны утром восходит солнце, не говоря уж о чем-то более спорном, про это вам в любой харчевне обязательно расскажут с десяток веселых историй, даже просить не придется.

В такой ситуации нынешний правитель Пелиштии шемский царь Зиллах, вот уже несколько зим осторожно выдвигаемый (не без скрытной помощи Аквилонии) на роль «объединителя всего Шема» если и не оказался повсеместно признан таковым с искренним восторгом, то хотя бы вызвал у прочих наименьшее количество недовольства.

Не самый старый, но в то же время не самый молодой из шемских царей, владыка Зиллах и в остальных своих проявлениях был подходящей кандидатурой.

Зиллах не кичился своим богатством, был равен с подданными, рабов зря не казнил и не зарился на земли соседей. Поэтому, он был именно тем вполне приемлемым компромиссом, на который после длительных закулисных и не всегда гладких переговоров со временем согласились все.

Морщились, конечно, и носами крутили, но — согласились, признав наименьшим из воз-

можных зол. Формальности были утрясены, законы потихоньку согласованы и денежные системы приведены если и не в полный порядок, то хотя бы в некое подобие единства.

Когда наконец угрюмые владыки шемских полисов: Нипра, Газы, Ахлата, Аккхарии, Акбитании, Кироса, Эрука, Аббадраха и Шушана сумели договориться между собой, то было решено устроить общий праздник. Вознеся жертвы Адонису, Иштар и Белу, жрецы услышали волю небожителей. Провести празднество следовало в Асгалуне и именовать его следовало: Канун Единства.

Разумеется, и король Аквилонии Конан не смог бы пренебречь подобным торжеством, на саму возможность которого было потрачено им столько сил и средств из аквилонской казны.

* * *

Вообще-то, Конан покинул Тарантию больше трех лун назад, уже тогда поняв из донесений конфидентов Гленнора, главы тайной службы Аквилонии, что шемское дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки.

Решив сделать свое путешествие как можно менее похожим на военный поход, он не стал брать с собой всю центурию Паллантида, ограничившись дюжиной Черных Драконов. Вполне

достойная короля охрана, тем более, что каждый из драконов в бою стоит как минимум троих, это все знают.

Не взял он и двенадцатилетнего старшего сына Кона, оставив его под ненавязчивым прицелом Просперо. Пусть привыкает потихоньку управлять страной, не маленький уже, давно пора. А зарваться и натворить каких глупостей пурпуренец ему не даст.

Вместо сына и усиленной стражи Конан взял с собой младших дочерей — Иллайнию и Атенайис, а также с полдюжины рабынь. Что может быть более естественным и миролюбивым, чем король-отец, путешествующий в компании своих юных дочерей? У соседей подрастают сыновья, да некоторые из них и сами по себе совсем еще мальчишки, так почему же не показать имеющийся в наличии товар? Никогда не помешает закрепить возможный политический союз еще и личной симпатией, а в дальнейшем — кто знает? — может, и говориться о выгодном династическом браке...

Впрочем, если быть до конца откровенным, взял он их с собой не только из политических соображений. Последнее время ему просто нравилось их общество.

Сестры, такие похожие и в то же время непохожие друг на друга, подрастаая, забавляли его все больше. Особенно — семилетняя Атенайис,

ис, старшенькая, с каждой луной все больше напоминающая Зенобию...

* * *

По пути он намеревался погостить какое-то время у короля Аргоса — все равно ближайший путь в Шем лежал мимо его замка. Конан давно собирался познакомиться с Ариостро поближе, предпочитая составлять собственное мнение о своих ближайших соседях, да все как-то находились более важные дела. Теперь же есть повод повеселиться от души. По-королевски. Посидеть за чаркой вина вечерком у очага, погонять дичь по окрестностям, благо сбор урожая закончен, и можно не опасаться, что королевские забавы оставят какого-нибудь несчастного крестьянина на зиму без припасов...

Впрочем, погостить в замке Ариостро Конану толком не удалось — на рассвете третьего же дня его там пребывания в замковые ворота постучался гонец, посланный царем Зиллахом в Тарантию.

* * *

Отбыть в Шем, правда, тоже получилось не сразу. Обрадованный столь быстрым завершением пути, гонец немедленно ускакал обратно,

только сменил вконец загнанного коня на свежего из конюшен королевского дворца. Но успел уверить великого Конана в том, что почетный эскор特, достойный владыки Жемчужины Запада, будет подан к воротам Малого пограничного форта не позднее, чем через три дня.

Так как от ариостровского замка езды до расположенного на самой границе с Шемом Малого Форта было не более одного, от силы — двух дневных переходов, — Конан действительно мог не торопиться. Гонец же, если поспешит, будет там уже к полуденной трапезе.

Сам король выедет третьего дня, после шестого послеполуночного колокола, и за день верхом как раз управится. Рабынь же можно уже завтра отправить в повозке, под охраной гвардейцев — пусть переносят на постоялом дворе, за верховыми они все равно не угоняются, а медленно тащиться Конану не пристало.

Атенаис будет рада — она не любит ездить верхом на дальние расстояния. Охота или короткие прогулки — дело другое, тут ей равных нет. Хотя за последний год Лайне и пыталась не раз оспорить превосходство старшей сестры, но в верховой езде ей пока что этого не удавалось.

Лайне.

М-да...

Вот с Лайне могут возникнуть проблемы...

* * *

— Слезь оттуда немедленно! Я кому сказала!!!

Конан никогда бы не подумал, что шипеть можно настолько визгиливо. Интересно, кто это из ариостровских придворных дам такой... талантливый? Стараясь не шуметь, северянин осторожно заглянул за угол. И с трудом удержался от раздраженного вздоха — обладательница голоса оказалась принадлежащей к его собственной свите. Ингрис Танасульская, Эрлик ее забери! Не удивительно, что он сразу ее не узнал — в его присутствии она говорила настолько приторно сладеньkim голоском, что из него, пожалуй, можно было делать сироп. Варвар трижды проклял тот день, когда поручил именно этой стигийской ехидне обучение своих дочерей подобающим манерам.

А, с другой стороны — что делать? Они ведь не в Киммерии. Должны же дочери славного повелителя Великой Аквилонии овладевать премудростями придворного этикета!

Впрочем, на данный момент обхождение самой Ингрис особой куртуазностью как-то не отличалось. Запрокинув трясущуюся от бессильной ярости голову, она продолжала визгиливо шипеть, с ненавистью глядя куда-то под самый потолок:

— Слезай немедленно, отродье Зандры! Кому говорят?!

Конан тоже поднял голову, прослеживая ее взгляд. Хотя мог бы и не напрягаться, поскольку заранее был уверен, что же именно он там обнаружит. Вот она — сидит себе на подоконнике узкого стрельчатого окна, ногами болтает. И опять, между прочим, в мужском костюме, а ведь сколько раз говорено было...

Додумать Конан не успел — Главная Проблема Аквилонского Двора, младшенькая и горячо любимая Лайне соизволила заметить появившегося из-за угла коридора отца. Обрадовалась, просияла восторженной улыбкой. Взвизгнула от избытка чувств, взбрыкнула ногами и замахала над головой перепачканными ладошками.

И... спрыгнула с подоконника высокого стрельчатого окна.

Находящегося, между прочим, под самым потолком, на высоте, раза в четыре превышающей человеческий рост...

* * *

Конан прыгнул вперед, не успев даже охнуть. На выдохе, потому что вдохнуть он тоже не успевал.

Смел танасулку, практически не ощущив сопротивления и оставляя за спиной ворох прон-

зительного визга и ярких тряпок. Каким-то немыслимым чудом, уже в прыжке, он сумел рвануться вперед еще быстрее, так, что хрустнули кости, и на мгновение потемнело в глазах.

И в самый последний момент успел-таки поймать восторженно хохочущую малявку. В падении, вытянувшись в струнку и почти что рухнув на грязные каменные плиты животом, над самым-самым полом, но — успел.

Кувыркнулся перекатом, гася инерцию и прикрывая мощным телом свою добычу. Инерции хватило и на то, чтобы остаточным движением вздернуть тело на ноги без помощи рук — руки были заняты, их на пару ударов сердца на мертвое свело в охранительном кольце вокруг крохотной хрупкой фигурки.

Реакция испугавшегося тела, чрезмерная и запоздалая. Это кольцо было твердости каменной и спокойно могло выдержать прямой удар боевой палицы. Да только вот толку было бы от этого кольца, промедли он хотя бы самую малость, или вложи в прыжок свой на самую капельку меньше сил.

Хорошо еще, что сама Лайне (придушить, заразу, собственоручно!!!) — сильно оттолкнулась ногами от стёнки, и потому прыгнула не столько вниз, сколько вперед, иначе бы...

— Ты что себе позволяешь?!

Голос оказался неожиданно хриплым.

Понятно — он уже не юноша, чтобы совсем безболезненно переносить такие вот неожиданные встряски.

Конан прокашлялся, попутно с воспитательной целью пытаясь нашупать лайнино ухо, спрятанное где-то в россыпи коротких кудряшек. Но поймать Лайне за ухо — тоже проблема немалая. Особенно, если сама она этого не хочет — реакция у девчонки будьте-нате, опытному бойцу на завись, даром, что малявка совсем. Почти на полторы головы ниже сестры, и не скажешь, что погодки. И соображения никакого. Такое маленькое и хрупкое детское тельце — и такие безжалостно твердые гранитные плиты...

Тем временем Лайне юрким зверьком вывернулась из отцовских рук, но спрыгивать на пол не стала.

Наоборот — юркнула под мышку, ужом прокрользнула вдоль спины, ловко цепляясь за одежду и даже щипнув пару раз, прихватив кожу вместе с рубахой крохотными твердыми пальчиками. Довольно чувствительно пнула острой коленкой в бок, цапнула за стянутые в хвост волосы и, наконец, вскарабкалась на плечо, куда более отца преуспев в завладении чужими ушами и в честь оного события радостно выбивая торжественную дробь обеими пятками по отцовской груди.

Свои уши Конану были дороги — хотя бы как память, и отдавать их на поругание он не собирался. Никому. А потому сгреб строптивую дочь за шкирку, подвесил прямо перед собой на вытянутой руке и как следует тряхнул для пущего вразумления — так опытные псари наказывают нашкодивших щенят.

— А если бы я не успел тебя поймать?!!

Он попытался придать голосу громовую раскатистость, но не сумел, вспомнив, как обдало холодком его руки от близости каменных плит. Запоздалый страх сделал голос сиплым.

— Ты? Не успел?! Ха!!! — Шесть десятков пригорошень презрительного негодования. И как только умещается столько в таком крохотном теле?!

Лайне тем временем надоело висеть, она брыкнулась, ловко вывернулась из короткой меховой безрукавки и спрыгнула на пол. Мягко так спрыгнула, на все четыре конечности, оставив безрукавку в руках у Конана — в качестве трофея.

Она выпрямилась с независимым видом, вздернув голову и заложив обе руки за спину. Конан же разглядывал меховую одежду и молчал, соображая.

Первая осенняя луна была достаточно теплой, да и гостевые комнаты слуги Ариостро протапливали на совесть. Лайне же, несмотря

на малолетство, особой изнеженностью не отличалась.

А это означало, что подобная меховая штучка вряд ли могла ей понадобиться внутри замка. Что, вкупе с надетыми на ней кожаными штанами, предательски выглядывающими из-под плотной рубахи, наводило на определенную мысль весьма неприятного толка...

Конан поднял тяжелый взгляд поверх головы Лайне на Ингрис, успевшую слегка оправиться и даже кокетливо поправить помявшуюся хитон.

Та занервничала.

— Опять?

— Не гневайся, король. Я всю ночь! Не смыкая глаз! Буквально на одно мгновение отвлеклась... Смотрю — а ее уже нет! Я туда, сюда...

— Всю ночь ты спала, — безжалостно уточнила Лайне, склонив голову к левому плечу. — Так хрепела, что меня разбудила. Еще до зари. Вот я и решила пойти покататься, Арконт меня давно звал. А что — нельзя? Атенаис можно — а мне нельзя, да?!

Чуткое ухо Конана уловило в ее голосочке опасные нотки — похоже, Лайне намеревалась очередное отстаивание своих якобы попираемых прав устроить прямо здесь и сейчас. Требовалось немедленно ее отвлечь, иначе головная боль на полдня гарантирована.

— На Салму залезала? Или на Карфора? — Нарочито спокойно поинтересовался Конан.

Лайне посопела подозрительно, но удержаться от ответа не смогла — еще бы! Карфор был ее личным и давно наскучившим гирканским коньком, кататься на нем вовсе не было приключением, ради которого стоит удирать с утра пораньше от спящей наставницы. Сама возможность предположения подобного была оскорбительна и требовала немедленного опровержения.

— Не-а..! — Лайне возмущенно-презрительно сморщила носик. Но не удержалась и добавила с гордостью и вызовом. — На Нахора!

За спиной слабо ахнула Ингрис. Да и сам владыка Аквилонии едва сдержался, чтобы не выругаться.

Нахор был огромным черным жеребцом презлющего нрава, специально обученным драться с пешими и конными врагами. Такие боевые кони признают лишь одного хозяина, заранее переводя в разряд врагов всех остальных. Еще в какой-то степени он согласен был терпеть присутствие рядом Черных Драконов, но более — никого. Стексу, одному из дюжины конновских охранников, приходилось выполнять при Нахоре обязанности конюха — а местные рабы приближаться к бешеной скотине не рисковали.

— Ну и — как? Понравилось? — спросил Конан осторожно, проводя между тем быстрый поверхностный осмотр дочери на предмет обнаружения откушенных конечностей.

Да нет, вряд ли, руки-ноги, вроде, на месте, кровопотеков и переломов не наблюдается... да и не стала бы она так прыгать, имея свежую и серьезную рану. Может быть — привирает? Хотя раньше за ней подобного не замечалось.

— Не-а... — Лайне поморщилась. — Спина слишком широкая! Усидеть толком невозможно — ног не хватает! На Салме куда удобнее.

Конан облегченно перевел дух — похоже Лайне еще какое-то время походит с неоткусанными ушами.

Непонятно, правда, почему сегодня Нахор ограничился лишь тем, что просто сбросил вредную пигалицу со своей огромной спины — обычно он подобным миролюбием не отличается. Но — это радует. С Салмой же ничего подобного можно не опасаться — она кобылка смиренная, добрая и совсем невысокая.

Рыжая лошадь была обещана Атенаис, как подарок к приближающемуся дню ее появления на свет. Большая лошадь для большой девочки. Давая это обещание, Конан и не подозревал, что надолго обеспечивает себе изрядную нервотрепку. Уж лучше бы было сразу подарить — на принадлежащие сестре вещи Лайне никогда не

покушалась, демонстративно их не замечая. Но в том-то и дело, что Салма пока что Атенаис вроде как бы и не принадлежала...

— Я почти два поворота клепсидры каталась! По всему двору! И рысью, и даже галопом, вот!

Ну, это она, положим, привирает — не настолько широк двор, чтобы скакать по нему галопом.

— Иллайния?!! Как можно?!! Мой король, ей нужно объяснить, что воспитанной девочке ее возраста не подобает...

Точно — проблема.

Отправлять ее с прочими женщинами просто опасно — если уж даже Ингрис с ней не справляется, что говорить об остальных. Придется, похоже, брать с собой...

Нергал, не к ночи будь помянут! Наверное, ее и вообще не стоило увозить из Тарантии. Какой там «товар лицом» — такой товар умные купцы лицом никому заранее не показывают. Пока не связали будущего покупателя по рукам и ногам и полученные от него деньги не прятали понадежней!

Знакомить эту егозу с будущими женихами — значит, надежно похоронить любую надежду на выгодный брак. Теперь вот — приглядывай, таскай с собой повсюду, как привязанную к седлу гончую, на Нахора перед собой сажай — не на гирканской кобылке же ей весь день тряс-

тись?.. И как бы теперь так извернуться, чтобы не выглядело это отступлением?..

Стоп. Ей самой-то ведь наверняка такая идея очень даже понравится! Тогда почему бы не сделать это условием сделки? Она очень серьезно относится к данному слову, никогда его не нарушит, как бы ни подначивали, не смотря на то, что такая пигалица... Только что бы такое у нее попросить — не слишком обременительное, но в то же время и достаточно важное, чтобы она не заподозрила подвоха?

Внезапно у Конана перехватило дыхание — он понял, что именно будет просить у нее взамен.

— Хочешь поехать не в карете, вместе с остальными женщинами, а со мной? — спросил король деланно-нейтральным тоном. И вкрадчиво добавил. — Верхом?..

Лайне же восторженно растопырила глазенки и быстро-быстро закивала, боясь неосторожным писком спугнуть нежданную удачу. Конан придал своему лицу достаточную степень задумчивого скепсиса, чтобы она не расслаблялась заранее.

— Ну, я полагаю, что мог бы тебе это позволить... С одним условием. С того момента, как мы прибудем в Шем, и до самого окончания празднеств ты будешь вести себя прилично и одеваться так, как подобает дочери короля. Ко-

роче, во всем брать пример со старшей сестры. Договорились?

Личико Лайне страдальчески вытянулось — такого подвоха она не ожидала. Она моргнула, сморщилась, пошевелила губами. Конан запаниковал — похоже, упоминанием о старшей сестре он перегнул палку...

— Никаких кинжалов, никаких драк, никакой стрельбы — до самого конца первой осеннеи луны, — и быстро добавил, пока она не успела разразиться возмущенным воплем, — а потом я подарю тебе свой арбалет. Что скажешь?

Конан так и знал, что упоминание об арбалете подействует — при произнесении волшебного слова личико Лайне самым чудесным образом разгладилось и просияло искренним восторгом.

— Да!!! — восторженно выдохнула она. — Тот, который с бронзовой отделкой!

Конан придал себе еще более грозный и неуступчивый вид:

— Но ты поняла? Ты должна вести себялично! Иначе — никаких арбалетов!

Лайне скривилась.

— Поняла.

— Клянешься Митрой?

— Клянусь Митрой. — Она вздохнула печально, но тут же снова расплылась в довольной улыбке. — Зато — арбалет. И — целый день вер-

хом. На Салме! Хорошо? — Она мстительно сверкнула глазенками. Наступил черед Конана скривиться.

— Годится.

На Салме весь день — это, допустим, вряд ли. Целый день верхом она и на медлительном Карфоре не продержится. Но пусть какое-то время покрасуется, устанет как следует, а потом отоспится на Нахоре, его спина и не такую тяжесть выдерживала, в присутствии хозяина он против второго седока возражать не станет.

* * *

Странности начались еще на границе.

Гонец не обманул — эскорт был подан к воротам Малого форта точно в срок. Только вот вместе с десятком чернобородых стражников в кольчужных доспехах до пят, позевывающим после почти бессонной ночи Конан, обнаружил во дворе еще и странное сооружение на колесах, запряженное парочкой украшенных безо всякой меры лошадей.

Золотые и серебряные пряжки, цветные ленты и живые цветы были не только густо вплетены в гривы, хвосты и упряжь несчастных животных, но и почти что сплошь покрывали изукрашенную клинописью повозку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся личным даром от ца-

ря Зиллаха великому королю Конану. Не успел Конан фыркнуть и — как два дюжих воина из выделенного шемским повелителем эскорта аккуратненько подхватили его под локотки и помогли взобраться по высоким ступенькам.

Киммериец настолько растерялся, что даже не отбросил ударом кулака этих асгалунских наглецов. Кроме того, он, желая показать достойный подражания пример Лайне, с утра и сам оделся в подобающие королю одеяния. А затевать потасовку, словно простому киммерийскому варвару, королю Аквилонии не пристало.

По крайней мере северянин сумел в этом себя убедить. Правда, он успел подозвать Стекса и поручить ему заботу о Нахоре — все равно ведь никого другого зверюга к себе не подпустит. Жаль, конечно, что не удастся самолично присмотреть за Лайне, но от нее сегодня вроде бы неприятностей ожидать рановато — умаявшаяся вчера, она, скорее всего, сегодня весь день будет непривычно тиха и послушна.

Подвох поджидал в дороге.

И вовсе не с той стороны, с которой Конан мог бы предвидеть.

* * *

Нет, он, конечно же, предполагал, что езда в карете медленнее, чем верхом, но чтобы настолько!..

Сначала он думал, что кавалькада так медленно передвигается из-за тесноты уочек окружающего Малый форт городка. Но скорость не увеличилась и тогда, когда вместо дробного перестука мостовой под колесами кареты запылила дорога.

Темп задавали разряженные местные воины, неторопливо ехавшие во главе колонны. И, похоже, увеличивать этот темп они не собирались.

Какое-то время Конан разглядывал в оконко уплывающие назад окрестности, а потом подозвал Стекса — благо тот ехал рядом с каретой, и попросил его узнать причину такой медлительности движения.

Обрадованный Стекс, которого и самого все это изрядно раздражало, ускакал вперед, но очень быстро вернулся, крайне раздосадованный.

Стражники утверждали, что увеличить скорость передвижения никак невозможно, у них личный приказ начальника асгалунской стражи — ехать медленной рысью, для пущей сохранности в полном здравии особы великого короля аквилонского.

Конан с досады выругался и помянул Зандру. Двадцать зим назад он послал бы всех куда подальше, вытряхнул бы возничего прямо в дорожную пыль и, заняв его место, показал бы

этим длиннобородым кольчужникам настоящую скачку.

Нет уж!

Не будем лишний раз подтверждать свою и без того достаточно варварскую репутацию.

Конан поудобнее устроился в мягких подушках, закрыл глаза. И не заметил, как задремал. Что было вовсе не мудрено — всю ночь они пьянистовали с офицерами Малого форта, среди которых у Конана неожиданно обнаружился старинный друг, знакомый еще по славным шадизарским временам.

А не выпить за подобную встречу было бы крайне нехорошой приметой. А зачем нам дурные предзнаменования в самом начале пути? Вот они и выпили. А потом добавили — уже за будущие встречи. И еще. А потом пели песни. А уже совсем потом кто-то из молодых офицеров затянул состязание на мечах — тут уж и Конан не утерпел.

Короче, погуляли хорошо. До сих пор в голове гудит и плечи ноют! Как после такого не заснуть на непривычно мягких подушках под мерное поскрипывание деревянных колес?..

И вот там-то, на самой грани яви и сна, и посетила его впервые эта странная мысль.

«За кого они меня принимают?..»

* * *

Утомленный бессонной ночью и укачанный мерным неторопливым движением, он не видел, как в неплотно затянутое шторкой окошко королевской повозки заглянул один из шемитов, присланных в качестве эскорта. Стражник довольно долго ехал рядом с каретой, посматривая на спящего короля.

Шемита окликнул кто-то из сородичей. Тот вздрогнул и бросил вороватый взгляд внутрь кареты, словно опасаясь быть застигнутым за не слишком достойным поведением. Но король не проснулся. Стражник улыбнулся в бороду и усмокено отъехал к своим.

Он увидел все, что хотел.

* * *

— Да за кого они меня принимают?!

Пришедшую вчера в полусне мысль Конан высказал вслух уже к вечеру следующего дня, увидев паланкин. Хоть он буркнул это и негромко, но все же стоявший рядом Квентий услышал, сделал большие глаза и усмехнулся.

Понимать своего командира малой стражи Конан давно уже научился без лишних слов. Вот и сейчас было ясно, что Квентий советует во всем подчиняться местным обычаям — него-

же гостям устанавливать свой порядок в доме хозяев.

Паланкин Конану подали для того, чтобы облегчить преодоление последней пары сотен шагов от кареты до дворцовой залы. Конан совсем было уже собирался вспылить и как следует отдубасить носильщиков, но под осуждающим взглядом начальника малой стражи делать этого не стал.

«Ты не дома, — говорил ему этот взгляд, — здесь свои правила. И, если Зиллах желает оказать своему гостю подобную честь — верхом неблагодарности будет от нее отказаться».

Конан буркнул что-то неразборчивое, зло сощурил глаза и полез в паланкин.

Его настроение еще больше ухудшилось, когда несколько позже он обратил внимание на то, что из всех присутствующих коронованных особ подобного рода честь оказана была лишь ему одному.

Он начал догадываться.

А во время последовавшей полуденной трапезы догадка его получила весьма неприятное подтверждение...

* * *

— Он стар. Шестьдесят четыре зимы — возраст более чем почтенный.

Два человека стояли на верхней галерее пиршественного зала, глядя вниз.

Во время пиров на этой галерее располагались лучники или музыканты — в зависимости от того, с кем именно пировали хозяева замка, и в чьих услугах они на данный момент нуждались больше.

Один из наблюдателей, тот, что постройнее и помоложе, был в чешуйчатых доспехах стражника.

Второй, более крупный и представительный в ханди — шемском повседневном платье. На голове его красовался кидарис — войлочный колпак, украшенный золотыми пластинками. Оба они смотрели вниз, на освещенный неверным пляшущим светом факелов пиршественный стол и сидящих за ним людей. Вернее — на одного человека.

Этот человек действительно стоил, чтобы на него посмотреть. Он был огромен. Отсюда, сверху, казалось, что он, как минимум, раза в два шире любого другого из сидящих в зале людей. И на голову выше.

— Он выглядит достаточно крепким для своих... преклонных лет, — с долей сомнения в

голосе возразил собеседнику человек в ханди. — Не ошибись, Айзах, выдавая желаемое за действительное. Все-таки перед нами живая легенда Закатных стран.

— Он стар! — повторил раздраженно стражник. — Да, когда-то этот человек был легендой... Но сейчас его не стоит принимать всерьез.

— Он сумел захватить и удержать трон великой державы — а ты говоришь, что его не стоит принимать всерьез?

— Он стар и слаб. Даже легенды ветшают. Вчера эта развалина проспала весь день в карете, я это видел собственными глазами! Он старик, Закарис. Просто старик.

Тот, кого называли Закарисом, все еще сомневаясь, качнул головой в колпаке:

— Посмотри внимательней. Киммериец отнюдь не выглядит стариком.

— Взгляни получше, Закарис! Он сед! Не носит меча! Да что там меч — сам по лестнице подняться не может! Ему выделили четырех носильщиков — и это внутри дворца! Пусть варвар и не выглядит стариком, но это оболочка, внутри же — высохший прах!

Закарис в глубокой задумчивости смотрел на дремлющего за столом человека. Складка между бровями стала глубже — Айзах, конечно, молод и горяч, но Бел — свидетель, — доводы стражника убедительны.

Лицо человека в ханди осталось неподвижным — лишь дрогнул левый уголок рта.

— А ведь это, пожалуй, все меняет. Старцы — они как дети. Их даже не надо умерщвлять... только следует поторопиться, пока нас не опередил этот молодой царек из Шушана, Имперского города, который вечно оспаривал у Асгалуна право первенства....

Закарис поискал глазами молодого соперника из второй — теперь уже навсегда второй! — столицы Шема. Нашел — в неприятной близости от неподвижно застывшего старика. Их разделяло всего трое гостей.

Оставалось надеяться, что три сидящих рядом человека на царском пиру — это все-таки достаточная преграда, и Селиг не окажется настолько безрассудным, чтобы попытаться в первый же вечер охмурить беспомощную жертву...

* * *

— Посмотри на него, — сказал Селиг, молодой владыка полиса Шушан, второй — пока еще второй! — столицы Шема, своему соседу и соотечественнику Рахаму. — И это — знаменитый Конан-киммериец, великий герой-варвар, победитель чудовищ и убийца демонов?! Эта старая развалина?! Да Иштар уже забрала у него все силы, которыми он когда-то был наделен...

Молодой правитель обгрыз хорошо прожаренную ножку, бросил кость вертящимся под столом пса. Засмеялся недобро.

— А я-то, глупец, строил хитроумные планы, все придумывал, как бы нам половчее перетащить его на свою сторону. А все оказалось так просто... Великий варвар и непревзойденный воин на деле оказался пустышкой. Он ведь приехал с дочерьми... С дочерьми, понимаешь, Рахам, что это значит?! Киммериец больше не та живая легенда и беспощадная неприступность, о которой нам всем твердили! Конан постарел и стал уязвим. А если воин уязвим — то заранее обречен на поражение!

— Старца следует отправить на Серые Равнины? — насторожился Рахам, зачастую не понимавший длинных рассуждений своего владыки.

Селиг поперхнулся выпитым вином. Откашлялся. Прошипел.

— Ты несешь вздор, сын Сета?! Убить владыку могущественной державы, армия которой может смети все полисы Шема так же легко, как колесо колесницы сминает былинку? Ты видел Черных Драконов? Их вполне достаточно для того, чтобы ты и твои приспешники уже сегодня поджаривались в огне преисподних Зандры! Нет, мы будем умнее... Мы подружимся со старым королем.

Он хохотнул и сделал непристойный жест.

— О, ты даже не представляешь, Рахам, насколько же близко мы с ним подружимся! Можно сказать, породнимся...

* * *

Конан буквально закаменел, с трудом удерживая рвущуюся ярость.

Так его не унижали вообще никогда!

Во-первых, всю речь Зиллаха он прослушал сидя. Когда внесенные в зал аудиенций носилки поставили на пол, Конан попытался встать из низкого и неудобного кресла и размять затекшую спину. Но смотритель царского замка Тейвел, как-то незаметно оказавшись рядом, шепнул:

— Сиди, король, тебе не нужно утруждать свои ноги.

Конан не стал спорить и остался сидеть. И только к концу речи асгалунского владыки киммериец с некоторым смущением обнаружил, что сидит он во всем зале один — остальные стояли. Все. Даже сам царь Пелиштии — Зиллах.

А в обеденной зале его поджидала подушка.

Конан стерпел. Хотя зубами скрипнул так, что, казалось, на том конце стола слышно было. Но когда вместо доброго куска бааранины ему

подали вареные в меду фрукты с какой-то разваренной кашей, он схватился за кубок. Вообще-то, варвар в подобных обстоятельствах предпочел бы схватиться за меч. Но в пиршественной зале не принято было появляться с оружием и поэтому меча у северянина не было.

И тут его ожидало последнее потрясение — вместо вина в кубок оказалось налито молоко.

Подогретое.

Сладкое.

С медом и даже, кажется, какими-то пряностями...

Вот тут-то Конан и закрыл глаза. И засопел, призывая Митру даровать ему спокойствие и не нарушать церемонию Кануна Единства.

* * *

— Мой король!

В дверь с осторожностью просунулась голова Квентия.

— Ну??!

Сейчас Конан не был расположен выслушивать очередные, и вряд ли приятные речи начальника малой стражи. Только что он нечаянно сломал у серебряной вилки драгоценную рукоятку из кости элефантуса и теперь пытался решить, не будет ли проще выкинуть к демонам эту злосчастную штуковину и употребить со-

держимое мисок при помощи рук и твердой хлебной корки.

Вчера вечером он был так зол, что на пирам почти ничего так и не съел, и потому сегодня живот подводило весьма ощутимо. А наваленная в драгоценные блюда бурда, хоть и выглядела премерзайше, но пахла вполне приемлемо и даже аппетитно ...

— Я принес еду, мой король! Еду для настоящих воинов! Мясо. Хлеб. Вино.

— Ну и что ты тогда там стоишь, отродье Нергала?!!

* * *

После доброй еды человек и сам добреет. А кувшин крепкого огирского вина, непонятно как и где раздобытого вездесущим Квентием, так и вообще настраивает на мирный лад и воспитывает вполне сносное отношение к действительности даже у самых непримиримых и воинственных.

Конан откинулся на спинку резного кресла, съто рыгнул. Покосился на Квентия, который, пока его король утолял свой голод, молча сидел на яркой войлочной подстилке в углу. Было понятно, что не только явства из шемской трапезы принес этот пройдоха.

— Выкладывай.

Квентий поерзal, начал издалека:

— По дворцу ходят странные слухи...

Примета скверная. Если уж даже Квентий начинает издалека, выражается витиевато и не рискует прямо сообщить своему королю, что именно болтают между собой слуги чужого замка — значит, ничего хорошего они уж точно не говорят.

Странное раздражение, донимавшее Конана со вчерашнего вечера на манер легкого зуда, смутного и трудно определимого, вдруг резко усилилось, оформилось и получило название, ознобной дрожью скользнув вдоль хребта. Его охватило чувство близкой опасности...

И многое сразу становилось понятным, словно чувство это зажгло новый факел, осветивший давно знакомую обстановку совершенно под другим углом и по-новому разбросав на местности длинные черные тени.

— Короче!

Сдержать грозный рык и не оскалиться оказалось проще простого — ярость испарилась без следа, оставив после себя лишь звериную настороженность матерого хищника, способного часами лежать в засаде, не выдав себя ни единственным неверным вздохом или движением.

Опытные воины в этом единодушны с хищными зверями — в настоящей и беспощадной борьбе ярость только мешает. Когда настоящая

опасность подходила вплотную, Конан моментально переставал злиться, становясь обманчиво спокойным.

Квентий поежился.

— Шемиты скрытные люди! Ты знал, что у Зиллаха есть брат?! Причем — старший!!!

— Допустим. И что?

— Так ведь это же все меняет!.. — Квентий растерялся, видя, что его сведения не произвели на Конана никакого впечатления. — Он *старший!* Значит, по праву первородства должен возглавить союз шемских полисов.

— Ничего это не меняет, — Конан вздохнул. Осмотрел взятый со стола кинжал, поморщился. Скверный клинок. Шемиты небольшие мастера в оружейном деле.

— Мне об этом Гленнор докладывал еще не сколько лун назад... Закарис, хоть и пришел в этот мир раньше, но этот малый чересчур безрассуден, а старый шемский царь хорошо понимал, что такого сумасброма опасно сажать на трон Пелиштии. Но опасаясь междоусобицы, старый владыка решил даровать отприскам власть по разуму и пристрастиям каждого. Зиллах — владыка Пелиштии и занимает трон в Асгалуне, а Закарис соправитель этого славного полиса. В торговые дела и управление Закарис не суется, зато в его ведении стража и войска.

— Чем тогда он отличается от начальника стражи? Закарис должен завидовать младшему брату, ведь у того почет и власть?

— Почет и власть — мишура, на которую падки лишь глупцы. Настоящий правитель не тот, кто сидит во главе пиршественного стола, а тот, кто имеет в руках реальную силу.

— Но если все стражники и воины города подчиняются ему — отчего же тогда Закарису не свергнуть брата и не стать самому королем? Этого доблестного воина поддержали бы многие. Болтают, что старший брат суров, но справедлив. Зиллаха ценят куда меньше.

— Потому, что Закарис хорошо понимает, что захватить власть — это одно, а удержать ее — совсем другое. Что он может сделать, имея в своем распоряжении лишь цепных псов? Разве этот слуга Бела что-то смыслит в ремеслах, или в торговле? Одно дело скакать во главе отряда, преследующего зуагиров, а совсем другое обеспечить каждого подданного лепешкой и бурдюком с вином... Тут меч не помощник. Это все новости?

— Нет. — Квентий осторожно покосился на Конана. — Еще поговаривают, что Асгалун — далеко не самый подходящий город для новой столицы. Он уязвим с моря в отличие от Шушуна. Да и молодой владыка Селиг куда лучшая кандидатура, чем...

— А! — Конан отмахнулся. — Эта вечная свара между полисами. В Шеме нет единой власти, отсюда и проис текают все невзгоды для этой страны. Что еще?

Квентий вздохнул. Откашлялся. Сообщил подчеркнуто нейтральным тоном:

— О тебе тоже слухи ходят... странные. Говорят, что с годами ты... э-э-э, несколько...

— Состарился, поглуел и ослаб? — задумчиво окончил Конан сам фразу, на завершение которой у Квентия духу так и не хватило.

Квентий облегченно перевел дыхание — буря откладывалась, Конан, похоже, не собирался немедленно рвать и метать, круша все вокруг в опровержение обидных слухов. Но в глазах воина мелькнул ревнивый интерес.

— А кто сообщил тебе эту новость, король?

— Сам догадался, — буркнул Конан, сгибая толстое серебряное блюдо из-под баранины. Хорошая дубинка получилась — увесистая и держать удобно. — Еще вчера. Когда они мне в комнату две жаровни приволокли. И это — сейчас, в первую осеннюю луну, когда ночи полны тепла! Даже моим дочерям — и то одну на двоих принесли, да еще и маленькую. А мне — сразу две, и больших. Понятно — у стариков кровь холодная, они вечно мерзнут, вот кто-то и расстарался. И подушечки эти, и карета с носильщиками... вместо вина — подогретое молоко,

вместо мяса — бурда, которую даже жевать не надо... Как уж тут не догадаться!

Он продел в серебряную трубу витой шнурок, завязал особым узлом, полюбовался на творение рук своих. Остался доволен. Увесистая серебряная палица вышла длиной больше локтя, но, благодаря сохранившимся на ее поверхности кое-каким украшениям, выглядела при этом достаточно нарядно, чтобы можно было подвесить ее к собственному поясу, не вызывая лишних подозрений, как еще одну драгоценную побрякушку.

Грубоватая, конечно, но чего еще ожидать от короля-варвара, к тому же еще и теряющего разум? Самое же главное достоинство — узел. Такой узел можно распустить одним движением, если дернуть умееючи — и вот тебе готовое оружие.

Квентий смотрел на манипуляции Конана со столовой посудой сначала недоуменно, потом просиял.

— Я понял, почему ты не дал волю гневу еще вчера — ты решил их проучить? Сегодня вечером, на состязании мечников? Выйдешь в самом конце и сшибешься с их лучшим бойцом! То-то потеха будет! Старец одолел их лучшего воина! От такого позора они долго не оправятся...

— Нет. Я не буду участвовать в состязаниях.

— Да-да, конечно, мы не будем объявлять об этом заранее, а потом, когда наступит подходящий момент... Или лучше даже — во время кулачного поединка, это зрелищнее...

— Ты слышишь меня, Квентий? Я не буду участвовать! Совсем!

— Но почему, мой король?! Они же тогда так и будут думать, что ты стар и слаб. Что твоя слава осталась в прошлом.

— Вот именно, — весомо сказал Конан.

Привязал серебряную дубинку, проверил, легко ли будет при необходимости ее выхватить. Оказалось — очень даже легко. С интересом осмотрел остальную посуду — а не найдется ли еще чего-нибудь подходящего. Не нашлось. Но это не беда, ведь еще предстоит обед и ужин...

— Поединки — это забавы молодых. А я со стороны посмотрю. *По-стариковски*. — При этих словах Конан нехорошо осклабился, с хрустом разминая мощные руки. — Посижу, послушаю, подремлю в тепле. Может, и услышу чего интересного про здешние планы, в которых всем почему-то так не хочется принимать меня в расчет. А ты иди, прогуляйся по дворцу, поболтай с этими сынами Нергала. И всем, кто только захочет слушать тебя, говори, что твой король вздорный старик. Что когда-то, он был героем, но плоть слаба, тело дряхлеет, да и разум давно

уже не такой светлый, как был ранее. Ты понял меня?

Квентий кивнул, судорожно сглотнув.

— Я спрашиваю — ты меня понял?

Квентий сузил глаза. Улыбнулся хищно. До него начало доходить.

— Да, мой король!

— Ну так что же ты стоишь? Иди. А я пока подремлю после завтрака... по-стариковски.

Квентий был уже у порога, когда Конан небрежно бросил ему в спину:

— И вот еще что — мой меч. Принесешь сюда. Сегодня же.

* * *

— Прекрасную юную госпожу интересуют лошади?

Вообще-то Атенаис куда больше интересовало изящное седло прекрасной выделки, которое нерадивый конюх не удосужился снять со спины невысокой кобылы после возвращения той в стойло. Или же наоборот — заседдал слишком рано, поскольку кобылка с седлом была готова, а вот никакой собирающейся на верховую прогулку госпожи поблизости от конюшни не наблюдалось. Это седло — тонкой и явно не местной работы, украшенное тисненым серебром и зелененькими камушками по ребру высокой лу-

ки — волновало ее воображение куда больше кобылы. Но возражать тому, кто называет тебя прекрасной госпожой, как-то не хочется.

— Очень интересуют!

Атенаис обернулась с улыбкой милой, в меру очаровательной и немножко смущенной, как и подобает хорошо воспитанной девушке.

Стоявшая рядом Ингрис сдержанно поклонилась.

— Это властитель Закарис, дитя мое. Старший брат царя Пелиштии Зиллаха.

Атенаис слушала ее вполуха и сквозь скромно приоткрытые ресницы разглядывала царского брата.

Стоящий рядом с ее конфиденткой мужчина не произвел на Атенаис особо приятного впечатления. Был он огромен, уродлив, стар и криклив. Ну, конечно, не настолько огромен и вовсе не так стар, как отец, но крупнее отца вообще людей не бывает, да и связать с отцом понятие о старости попросту невозможно.

Этому же Закарису на первый взгляд было зим сорок, а, может, и больше — кто их, стариков, разберет? К тому же обладал он бочкообразным телом, красным топорно вырубленным лицом, мощной шеей и крупными руками. Голова — словно второпях высечена топором из красно-черного гранита. Причем высечена не только наспех, но еще и не очень умелым каме-

нотесом — глазницы слишком глубокие и расположены ассиметрично, подбородок оставлен чересчур большим, челюсть выпирает чуть ли не на три пальца, а нос так и вообще свернут на сторону. Длинная лопатообразная борода, которую носят все шемиты, завита в маленькие колечки и намазана вонючим маслом от запаха которого хочется наморщить нос.

Короче, тот еще красавчик.

Но Атенаис не была бы самою собой, если бы позволила хотя бы тени какой-нибудь из подобных мыслей проскользнуть на поверхность своего прелестного и мило улыбающегося лица.

— Эти лошади — принадлежат мне, — сказал мужчина гордо. — Я рад, что они нравятся прекрасной юной госпоже.

Атенаис с неудовольствием подумала о том, что слово «юная» применительно к ней мог бы он употреблять и немного пореже.

— А у меня тоже есть лошадь. Мне ее подарили.

— Наверное, какой-нибудь молодой вельможа, очарованный несравненной красотой юной госпожи?

Уроки Ингрис не прошли даром — Атенаис удалось не поморщиться. Только ее улыбка стала слегка холоднее.

— Ее подарил король Аквилонии. Мой отец.

Она отвернулась, продолжая разглядывать седло и ожидая, когда же Закарису надоест разглядывать ее невежливый затылок, и он, наконец, уйдет.

Но тонкая выделка кожи и драгоценные украшения внезапно потеряли половину своей привлекательности. Что за невежа — третий раз подряд впрямую намекнуть женщине о ее возрасте!

Старый грубиян.

То ли дело тот утонченный горбоносый юноша, что вчера вечером угостил ее сладкими орехами, а потом читал смешные стихи на гортанном шемском языке. Если бы юной госпожой назвал ее он — она и не подумала бы обижаться. Потому что отлично видела, какими глазами смотрел на нее тот милый шемит.

— Ты будешь впрягать ее в свою... э-э-э... карету?

Закарис топтался за спиной и, похоже, уходить не собирался. Атенаис пришлось вновь обворачиваться. Она расширила глаза, похлопала ресницами и в преувеличенном удивлении округлила пухлые губки:

— Как можно?! Это — верховая лошадь, впрягать ее в повозку было бы варварством!

— Ты умеешь ездить верхом?

Атенаис расширила глаза еще больше, хотя векам уже было больно. Ничего, можно не-

множко и потерпеть, зато впечатление очаровательной наивности обеспечено.

— Конечно, господин! Кататься верхом — это же так прекрасно! Почтенный господин и не подозревает, какие великолепные охоты у нас бывают в канун листопада!.. Я провожу много времени на конюшне, случается меня даже порицают за чрезмерное увлечение лошадями...

— В таком случае — не окажет ли прекрасная юная госпожа мне честь совместной прогулки? — произнес он с нажимом. — Ведь дочери западного короля не зазорно будет показаться в обществе соправителя Пелиштии?

Ясненько.

Вот, значит, для кого это седло изначально предназначено. Приятно, однако, и даже лестно в какой-то мере. Она явно понравилась этому здоровяку в войлочном колпаке; раз уж этот неизнакомец так расстарался.

А что может быть привлекательнее прогулки в обществе человека, которому ты понравилась? Пусть даже он грубиян и старик — это неважно.

Похоже, этот день еще может оказаться вовсе и не настолько противным, как показалось ей с утра...

* * *

Иллайния сидела на широком каменном подоконнике своей комнаты. Сидела боком, уперевшись спиной в одну стенку оконного проема, а босыми ногами — в другую. Мешавшую юбку она задрала чуть ли не до колен и подвернула под себя, потому что подоконник был холодным, сапожки же просто сбросила на пол.

Она смотрела вниз, на внутренний дворик замка и центральные ворота в город, в которые как раз сейчас выезжала группа всадников. Вот они появились с другой стороны стены и начали неторопливый спуск по центральной городской улице. Лошади шли шагом, но все равно дома скрыли всадников очень быстро. Лайне продолжала смотреть им вслед.

Сама виновата.

Нечего было притворяться больной — ехала бы сейчас вместе с ними. И уж, разумеется, не шагом!

Но так не хотелось идти вместе с Атенаис в конюшню и смотреть, как она с хозяйственным видом будет трепать Салму по шее и угощать фруктами — уже на правах законной владелицы. И распинаться в своей неизбывной любви к «этим прекрасным созданиям».

Это она-то, которая всегда твердила, что от лошадей плохо пахнет и остается слишком много

го навоза! Лайне себя знала очень хорошо, а потому всерьез опасалась, что может такого и не выдержать и вцепиться сестрице в волосы.

А выдержать было необходимо — она обещала отцу вести себя прилично. Еще больше двух седмиц — до самого конца первой осенней луны. Носить эти неудобные и душные бархатные балахоны вместо привычных кожаных штанов, не скверносоловить, улыбаться даже самым противным рожам, закатывать глазки, глупо моргать, складывать губки и всеми прочими доступными средствами корчить из себя полную дуру — короче, во всем брать пример со старшей сестрицы, дюжину иглобрюхов ей под одеяло! Тоска, короче.

Но — арбалет...

Лайне мечтательно вздохнула.

Отцовский арбалет действительно был хорош. Тот, что висел не на стене охотничьей залы, а лежал в оружейной комнате, на особой полке, лишь для него предназначенней.

Темный и гладкий, из полированного дерева, с уголками и скобами из темной чуть шероховатой бронзы.

Он не был особо наряден или изукрашен драгоценностями, как более позднее отцовское оружие, зато обладал целым рядом преимуществ. Во-первых, был он достаточно легок, и на вес, и в обращении — Лайне это проверила

еще весной, хотя и схлопотала тогда седмицу без верховых прогулок, когда застукали ее в оружейной.

Хорошо хоть, не поняли, на что она покушалась, решили, что ее привлекли усыпанные драгоценными каменьями кинжалы. А то бы Конни, нагло считающий все отцовское оружие своей личной собственностью, наверняка бы к себе утащил и этот прекрасный арбалет. Словно ему других развлечений мало!

Второе преимущество заключалось в размерах — арбалет был удивительно невелик, его можно было легко спрятать под безрукавкой. Действительно — почти игрушка. Но игрушка очень даже серьезная и смертоносная — не случайно же командир Черных Драконов Палантид расхваливал эту штуку за поразительную точность стрельбы.

Третье же преимущество заключалось в том, что этот арбалет был обещан именно ей. И только ей. И не надо будет больше клянчить у брата, или просить у снисходительных гвардейцев — это оружие будет *её*, личное. И никто не посмеет его у нее отобрать, как отобрали прошлой зимой кинжал, стащенный ею у развязы-пажа прямо из-за пояса. Кинжал был так себе, плохо центрован и заточен отвратительно, но все равно было немного обидно! Хотя и не слишком сильно.

Но арбалет — совсем другое дело.
Он стоил любых мучений.
И он будет ее — надо только продержаться
до первого дня второй осеннеи луны. Не так уж
и долго. Если подумать.

* * *

В дверь постучали. Толстая рабыня, которую Ингрис оставила с Лайне, бросилась открывать. Слегка повернув голову девочки, глянула — кто там пришел? Не то, чтобы ей действительно было интересно, просто какое-никакое, но развлечение.

Развлечение вышло так себе — явился молодой противный шемит, который весь вечер вчера увидался вокруг старшей сестрицы. Вслед за ним двое слуг заволокли в комнату поднос со сластями и увесистый сундучок явно с чем-то более ценным, чем засахаренные фрукты и вываренные в меду орехи. Потом слуги вышли, а странный посетитель остался. Сел, небрежно развалился и начал о чем-то расспрашивать рабыню.

Понятненько.

Лайне потеряла интерес к происходящему в комнате, снова уставилась в окно. Правда, ускакавших всадников больше не было видно за домами. Но там, дальше, минуя городскую стену,

дорога уходила в поля и хорошо просматривалась. Хотя таким аллюром они до городских ворот полдня добираться будут...

* * *

Глядя поверх пухлого плеча раскрасневшейся рабыни на сидящего в окошке ребенка, Селиг с трудом удержался, чтобы не поморщиться.

Если уж не везет — так не везет. И за что только владычица Иштар прогневалась на него. Разве не приносил он ей обильные жертвы и не умащивал алтари дорогим вином и маслом. Вроде бы сестры, и совсем небольшая разница в возрасте, а вот поди ж ты!..

Одна — почти девушка, уже все о себе отлично понимающая. Тут тебе и кокетливые улыбочки, и намекающее дрожание пушистых ресниц, и множество других еле заметных, но очень важных в этом деле мелочей.

Вторая же — сущий ребенок.

Сидит себе на подоконнике, ноги задрав чуть ли не до головы, в позе — ни малейшего кокетства или попыток очаровать случайного зрителя. Да и вообще — некрасивая поза! Ноги вывернуты, спина ссутулена, юбка дорогого шитья вся помята и словно изжевана, из-под нее торчат грязные пятки и тощие исцарапанные

лодыжки чуть ли не до колен. А она и ухом не ведет — словно ей совершенно плевать, как она выглядит со стороны. Ни одна настоящая женщина не позволит себе так сидеть в присутствии мужчины!

Да вот только в том-то и дело, что не женщина это.

Пока еще не женщина.

А детям — им действительно наплевать на свой внешний вид, они вообще нагишом ходить могут — и ничего! Если, конечно, не вмешаются взрослые. Умные взрослые. И Селиг с сожалением покосился на вконец смущенную рабыню. Эта явно была глупа и нерасторопна, хотя и соблазнительна. В другое время он с удовольствием продемонстрировал бы ей свою мужскую стать. Но не сейчас. Ведь у него важное дело.

Было...

Селиг с трудом удержался от того, чтобы не топнуть ногой. Он так серьезно готовился, так долго выбирал наиболее завлекательные побрякушки и изысканные сладости, так тщательно доводил до полного совершенства перед зеркалом свой наряд, что умудрился опоздать. Кто же мог предположить, что старый негодяй вдруг ни с того ни с сего проявит невиданную ревность, а эта маленькая кошачья вертихвостка умотает с ним и полудюжиной стражников, оставив вместо себя ребенка?!

Детей Селиг не любил.

Особенно — девочек.

Он просто не знал — что с ними делать, и как-то терялся. С мальчишками еще понятно — дать пинка или отвесить хорошую затрещину, чтобы под ногами не путался. Но так грубо обращаться с девочкой, которая, вполне возможно, в скором времени превратится в прекрасную женщину, Селиг просто не мог себя заставить. С женщинами тоже все было просто — их следовало любить, баловать и радовать подарками. Но кто знает, чем можно порадовать такого вот ребенка, которому интересно лишь глязеть в окно?

Впрочем — все дети любят игрушки...

Селиг хищно улыбнулся и хлопнул в ладоши.

Рабыня встрепенулась.

— Позови сюда свою маленькую госпожу.

Пока толстуха пыталась помочь дочери Конана спрыгнуть на пол, Селиг напряженно пытался вспомнить, как же звали юную аквилонку. Ламиния? Аларния? Вчера ему называли ее имя, но царь предпочел не утруждать свою память, сразу поняв, что Атенаис окажется не только куда более приятным вариантом. Однако на пиру при зыбком свете факелов и после десятка осущенных кубков вина он толком и не разглядел, младшую наследницу аквилонского двора.

Короче, как бы там ее ни звали, но теперь она стояла перед владыкой Шушана. Стояла безвольной куклой, сохраняя на лице отрешенно-скучающее выражение.

И Селиг внезапно осенило, что он только что случайно узнал самый важный и тщательно охраняемый секрет королевского двора Тарантии — младшая и любимая дочь короля Конана была, похоже, просто умственно недоразвитой.

Теперь становилось понятным, почему они с сестрой такие разные, и со временем эта разница будет только усиливаться — ведь старшая росла и развивалась нормально, а эта так на всю жизнь и останется тупым безвольным существом. А значит: все важные решения за нее всегда будут принимать окружающие.

Например — супруг...

Сильный, молодой, заботливый и любящий муж.

В конце концов, это безмозглое и совсем еще пока детское тело когда-нибудь станет телом вполне женским. А уж сделать эту куклу счастливой и довольной опытный муж сумеет.

Итак — что мы тут имеем? Вернее — можем иметь... Сильный, умный, заботливый муж при послушной и довольной кукле. Муж, которому будет безмерно признателен любящий и постепенно отходящий от дел своей огромной империи старик-отец...

Селиг смотрел на туповатую девчонку уже совсем другими глазами. Да — не слишком привлекательная. Да — совсем еще ребенок. Но в этом ребенке скрывались невероятные возможности для того, кто сумеет приложить немного усилий. В конце концов, сладости любят не только маленькие женщины, в этом смысле дети от них нисколько не отличаются. А еще дети любят игрушки...

— Смотри, что у меня есть! — заговорщицким тоном сказал Селиг равнодушно сидящей на скамейке девочке и вывалил перед ней прямо на ковер содержимое ларца.

* * *

Он был даже еще противнее, чем вчера.

Те же блестящие глазки, те же слишком красные иечно мокрые губы, завитая черная борода, которую носят все мужчины-шемиты, обилие перстней на изнеженных руках и неизменный кидарис на обротой голове.

Лайне сидела на резной лавке, там, и скучающе рассматривала на разложенные на красном ковре украшения.

— Смотри, какие они красивые. Любая девочка будет рада носить такое. Нравятся? Смотри, как блестят! Ты меня понимаешь? Хочешь, я тебе что-нибудь подарю?

Лайне молчала, продолжая глядеть прямо перед собой. Сперва она молчала в надежде, что, если не будет разговаривать с этим неприятным шемитом — а то и вообще не будет его замечать — он обидится и уйдет. Но теперь она молчала по другой причине.

Она думала.

Во всяком случае, это занятие было намного более занятным, чем просто сидеть на подоконнике и тупо смотреть в окно...

Этот суетливый царек Шушана ей не нравился. Но это было бы еще полбеды.

Гораздо важнее было то, что и она ему не нравилась тоже.

Она не была уверена, что этот тип хотя бы запомнил ее имя. Вчера, во всяком случае, с ней он так и не заговорил ни разу, сосредоточив все внимание на Атенаис.

Да и сегодня разговаривал так, словно перед ним был младенец. Так почему же не обнаружив в комнате вожделенной Атенаис, этот человек не ушел?

Сидит. Смотрит. Пытается даже разговаривать.

Интересно... Зачем?

И зачем это ему так жизненно необходимо втереться к Лайне в доверие? Чтобы замолвила словечко перед старшей сестрицей? Чушь. Любой из слуг с удовольствием расскажет о том,

как часто ссорятся наследницы аквилонского трона, дочери великого Конана.

Стоп.

Дочери. Великого. Конана...

Вот именно!

Ему не Лайне нужна. И даже, похоже, что и не Атенаис.

Ему нужен король-отец.

Не зря Конан сызмальства внушал дочерям: никому не верь, будь настороже. Королевский двор опасное место, куда опаснее, чем пустыня или лес и если ты хочешь выжить, то должна все время быть начеку.

Варвар остается варваром даже в чертогах Тарантии. И дети его лишь маленькие варвары, какие бы титулы они ни носили и сколь бы их ни пыталась воспитывать строгая Ингрис.

Пусть Кром — покровитель воинов, но кто сказал, что в теле маленькой девочки не может биться сердце воина?

Что ж, попытки захвата власти через династический брак неоднократно описаны в дворцовых хрониках. Видимо Митра сегодня милостив к ней, раз открыл ей глаза на действия вероломного шемита.

Что ж, не повезло тебе любезнейший Селиг, что не на ту из сестер ты нарвался...

* * *

Лайне медленно улыбнулась, опуская глаза на раскиданные по лавке украшения и пряча тем самым разгоревшийся в них блеск.

— Вот и умница! — Шемит с видимым облегчением перевел дух. — Правда, красивые штучки? Такие блестящие... вот взгляни на это кольцо, но, пожалуй, тебе оно пока будет великовато. А вот это подвеска, изображающая Бела, крадущего драгоценный свиток у Адониса... Бел, это божество шемитов, которое почти неизвестно в Аквилонии...

Младшая дочь Конана усмехнулась — игра становилась интересной.

Она запустила пальцы в гущу драгоценностей, выудила оттуда крупную золотую побрякушку и сунула ее в рот.

Хотели младенца?

Ну так получайте!

* * *

На пару ударов сердца чернобородый шемит растерялся самым постыдным образом, и Лайне имела полное удовольствие лицезреть его отвисшую челюсть и выпученные глаза.

Ему просто некогда было привыкнуть к подобным выходкам — он видел Лайне всего вто-

рой раз в жизни, да к тому же — сейчас, когда впереди у нее маячила великая цель из полированного дерева, а потому количество уловок было резко ограничено.

Бедняжечка.

— Ты чтотворишь?! — прощедил владыка Шушана, — ты верно перпутала — сладости находятся вон там. И он мотнул головой в сторону подноса с засахаренными фруктами.

Девочка нахмурилась и отрицательно покачала головой.

Не отдаам.

Селиг занервничал: если эта несносная девчонка проглотит сейчас кусок золота, то виноват будет он, а ссориться с владыкой Аквилонии из-за такого недоразумения, как съеденная ненароком побрякушка ему совершенно не хотелось.

Кроме того одна Иштар ведает, что может стрястись с маленькой мерзавкой. Может сейчас она подавиться и ее дух через несколько мгновений перенесется на Серые Равнины. В этом случае в гибели наследной принцессы аквилонии виноват будт он.

И только он.

Селиг не сумел совладать с обуревавшими чувствами. Он беспомощно оглянулся на рабыню, но та стояла и хватала ртом воздух, оцепнев от неожиданности. Помянув Нергала, ше-

мит кинулся к ребенку и попытался открыть ей рот, чтобы вытащить драгоценность.

Для начала Лайне до крови цапнула его за палец, а потом вдохнула в грудь побольше воздуха и, не разжимая плотно стиснутых зубов, заорала.

Уж чего-чего, а орать она умела очень даже неплохо.

Вот ее сестра Атенаис — была терпелива просто до невероятности. Она могла ждать часами, молчаливая и невозмутимая, и только морщиться слегка при наиболее громких угрозах отца, когда он был в гневе.

Сама же Лайне подобным терпением не обладала никогда...

* * *

Вопль удался на славу.

По коридору прогрохотали торопливые шаги бегущих людей, тяжелая дверь гулко ударила о каменную стену.

— Что здесь происходит?!

Лайне прекратила орать и с любопытством обернулась к двери. Ей действительно было интересно — кто успел первым.

Точно!

Первым ворвался Квентий — насупленный и с обнаженным мечом наперевес.

За его спиной топтались еще двое. Быстро они, однако!

Лайне сплюнула брошку в ладонь и захныкала, указывая пальчиком на шемита:

— Он хотел меня ударить?! Сначала подарил мне украшение, а потом захотел отнять! И плащье помял!

В комнату ввалились еще четверо стражников — на этот раз уже шемских. Квентий обвел взглядом комнату, мрачно посмотрел на Лайне и перевел тяжелый взгляд на Селига.

Все стражники — кроме, пожалуй, слишком хорошо знавшего Лайне Квентия — видели перед собою довольно ясную и неприглядную картину. Забившаяся в угол и запуганная до потери соображения рабыня, опрокинутая скамейка, разбросанные по полу драгоценности. А посередине — плачущая дочь венценосного гостя в рваном и мятом платье, и с растрепанными волосами. А рядом с ней — повелитель Шушана, царь полиса, который находится в вечной вражде с их прекрасным Астгалуном. И царь этот с окровавленным пальцем, подозрительным беспорядком в одежде и бегающим взором.

Замковая стража помрачнела.

Селиг явно был в ужасе. Похоже, до него постепенно дошло, как вся эта ситуация выглядит со стороны. И явно расклад был не в пользу властителя Шушана.

— Все было совсем не так! — засуетился он. — Это была игра... Всего лишь игра... Я просто искал ее сестру!..

И осекся, покрываясь бледностью — похоже, понял, что ляпнул нечто лишнее.

Замковая стража помрачнела еще больше.

Квентий страдальчески закатил глаза к потолку, а потом посмотрел на Лайне. Очень не приятно посмотрел, осуждающее и укоризненно. Лайне заморгала, втягивая голову в плечи — ей сделалось стыдно. Как бы ни был противен ей этот шемитский вельможа, но она вовсе не желала ему больших неприятностей, да к тому же за то, чего он, вполне возможно, вовсе и не собирался совершать. Надо было как-то спасать положение — и быстро, потому что местные стражники уже начали потихоньку окружать неудачливого гостя, намереваясь скрутить ему руки...

Селиг попытался сохранить отстатки самообладания. Он исподлобья посмотрел на охранников Зиллаха.

— Прочь с дороги! Я Селиг, властитель Шушана. И не во власти царя Зиллаха чинить надо мной суд.

— Это решать владыке Зиллаху, — отрезал начальник замковой стражи, высокий горбоносый человек в кольчужных доспехах. — Мы проводим тебя к повелителю Асгалуна, ибо ты

нарушил покой дочери великого короля Аквилонии.

Дочь Конана выступила вперед.

— Властитель Селиг не замышлял дурного. Он подарил мне красивое украшение. Я только-только ее в рот засунула, как он сразу кинул ее вытаскивать. Поэтому я закричала.

— В рот? — переспросил начальник стражи, — пусть госпожа простит мне мою дерзость, но, клянусь Иштар, драгоценности существуют не для того, чтобы их есть.

Квентий опять возвел глаза к потолку и что-то пробормотал.

Лайне подчеркнуто обворожительно улыбнулась и протянула раскрытую ладошку с лежащим на ней золотым кругляшком.

— Видишь камешки? Они на винные ягоды похожи! Вот я и захотела попробовать — а вдруг вкусные?!!

* * *

— Что там за шум? — спросил Конан сварливо. Он только-только задремал, намереваясь как следует отдохнуть после полуденной трапезы — а тут вопли, беготня, грохот оружия.

Квентий пожал плечами:

— Лайне развлекается.

— А-а...

Конан завозился, устраивая свое огромное тело поудобнее.

Вообще-то, он и не сомневался, что ничего серьезного не случилось. Голосочек своей младшенькой северянин признал сразу, и интонацию тоже распознал без труда. Злорадно-скандальная, очень громкая и рассчитанная исключительно на неподготовленную публику. Когда ей действительно больно или страшно, она вопит по другому. А чаще — вообще не кричит.

— Не зарвалась?

Прежде, чем ответить, Квентий какое-то время подумал. С сожалением покачал головой:

— Нет. В рамках. Просто корчит из себя тупую малолетку, но оговоренных условий сделки придерживается.

— Тогда — пусть развлекается. Лишь бы от казарм да конюшен подальше держалась...

Квентий не уходил. Стоял на пороге, смотрел странно, хмурился.

— Что-то еще?

Вместо ответа Квентий резко распахнул дверь. Выглянул в коридор. Пожал плечами, снова тщательно прикрыл тяжелые створки. Обернулся.

Конан смотрел на него со все возрастающим интересом.

— Стражники, — сказал Квентий тихо. — Они явились очень быстро. Каравульное поме-

щение на первом этаже, я проверял — они не могли так быстро успеть. Значит — или случайный патруль оказался неподалеку, или... Или где-то здесь, рядом, есть другая караулка, о которой не сообщают гостям. Зачем хозяину замка нужна дополнительная секретная караулка в гостевом крыле? А, может быть, даже и не одна?

— Вот именно — зачем?.. — Конан хмыкнул. — Что-то еще?

— Они были вооружены не для караула — для боя. Никаких украшений и парадных доспехов — все добротное, не новое, хорошо подогнанное. По два меча у каждого. Метательные ножи. Я не стал рассматривать слишком уж тщательно — это выглядело бы подозрительным, но могу поклясться Колесницей Огненно-лика — это боевой отряд. И еще... Пожалуй, самое главное. Они — не шемиты, хотя и носят шемские кольчуги.

— Ну и что? Среди Драконов тоже аквионцев немного. А у шемитов часто встречаются Вольные Отряды, состоящие из наемников. Обычное дело.

— Как скажешь, король. Но ответь, много ли среди Черных Драконов кхитайских воинов клана Цыгу?

Пауза была долгой.

— Ты не мог ошибиться? — спросил Конан наконец.

Квентий фыркнул.

— Кхитайца трудно спутать с зингарцем или офицером. Может я уже не так молод, но пока еще Митра не лишил меня глаз. Я их видел. Вблизи. На них форма стражи астгалунского двора и на лицах кольчужная сетка, но я сумел разглядеть их лица. Это цыгу, самые настоящие, — его передернуло. — Туда вошло четверо. Двое шемитов и двое кхитайцев. Потом я постарался прогуляться по прекрасному дворцу царя Зиллаха. Походил по двору, заглянул на конюшню. И везде замечал кхитайцев, обряженных в шемский чешуйчатый доспех. Я насчитал дюжину цыгу и кто знает — не ошибся ли я?

— Думаю, что нет, — буркнул Конан, — цыгу могут существовать только по трое. Поэтому дюжина — вполне убедительное число.

Цыгу были не просто непревзойденными воинами, умелыми борцами или искусными мечниками. Уникальность цыгу заключалась в отказе рядового бойца от собственной личности. Благодаря специальному обучению и магии кхитайских колдунов, у цыгу не было иных желаний и целей, кроме бездумного подчинения своему командиру.

Преданность их была безгранична и всеобъемлюща. Кроме священной особы командира, для рядового цыгу словно бы и не существовало других людей. Сначала клан воспитывал воинов

для собственных нужд, но потом кхитайские властители стали использовать цыгу для личной охраны. И клан вынужден был уступить самодержцам.

Минуло немало зим, пока про уникальные способности цыгу не прослышали на Закате Хайбории и раскосых воинов не стали нанимать короли стран, лежащих по другую сторону Карпатских гор. Собственно одного воина цыгу нанять было невозможно, они не могли существовать по отдельности, как не могут по отдельности жить муравьи. Поэтому самое малое число воинов, которых можно было заполучить — три.

После заключения контракта путем таинственных и тщательно скрываемых кланом обрядов эта преданность временно переносилась на нового хозяина — и теперь уже цыгу не признавали никого, кроме нового господина. Если он прикажет — они без малейших колебаний спускаются в преисподний Зандры. Говорили, что цыгу не вполне люди, что кхитайские колдуны выращивают в их телах кладбищенских демонов *тиши-гаа*, которые не страшатся смерти, ибо неподвластны ей.

Благодаря умению магов клана, эти демоны надежно спеленуты сетью мозговых излучений действующего хозяина цыгу. И пока их повелитель жив — твари бездействуют и кхитайские воины напоминают обычных людей. Но когда

господин погибает, ментальная связь распадается и свирепые демоны, внутри тел цыгу получают свободу.

С этого момента цыгу перестают быть людьми — они просто оболочка из плоти и костей, внутри которой бесчинствуют безжалостные демоны тши-гаа.

И тогда цыгу умерщвляют все, что попадается на их пути.

Об этом слышали все, поэтому мало кому приходило в голову покушаться на господина цыгу. Ведь если он погибнет — не уцелеет никто. Невозможно исподтишка убить господина и рассчитывать тихо удалиться. Демоны внутри раскосых воинов не успокоятся, пока земля вокруг них не превратится в выжженую пустыню. И цыгу будут убивать, пока не падут сами.

То, что Квентий не досказал, было и так понятно любому, кто хоть раз видел воина цыгу в действии — у двадцатки Драконов, окажись во время какой-нибудь заварушки они по разные стороны хотя бы с одним настоящим цыгу, шансов не было.

Ни малейших.

* * *

Закарис открыл дверь конюшни и поморщился — еще одна королевская дочка. На этот

раз — младшая. Царский брат замер, отступив в тень и надеясь, что девчонка его не заметит. Что она вообще тут делает? Где ее рабыни?

Нет, не то, чтобы Закарис не любил женщин. Он просто их не понимал.

Не понимал, зачем нужно постоянно хихикать и закатывать глаза, зачем придавать самым простым словам двусмысленную загадочность. Не понимал, зачем нужно так много лгать.

Особенно же не понимал он маленьких женщин. Тех, которые вроде бы еще дети, а вроде бы как бы уже и нет.

Детей Закарис любил. И отлично знал, чего от них ждать. Дети не врут. Во всяком случае — врут не так часто и зло. Детское вранье почти всегда беззлобно. С детьми вообще очень просто. Если бы с женщинами было так же легко...

Взять хотя бы эту Атенаис...

Такая милая вроде бы девочка... И — ни слова в простоте. А еще врана, что лошадей любит.

Когда она первый раз назвала Аорха лошадью — Закарис было подумал, что она просто путается в словах. Женщина, к тому же — еще совсем юная, что с нее возьмешь? Но во время прогулки выяснилось, что она действительно считает закарисовского жеребца кобылой. Только на том основании, что у него ресницы длинные и «очень милая морда».

Как вам это, а?!

Аорх всю оставшуюся дорогу шел, как в воду опущенный, словно и не знал, куда глаза спрятать от такого позора! И устал он невероятно — ездить эта юная госпожа предпочитала исключительно шагом, а от такого медленного и степенного вышагивания хороший боевой конь устает куда больше, чем от самого быстрого галопа. И в седле ведь держится совсем неплохо, вот ведь что самое-то обидное!

Еще сегодня утром Закарис думал, что подружиться с этими сестренками будет не так уж сложно, но теперь понимал, что еще одной подобной прогулки просто не выдержит. Вот и прятался, выжидая.

Кстати — где эти нерадивые наставницы? На месте Конана он бы давно уже отправил на серебряные рудники всех этих мерзавок, позволяющих ребенку шляться одному, где ни попадя.

И конюхи, как назло, куда-то запропастились, надо будет обязательно поставить охрану. А то ненароком забредет сюда выпивший лишку гость, как вот эта дочка северного варвара.

Ведь конюшня, в конце-то концов, не самое безопасное место для прогулок. Тут ведь не крестьянские клячи содержатся.

Кроме Аорха, здесь сейчас содержатся еще шесть боевых жеребцов. Но, конечно же, Аорх —

самый роскошный. Равных ему не найти не только в асгалунских конюшнях...

Пока Закарис прятался в темном углу у входа, размышляя о том, куда же могли провалиться местные и приезжие слуги и рабы, вырвавшаяся из-под опеки девица неторопливо шла по проходу, ведя рукой по жердинам загородок и внимательно рассматривая лошадей.

То ли младшая действительно разбиралась в них чуть получше старшей сестрицы, то ли просто ее потрясла мощь огромного темно-серого Закарьевского жеребца, но она замерла как раз напротив его стойла, запрокинув голову и восхищенно уставившись за загородку.

Постояв так какое-то время, она воровато огляделась, словно опасаясь — не видит ли ее кто. Но Закариса не заметила и успокоилась. А потом она сделала то, от чего у ко всему, казалось бы, привыкшего за свою жизнь военачальника волосы встали дыбом, а сердце рухнуло куда-то вниз.

Она раздвинула две жердины и ловко скользнула внутрь стойла...

* * *

Закарис не заорал только потому, что, даже находясь в крайней степени ужаса, отчетливо

понимал — лошадей пугать нельзя. Ни в коем случае. Даже боевых.

Тем более боевых...

Он пролетел отделяющее от стойла расстояние единим махом, буквально на цыпочках. Стремительно — но почти бесшумно. Закарис все время с замиранием сердца ожидал услышать глухой удар и короткий вскрик, означавшие, что уже опоздал. Может быть, даже и без вскрика — Аорх огромен, а много ли этой крохе надо?..

Оказалось — много.

Она стояла у правой передней ноги, держась левой рукой за стремя, а правой пыталась достать уздечку. Она собиралась на него залезть!

Росту в ней было всего ничего, а Аорх — зверюга крупный, она до холки то не могла дотянуться, даже на цыпочки встав. Несчастный Аорх хрюпел, вращал выпученными глазами и изо всех своих сил затруднял ей эту задачу, задирая голову вверх. Но почему-то не спешил оприходовать нахалку по затылку мощным копытом.

Более того — в вытаращенных глазах коня плескался беспомощный ужас и какая-то совсем уж непонятная обреченность. Он даже слегка присел на задних ногах, словно испуганный жеребенок.

— Иди сюда! — прошипел Закарис. Он не помнил, как ее зовут, эту младшеньку, а так и прававшиеся с языка крепкие словечки предпочел благоразумно опустить. — Только медленно.

Она обернулась, вздрогнув, и на какой-то ужасный миг ему показалось, что она сейчас начнет спорить — слишком уж характерное выражение было написано на ее недовольном лице. Он хорошо знал такие выражения. Они обычно предвещали сильную нагрузку на уши в виде скандальных воплей «ХОЧУ!!!». И даже внутренне сжался, готовясь прыгнуть вперед, проламывая хлипкую загородку, и выволочь ее оттуда. Сразу же, как только испустит она первый свой вопль, а хорошо обученный боевой конь отпрыгнет назад и встанет на дыбы, метя копытом ей...

Но его ждала очередная неожиданность — вредная девчонка вонить не стала. По ее лицу словно прошла тень, она поморщилась обиженно и вздохнула, но этим выражения своего недовольства и ограничила. Отпустила стремя, мимоходом как-то очень привычно проведя ладошкой по серой шкуре — Аорх еще больше глаза выкатил, смотря на хозяина с немой мольбой, — и нехотя шагнула вперед, протягивая Закарису руку.

Одним движением Закарис выдернул девчонку из стойла. Аорх фыркнул и шумно вздох-

нул. И шемит мог бы поклясться, что жеребец вздохнул с явственным облегчением.

— Славный конь, — раздался из-за спины тонкий голосочек. — Для боя обученный, да?

Хорошо, хотя бы «милой лошадкой» не называет. Закарис обернулся.

— Аорх мог тебя убить.

— Не-а! — Она помотала головой. — Он же умный. И добрый. Просто хорошо обученный, а это — другое. Этот конь принадлежит тебе?

Закарис кивнул. Страх постепенно отпускал. Что ж. Иштар сегодня милостива к своему слуге. Подумать только, что началось бы в Асталуне, если бы дочь великого короля Аквилонии пала бы под копытами шемского жеребца. Гнедая кобыла Хьяма по кличке Бестия неслышно подошла к самой загородке и теперь пыталась цапнуть Закариса за то, до чего получалось дотянуться. Пока дотянуться у нее получалось только до края царского конаса — пурпурного плаща, который носят властители шемских городов. Странно, но на стоящую в пределах ее полной досягаемости девчонку она совершенно не обращала внимания.

Лайне мимоходом погладила Бестию по оскаленной морде и вздохнула, снова глядя через хлипкую загородку на Аорха.

— У отца тоже есть боевой конь. Он черный. Вороной. — В голосе ее неожиданно прорезались

тосклиевые нотки. — А мне даже старую глупую Салму — и ту не подарили.

— У тебя совсем нет своей лошади?

Девчонка явно смущалась, пожала узкими плечиками, глянула виновато.

— Есть Карфор. Он хороший, но уже немолодой...

Бестия издевательски фыркнула и помотала головой. Девчонка резко развернулась, глаза ее сузились.

— Он — хороший... — повторила она с наjjимом, глядя Бестии прямо глаза в глаза. И Бестия, сверкнув белками выкаченных глаз, шарахнулась назад. И это — Хьяма, которую специально обстреливали стрелами с затупленными наконечниками, чтобы не боялась ударов. Вообще-то для боя использовались только жеребцы, кобылы же чаще всего запрягались в колесницы. Но Хьяма сзызмальства имела такой необузданый норов, что Закарис решил рискнуть и обучить кобылу. Как потом выяснилось — не прогадал... Бестия без колебаний шла грудью на строй кофийских пехотинцев. Любой, кто становился на ее пути, воспринимался как враг.

Закарис посмотрел на девчонку по-новому. С интересом.

— Если ты так уж любишь лошадей, моя госпожа, то можешь пойти на обычную конюшню. Рабы проводят тебя. Там содержатся лошади

для выезда. А здесь место для боевых коней — тех, что с головы до копыт покрыты кольчужными доспехами, тех — кто давит презренных зуагиров и таранит вражеский строй. Тут не место для маленьких аквилонских девочек.

— А! — Она презрительно махнула рукой. — Там неинтересно! Вот это — *настоящие* кони...

И Бестия поддержала ее высказывание ржанием — но, на всякий случай, из самой глубины стойла.

Склонив голову на бок, шемит смотрел на девчонку. И неожиданно для самого себя спросил:

— Как твое имя?

* * *

— Давай, Врам, давай! Жми! Бей, Колон! Врам, на сдавай! Колон, жми! Ногой его, ногой! Зубами!!! Колон! Врам! Пни! Жми! Дави! Бей!..

Два полуголых борца топтались на окруженному вопящими зрителями пятаке, стискивая потные тела друг друга огромными мускулистыми руками.

Состязания давно уже перешли в ту стадию, когда подогретые обильными закусками и молодым вином зрители распаляются не меньше самих участников. Им становится все труднее оставаться простыми созерцателями, и вот уже

вспыхивают то тут, то там на вытоптанном пятаке посреди двора короткие поединки.

Хорошо еще, что сейчас шли поединки борцовские, без использования благородной стали, ведь большинство шемской знати считает этот вид соревнований «черным», недостойным для человека благородных кровей, что несколько охлаждает их пыл.

А пока шли состязания меченосцев, двое раскрасневшихся юнцов успели-таки отличиться, с воплями прорвавшись в круг и бросив вызов двум разным победителям.

Первый в результате ограб легкую контузию от одного из Драконов, второму — повезло меньше.

Меч противника, огромного уроженца Ванхайма слегка коснулся его левой конечности, и теперь опытный кофийский костоправ пытался облегчить страдания несчастного, по собственной глупости потерявшего кисть руки.

Подремать Конану не удалось. И вовсе не потому, что прямо над ухом постоянно орали, а меньше чем в десятке шагов надсадно всхрапывали противники и раздавался лязг стали.

Просто у шемских властителей во дворцах были жутко неудобные очень низкие кресла. Что, впрочем, неудивительно — средний шемский мужчина едва доходил до плеча северному гиганту.

Во внутренний двор — три высоких лестничных пролета и длинный коридор гостевого крыла — Конана, конечно же, доставили в паланкине.

Это почему-то уже почти не вызвало раздражения — то ли привыкать потихоньку начал, то ли появившаяся настороженность не позволяла отвлекаться на подобные мелочи.

Хуже было другое — по прибытии покинуть неудобное кресло Конану не позволили. Он-то рассчитывал занять другое кресло. Более удобное. Или хотя бы скамейку с ненавистной подушкой, как уже было в пиршественном зале. Скамейка та, по крайней мере, была вполне нормальной высоты, и позволяла выпрямить ноги.

Потные рабы проволокли носилки — вместе с восседающим на них Конаном — по всему двору и водрузили на расположенную на специальную подставку. После чего проворно откинули передние занавеси, закрепив их на решетчатой крыше и тем самым превратили закрытую коробку паланкина в некое подобие ложи.

Ноги Конану заботливо укутали теплой овечьей шкурой, после чего варвар окончательно затосковал, поняв, что выпрямить их ему сегодня вечером, похоже не удастся. От Конана явно ожидали, что смотреть увлекательнейшее действие он будет, не вставая.

Конан осмотрелся. Что ж, по крайней мере, его разместили не в самом худшем месте.

Справа, на невысоком резном троне, испещренном клинописными знаками, восседал пелиштийский царь Зиллах. Поймав взгляд Конана он в почтительном жесте коснулся пальцами лба и слегка поклонился, спрятав улыбку в курчавой длинной бороде.

Шемский властитель был облачен, как и все его соотечественники в рубашку с короткими рукавами — ханди. Такую же можно было увидеть и на пастухе в Дан-Маркахе и на знатном нобиле из Газы.

Мужская одежда шемитов не отличалась разнообразием. Разве что ханди властителя доходило ему до лодыжек, а рубашка крестьянина едва достигала колен. Ну еще богатый шемит мог позволить себе пустить пурпурную бахрому по низу и перевязь из шерсти.

Впрочем сходство и ограничивалось, потому что только шемский царь имел привилегию носить несколько одежд, надетых друг на друга. И сейчас на царском ханди был надет плащ из белоснежных шкурок ягнят, поверх которого был еще один из тонкой шерсти, окрашенной пурпуром. Киммериец никогда не понимал что за радость напяливать один плащ на другой, но шемиты, по-видимому, имели на этот счет иное мнение.

На голове Зиллаха красовался кидарис из тонкого белого войлока, украшенного золотыми пластинками, символизирующими могущество Иштар. На каждой руке царя было по два браслета: на запястье и выше локтя. Ноги повелителя Асгалуна были обуты в сандалии с закрытыми задниками, на светлой коже которых вытиснены изображения ключей Бела.

Сзади стояли шестеро охранников. Острый взгляд варвара мгновенно определил, что четверо из них обыкновенные шемские воины — невысокие, коренастые, чернобородые, в бронзовом чешуйчатом доспехе, доходящим до лодыжек, и шлемах с подвесками, закрывающими затылок и боковые части головы. В руках круглые щиты, короткие копья с широким наконечником, на поясе мечи с лезвием в виде листа кустарника хум-м. Двое из них держали в руках небольшие луки. Словом ничего необычного.

А вот двое других показались Конану куда интереснее. И он постарался приглядеться к ним повнимательнее. Не в упор, конечно, пригляделся, краем глаза, стараясь даже головы в их сторону не поворачивать.

Конечно, если бы не слова Квентия, сам Конан вряд ли заподозрил бы в этих стражниках цыгу — ни тебе ритуальных черно-желтых многослойных одежд, ни клановой раскраски на ли-

цах, ни даже традиционно выставляемых на показ длинных кос с вплетенными в них свинцовыми шариками или даже стальными лезвиями. Косы, даже если они и есть, спрятаны за подвесками шлемов.

Пожалуй единственное, что бросалось в глаза — это небольшой рост стражников. Уж на что шемиты не отличались богатырским сложением, но эти были еще ниже. И может быть чуток поизящнее, потоньше в кости.

Понаблюдав за ними некоторое время киммериец понял, что даже не будь слов Квентия, он все равно бы обратил на них внимание. Слишком уж отличалось их поведение от остальных.

Они стояли совершенно неподвижно, словно две статуи, поставленные по бокам трона Зиллаха. Их узкие, щелевидные глаза казались вырезанными на лоснящейся коже лица. Веки не дрожали, зрачки не двигались. Взгляд был устремлен в какую-то немыслимую даль.

Слухи утверждали, что именно такая каменная неподвижность и отсутствие конкретного объекта сосредоточения для глаза позволяет цыгу видеть не что-то одно, а сразу все вокруг — даже то, что происходит у них за спиной. Конан не был уверен, что слухи не преувеличивают, но знал, что по той или иной причине пока еще никому не удавалось застать цыгу врас-

плох, подкравшись к ним с тыла. Своих Драконов, стоящих позади паланкина, Конан видеть не мог, и ему оставалось только надеяться, что они выглядят хотя бы вполовину так же безупречно, как личные охранники Зиллаха...

* * *

— Мой король, тебе лучше проснуться и склонить сюда свое королевское ухо. Иначе завтра, может статься, тебе уже нечего будет склонять.

Квентий протиснулся откуда-то сзади и теперь присел на каменную ступеньку чуть ниже паланкина. Лицо гвардейца выражало презрительную скуку. Ни дать ни взять — утомившийся придворный которому дозволили сесть поблизости от короля.

Впрочем, не исключено, что старый владыка просто дремлет и не замечает, что творится вокруг. Квентий поерзал, устраиваясь поудобнее. На борцов аквилонец поглядывал с ленивым неодобрением. На Конана же не смотрел вообще, только морщился, а подергивающиеся при его шепоте губы издалека вполне могли сойти за гримасу недовольства от происходящего на арене. Конан внутренне напрягся, еще больше уйдя в кресло и опустив голову чуть ли не ниже коленей.

— Срочное сообщение от конфидантов Гленнора. Ты был прав — нобили Шушана опять затевают свару. Они собираются убить царя Зиллаха — завтра, во время торжественной церемонии. Прямо на площади.

Сердце оборвалось, пропустив пару ударов. Значит, не зря был этот озноенный жар по позвоночнику — не разучился еще определять надвигающуюся опасность коронованный выходец из дикой Киммерии.

— Отродья Нергала! — выдохнул Конан почти беззвучно, представив залитый кровью и заставленный обрубками тел торговый город Асгалун. Бывший торговый город, если намеченное убийство завтра действительно произойдет. Поэтому что десяток пошедших вразнос после смерти хозяина цыгу — это не просто страшно. Об этом и через десятки зим будут рассказывать жуткие легенды долгими зимними вечерами своим правнукам — те, кто выживет. А таких будет немного.

После смерти Зиллаха раскосые воины начинают уничтожать все, что попадается на их пути, не разбирая кто враг, а кто друг. Да и какие друзья могут быть у вырвавшихся на свободу кладбищенских демонов тши-гаа? Цыгу невозможно отвлечь или образумить. Когда разрывается магическая связь между ними и их господином, цыгу перестают быть людьми. Они, словно

приспешники Нергала идут по пути усеянном мертвыми телами до тех пор, пока не падут сами. Но в рукопашном бою кхитайцев победить было невозможно. Обычно их расстреливали из луков или арбалетов. Другого способа остановить цыгу не было.

Квентий еле заметно кивнул головой, продолжая презрительно морщиться.

— Войска дражайшего царя Селига в дневном переходе от столицы Пелиштии. Завтра с четвертым послеполуночным колоколом они тронутся в путь. Внешне всё обставлено так, что это личная гвардия властителя Селига, которая по этикету должна принять участие в церемонии. Но на самом деле это не гвардейцы, это отборные головорезы, наемники из Вольных Отрядов и пара десятков перебежчиков-зуагиров, которые не преминут перерезать глотки своим заклятым врагам из Асгалуна.

Ловко.

Эти негодяи будут тут к вечеру. Хорошо еще, что шемиты не в ладах с морской стихией, потому что с моря Асгалун наиболее уязвим.

К вечеру.

Когда в городе уже почти не останется живых, а израненные и уставшие цыгу делаются вполне доступной добычей. Те из них, которые к тому времени уцелеют и не будут убиты. К приходу шушанских «освободителей» в Асгалу-

не не останется боеспособных воинов и действующей власти — об этом цыгу позаботятся в первую очередь. А чудом выжившие жители на руках будут носить любое войско, избавившее их от подобного кошмара...

— Возможно, они узнают о трагедии еще днем, от беженцев. И будут очень торопиться. Но все равно опоздают...

— Ловко.

— Соседи не смогут возразить — он не захватчик, а освободитель. И, к тому же — шушунец не против объединения Шема под властью достойного правителя, о чем Селиг объявит, сразу же, завтра вечером. И немедленно разослает гонцов — думаю, письма уже готовы. И по всему выходит, что царь Шушуна не захватчик, а — освободитель, и готов передать власть в руки нового законного владыки...

А вот это может и сработать. Человек, захвативший трон и тут же во всеуслышание от него отказавшийся, вызывает невольное уважение. Черни такое понравится. Да что там черни! Даже самые знатные купеческие семейства проглотят — и не подавятся.

Не просто может сработать — сработает обязательно.

— Конан, проснись! Надо что-то делать!..

Селиг Первый, Верховный Владыка всего Шема... Столица Пелиштии Асгалун и Импер-

ский город Шушун издавна соперничали между собой за право стать первым полисом Шема. Это велось еще со времен восстания против Кофы, когда Шем распался на независимые города-государства.

И с тех пор не одно поколение царей Пелиштии и Шушуна грезили о новом объединенном Шеме, и каждый из них считал, что именно его город достоин стать столицей и именно его династия должна править всей страной.

Вечный спор западной Пелиштии и восточного Шушуна.

Конан стал обдумывать: а выгодно ли это Аквилонии? Есть ли разница какой чернобородый, горбоносый правитель будет сидеть на шемском троне?

Может этот Селиг не такая уж и плохая кандидатура... Вчера этот молодчик весь вечер увидался вокруг его старшей дочери. Может быть не вмешиваться, оставить так как есть? Пусть все идет своим чередом? Селиг захватывает власть, а потом через пяток зим он станет неплохим женихом для Атенаис? Конечно, шемиты имеют много жен, но в чем здесь их отличие от добрых аквилонцев?

— Как убют царя Зиллаха?

— Лучник должен будет поразить цель с плоской крыши башни-зиккура. Одной из тех, что окружают площадь.

Конан понял почему заговорщики решили использовать лук, а не арбалет. Стрела из лука и бьет дальше и поражает мишень точнее. Шемские многоярусные башни-зиккуры достаточно высоки, и чтобы точно попасть в цель нужно иметь твердую руку и верный глаз.

Кроме того лучник сможет выпустить десяток стрел за то время, пока арбалетчик перезаряжает свое оружие. Если первый выстрел будет неудачным у лучника будет шанс на вторую попытку.

— Они рискуют, — пробормотал Конан, — может подняться ветер. С такого расстояния малейшего движения воздуха хватит, чтобы отклонить стрелу.

— Негодяи используют не простые стрелы. Доносчики уверены, что наконечники будут увенчаны чем-то вроде «драконьего языка» или «черного веера», чтобы разить наверняка...

— Тогда понятно, — буркнул киммериец.

Мятежники просчитали все.

«Драконьим языком» назывались стрелы, наконечники которых делались из *тарайо* — редкого минерала из Дарфара. От удара этот острый, слоистый камень разлетался на множество мелких осколков, которые причиняли жертве дополнительные страдания. Тарайо встречался крайне редко и поэтому не использовался в военных целях, но вот для таких грязных делишек не

было лучше средства. «Черный веер» добавлял каждому осколку еще и пару капель мгновенно действующего яда хорайского огнезуба.

Предусмотрительно.

Даже, пожалуй, слишком. Но кто сказал, что крайняя предусмотрительность — это плохо?.. Молод, решителен, предусмотрителен и умен — вон какую авантюру задумал и уже практически провернул! Если, конечно, сумеет сам уцелеть в завтрашней бойне...

— Как Селиг думает спастись в этой передряге? Ведь цыгу не поглядят, что он царь Шушуна...

— Все продумано — его там не будет. Сегодня Селиг примет участие в состязаниях и получит легкое ранение — несерьезное, но довольно болезненное. Завтра не самое главное торжество, и его присутствие не обязательно. Тебе, кстати, тоже будет предложено оставаться в замке...

О?! А это уже интересно. У молодого честолюбца, похоже, далеко идущие планы. Любопытно будет ознакомиться. Ведь в игру всегда куда интереснее играть вдвоем... особенно, если твой партнер пребывает в приятном заблуждении, что он — единственный.

Нет, с какой стороны ни посмотри — будущее с Селигом в роли повелителя Шема кажется не таким уж и мрачным. Да, конечно, мешеник горяч и норовист, но тут бедолагу ожи-

дает большой сюрприз, поскольку правители со-предельных стран тоже не высохшие бурдюки. К тому же его горячность проистекает от молодости. С возрастом шемит образумится. Особен-но, если ему подобрать *подходящую* жену ... со всех точек зрения подходящую.

Столы во дворе были поставлены по кругу, во-круг импровизированной арены, да к тому же на возвышении. И потому, чтобы увидеть Селига, Конану не надо было даже головы поворачивать.

Царь Шушуна был недурен собой. Конечно невысок, коренаст, носит длинные волосы и бороду, умашенные благовониями как и все шемиты.

Конан поморщился. Ему не по душе были мужчины, которые придавали значение собст-венной внешности большее, чем ратному делу. Но в конце концов не всем же быть грубыми варварами! Рабыня рассказала, что этот молод-чик поутру провел немало времени в обществе Лайне. Что ж это говорит о его терпении и уме-нии владеть собой. Все бы ничего...

Вот только...

Асгалун.

Конан засопел, пытаясь устроиться в кресле поудобнее. Пустяки, не обратят внимания или примут за стариковское кряхтение. Если бы еще не так сильно болели все время затекаю-щие ноги...

Все, кто сейчас находится в этом дворе, к завтрашнему вечеру будут обитать на Серых Равнинах. Все эти веселые ребята, которые сейчас смеются, поздравляют друг друга с победой, пьют вино и подмигивают рабыням. Царь Пелиштии Зиллах, который что-то говорит своей наложнице. Сидящий с ним рядом Закарис, суровый и мрачный даже сейчас, при общем веселье.

Воины всегда умирают. И простые люди тоже гибнут. Так было, есть и будет. Митра каждому отпускает свой срок и не ему, киммерийскому варвару препятствовать замыслам небожителей. В конце концов объединение Шема под властью одного повелителя положит конец этим стычкам — независимо от того, кто именно сядет на трон.

Да, но захочешь ли ты отдать свою дочь в жены человеку, который пожертвовал целым городом ради удовлетворения собственной жажды власти?..

* * *

Зрители взорвались восторженными воплями — один из борцов сумел сбить противника с ног и теперь уселся на него верхом так, что тот не мог вывернуться и вынужден был признать поражение. Осыпаемые солеными насмешками

и сами зубоскаля в ответ, молодые воины отошли в дальний угол двора, куда уже спешили рабы с мокрыми холстинами и чистой одеждой. Конан сделал вид, что закашлялся, и прикрыл рот рукой — хотя шум стоял такой, что можно было бы вполне обойтись и без этих ухищрений. Говорить из-за шума ему пришлось почти в полный голос, но ждать, когда все слегка утихомирится, он не хотел.

Решение было принято и действовать следовало быстро.

— Поговори с Закарисом. Скажи, что Конан просит его и его брата... так и скажи — его брата — обязательно прийти в мои покои. Скажи, что сделать это нужно тайно. Они могут разгневаться, что кто-то заставляет их прятаться в собственном дворце. Но пусть думают, что это очередная старческая причуда выжившего из ума короля. Кстати, ты принес мой меч?

Квентий склонил голову.

— Прости, мой господин. Но в замок запрещено проносить оружие. За этим строго следит местная стража и мне не удалось совершить задуманное.

— Ладно. Это — тоже вечером. А теперь покраскинь мозгами — как нам половчее выпутаться из этой ситуации. К несчастью я взял с собой дочерей и должен позаботиться об их безопасности. Будь мы с тобой вдвоем или с нашими

гвардейцами, мы могли бы славно поразмяться и показать кое-кому нуждается ли Конан в подушках и вареной пище. Но когда заговор угрожает жизни моих дочерей, я должен быть осторожен, как бы мне ни хотелось, клянусь Кромом, помахать мечом. Так что к тому времени, когда мы вчетвером встретимся, у нас с тобой должны быть не только доказательства заговора, но и четкий план. А лучше — два плана.

Квентий кивнул, уже почти не скрываясь, оскалился в радостной улыбке и скользнул куда-то за спину Конана. Конан остался сидеть, опираясь локтями на задранные колени, сцепив руки в замок и уткнувшись в него подбородком. Поверх сцепленных пальцев киммериец разглядывал гостей и хозяев замка, прикидывая, кому из них можно доверять.

Пока он еще не был точно уверен в том, как именно справятся они завтра с подкинутой им задачкой, но сомнений в том, что так или иначе, но они таки справятся — таких сомнений у него не было.

Ну, почти не было.

* * *

Просто схватить Селига и попытаться привернуть к стенке — не выход. Негодяй правитель самодержавного полиса и гость владыки

Зиллаха, и особы его неприкосновенна. И хорош же будет король Аквилонии, затеяв свару в чужом дворце. Это все-таки не в придорожной таверне крошить головы собутыльников. Ладно, допустим, эту мелкую неприятность можно обойти и постараться не поднимать лишнего шума.

Но дальше то что? Против шемита нет никаких доказательств. И останется просто потихоньку свернуть ему шею? Чем же это злодеяние будет лучше того, что замыслил Селиг?

Итак, что же остается? Единственный шанс, хотя и весьма хилый — захватить лучника живым и доказать причастность к заговору шушанской знати. Вряд ли это окажется слишком просто — Селиг не такой глупец, чтобы посыпать на такое дело своего человека. Наверняка это будет какой-нибудь вольный стрелок, которому хорошо заплатили. Но другого выхода все равно нет. Лучник — единственная зацепка.

Кроме того, это не позволит совершившись задуманному убийству...

Если бы дело происходило в Тарантии, то Конан распорядился бы расставить лучников на крышах окружающих площадь строений. Своих лучников, каждому из которых полностью доверяешь. Но здесь таких нет. А среди Черных Драконов метких стрелков нет. С луком и арбалетом они, само собой, справляются — и не такому

обучены, но одно дело гвардеец, умеющий натягивать тетиву, а совсем другое опытный стрелок, способный сбить летящую цикаду. И кроме того, странно было бы в чужом государстве, в котором назревает переворот, ослаблять собственный тыл, отослав личную стражу разгуливать по крышам.

Что же остается? Сколотить группы по трое и расставить их дежурить на крышах? Если перемешать между собой астгалунских стражников и вольных стрелков, то о предательстве, пожалуй, можно будет позабыть. Эти недолюбливавшие друг друга головорезы никогда не сумеют сговориться между собой. А предположить, что в одну тройку попадут сразу трое шушунских лазутчиков, значит расписаться в чрезмерной подозрительности.

Конан усмехнулся. План, конечно, не из самых выдающихся, но почему бы и нет?

Только этих молодчиков нужно расставить по постам как можно раньше, чтобы пресечь любую возможность покушения. Теперь самое главное убедить шемитов в целесообразности этих действий. Ведь гордые шемские царьки могут запросто не поверить аквилонскому владыке или списать его тревожность на пресловутый преклонный возраст.

Но вряд ли стрелок будет один. Селиг не настолько глуп, чтобы не подстраховаться.

Значит, лучников будет несколько. Как минимум трое. И еще кто-то, кто должен позаботиться о самих стрелках потом, когда выполнят они свое дело и станут не нужны. Значит — еще трое. Хотя — нет, так можно было бы продолжать цепочку до бесконечности. Селиг на веряка придумал что-то более простое и эффективное...

Сквозь поднятую над ареной пыль в неверном оранжевом свете факелов Конан рассматривал своего молодого противника, который радостно смеялся чему-то и пока еще не догадывался, насколько опытного и опасного врага себе заимел. Что же такое ты придумал для своих стрелков, мой юный друг? Ты заранее поднесешь им кубок с медленно действующей отравой, убивающей не сразу? Нет, вряд ли. Такое средство не слишком надежно, за сутки многое может случиться... Так что же ты задумал?

Почему-то Конану казалось, что понять ход мыслей Селига очень важно. Старый король сморгнул, потер слезящиеся от дыма и напряжения глаза, вглядываясь пристальнее.

И внезапно его осенило.

Справа от молодого владыки Шушана сидел один из приближенных, некто Рахам, молочный брат Селига и его правая рука. Чересчур яркие одежды и обилие браслетов на запястьях выдавало в нем прожигателя жизни. Малый громко

хочотал, часто прикладывался к кубку с вином и совершенно не походил на человека, способного ловко орудовать мечом, а тем более взвести механизм арбалета. Поэтому киммериец скользнул по нему взглядом и посмотрел в другую сторону.

Слева от Селига сидела некая смутная тень, на которую почему-то очень не хотелось смотреть. Просто таки до рези в глазах, до тягучей боли в затылке, до подступающей к самому горлу тошноты, — не хотелось.

Конан сузил глаза, смотря теперь точно на Селига, а пространство вокруг него захватывая боковым зрением — так ночные путники смотрят на слабые небесные звезды, почти неразличимые в упор.

Уловка сработала — теперь варвар видел царского соседа вполне отчетливо. И увиденное ему не нравилось.

Сидящий по левую руку от Селига был несомненно стигицем. Что само по себе было довольно странно — в Шеме не жаловали выходцев из этого колдовской страны.

Бритый череп, с татуировкой на темени, худые руки, испещренные замысловатыми рисунками и неподвижный змеиный взгляд убедили Конана, что перед ним боевой стигийский маг. Причем высокой степени посвящения, потому как умеет отводить глаза окружающим. Собст-

венно этим и объяснялось то, что в упор его фигуру разглядеть было почти невозможно.

Конан хмыкнул. Провести мага из вражеской страны во дворец короля чужого полиса было само по себе вопиющим поступком. И уж всяко не свидетельствовало о добрых намерениях повелителя Шушуна.

Интересно, почему Абудах, придворный прорицатель царя Зиллаха, не распознал чужака и не выставил его за ворота с позором? Впрочем — Абудах стар, очень стар, а подготовка к «Кануну Единства» — дело тяжелое, последние дни колдун почти не выходит из своих покоев, мог просто и не заметить...

Теперь ясно, какая судьба ожидает незадачливых арбалетчиков — стоит сотворить стигийское заклинание, которое носит название Поцелуй Сета, и, спустив тетиву, стрелок преслопокойненько испускает и собственный дух. Чисто и просто. И никаких свидетелей.

Ну, это мы еще посмотрим...

Абудах, хотя и стар, но маг не из последних. Да и характер у него вряд ли за последние годы изменился в лучшую сторону. Если колдуна во время предупредить — стигицу несдобровать. Надо будет сказать Квентию, что присутствие Абудаха на тайной встрече тоже необходимо. Впрочем, Закарис хоть и простоват, но не настолько же, чтобы вообразить, будто его приглаша-

ют в покой Конана потому, что старому королю потребовалась компания, чтобы выпить кубок-другой перед сном.

* * *

Есть еще одна проблема, которую необходимо решить немедленно.

Дочери. Его дочери.

Киммериец поискал глазами своих девчонок, которые упросили отца взять их с собой — посмотреть состязания.

Вообще-то, Конан был против, чтобы брать их на эти чисто мужские игрища. Но по шемитским обычаям женщинам и детям дозволялось присутствовать на празднествах, хотя они и должны были находиться в специально отведенном месте, за сетчатыми занавесями. Шемиты считали, что Иштар разгневается, если женщины будут восседать рядом с воинами. Именно поэтому, к удивлению Конана, шемских мертвцев хоронили исключительно мужчины. Женщины же должны были оплакивать удалившихся на Серые Равнины, не выходя со своей половины жилища.

Конечно властитель Аквилонии мог настоять на том, чтобы дочери сидели с ним. В конце концов он приносит жертвы Крому и Митре, а не Иштар, Адонису и лукавому Белу. Но зачем

нарушать чужие устои и оскорблять хозяев, которые оказывают ему почет и уважение.

Завтра с утра, еще до рассвета, девчонок нужно будет отправить в Дан-Хафал, селение неподалеку от Асгалуна. Там явно будет безопаснее.

Попросить у царя Зиллаха эскорт из мечносцев, добавить парочку собственных гвардейцев — и отправить. Конечно, мы надеемся, что Кром не даст свершиться злодейству, но мало ли как тут все может обернуться... Нужно кликнуть Квентия, пусть распорядится и рабы начинают собирать вещи уже сейчас. Кстати, где же он?

Конан обвел взглядом двор и обнаружил главу своей Малой стражи — тот как раз заканчивал что-то нашептывать Закарису, почтительно склонившись к уху шемита.

Вот гвардеец договорил, поклонился и выпрямил спину, бросив быстрый взгляд в сторону Конана. Закарис повернул голову в ту же сторону и встретился с Конаном взглядом и утвердительно кивнул.

Брови его при этом были слегка приподняты, выражение лица — задумчивым. Королю Аквилонии на какой-то миг показалось, что в глазах военачальника отразилась удивленная радость и даже странное облегчение, но в следующее мгновение тот уже отвернулся.

А тут еще и объявили новый поединок. На этот раз — на мечах. Услышав имена заявленных противников, Конан насторожился и на какое-то время забыл про Закариса и Квентия.

Потому что в следующем поединке биться должны были Селиг и Рахам.

А когда северянин увидел, чем именно Рахам вооружен, то с трудом подавил удивленный возглас.

* * *

Рахам вышел на арену первым, и теперь стоял, явно рисуясь и слегка покачиваясь. То ли был он действительно сильно пьян, то ли умело притворялся. Селиг задерживался, и пока что восторженные вопли доставались одному Рахаму. Тот принимал их с удовольствием, раскачиваясь в разные стороны, сверкая бронзовым чешуйчатым доспехом и опираясь на рукоятку поставленной перед собой секиры. Конан смотрел на эту секиру, не отрываясь.

Когда-то ему доводилось владеть таким оружием — Секирой Варуны и Конан хорошо запомнил, насколько смертоносным может быть ее удар.

Такое оружие в Шеме — вещь довольно необычная. Секира в ходу в Вендии и на Севере Хайбории. Здесь же предпочитают слегка изо-

гнутые мечи, иногда дополняя их трехзубцовым кинжалом для левой руки.

Вопли между тем усилились — на арену выбрался Селиг. Двое слуг тащили за ним огромные ножны — похоже, молодой король Шушана на этот раз решил выступить с большим двуручником. Не самый удачный выбор при столь невысоком росте и не слишком мощном телосложении.

Двуручники и так-то не отличаются скромностью размеров, а этот, судя по длине ножен, вообще был гигантом — длиной шага в три, и не мелких шага.

Если такой поставить вертикально — он наверняка окажется выше своего владельца. И тяжелый наверняка, не зря же двое слуг понадобилось.

В Селиге же как-то совсем не угадывается мощи, необходимой для свободного и умелого обращения с такой убийственно тяжелой штукой. К тому же — против секиры.

Рахам тем временем вскинул руку, приветствуя соперника и побратима. Смертоносная плоскость серпообразного лезвия чуть шевельнулась, и в свете факелов темными гранями четко выделились руны клейма.

Конан нахмурился.

Он слишком хорошо знал — и это клеймо, и то, на что способно помеченное им оружие.

Время словно замедлилось, гул голосов отдалился. Селиговский двуручник против такой секиры — что ореховый прутик против топора дровосека. Вплетенное во время ковки в остывающий металл заклинание любую сталь разрежет, словно легкую ткань. И даже зарубки на лезвии не останется. Такое оружие — слишком большая ценность для того, кто собрался просто немного поразмаяться... Из этого следует три возможных вывода.

Возможно — Селиг просто-напросто глуп и не понимает мощи оружия противника. Или же это он сам постарался вооружить Рахама как можно убедительнее для исполнения намеченного фарса — и перестарался. Либо же заговорщик все отлично знает, просто планы поменялись с момента доклада гленноровского шпиона.

Третий вариант был самым неприятным — в этой игре есть еще и какой-то другой игрок. И секира — это его ход. Может быть даже — не первый, а просто первый замеченный... Конан напрягся, пытаясь заранее подготовиться к любой неожиданности. Из этого креслица чертовски неудобно быстро вскакивать. Но попытаться придется, если Митра не будет к ним милостив.

Межу тем Селиг раскланялся со зрителями, отсалютовал владыке Зиллаху и, взявши обе

ими руками, медленно обнажил огромный меч. Перехватив поудобнее он поднял его над головой.

Зрители стихли, приветственные вопли превратились в недоуменный ропот. Кто-то робко хихикнул, за ним следом рассмеялся кто-то еще, уже увереннее. А потом уже и все разразились громовым восторженным хохотом. Конан расслабился, пряча за сплетенными пальцами улыбку.

Селиг задумал потеху, и она удалась.

Вариант второй, не самый плохой из имевшихся, к тому же — с неожиданным дополнением. Владыка Шушана вовсе не был глуп и отлично знал, чем именно вооружает побратима. И этот абсолютно неподходящий до размеру огромный двуручник тоже выбрал он совершенно не случайно. Да что там — выбрал?! Ни о каком простом выборе тут и речи быть не может! Этот меч наверняка был специально изготовлен умелыми мастерами своего дела — и изготовлен именно для сегодняшнего вечера. Только вот искусные мастера эти вовсе не были кузнецами.

Потому что меч был деревянным.

* * *

Крестовина искусной работы изображала ветви дерева рин, а длинное лезвие выглядело рас-

тущим стеблем. Полированное дерево настолько красиво отливало цветом темного пламени в свете факелов, что многие зрители восхищенно заулюлюкали.

Селиг, улыбаясь в бороду, крутанулся на пятке, взмахнув за спиной светлым конасом — царским плащом шемских повелителей, словно взмахнул крыльями, и сделал изящный выпад в сторону соперника. Рахман взревел, как водяная лошадь, со свистом крутанул над головой секиру и бросился вперед. Конан беззвучно посмеивался в сцепленные пальцы — он уже понял, что именно за представление будет тут разыграно.

Так и есть!

Селиг в последний момент очень изящно подался в сторону и хищному лезвию достался лишь край взметнувшегося конаса, а не удержавший равновесия Рахам был вынужден пребежать несколько шагов, прежде чем смог остановиться и развернуться для новой атаки. Но прежде, чем Рахам смог восстановить равновесие и броситься вперед, Селиг сделал два быстрых шага и нанес три стремительных укола — два в корпус противника, один в руку. И снова отпрыгнул.

Конечно, с настоящим стальным мечом такого размера он бы не сумел провернуть ничего подобного — настоящий меч был бы для таких

выкрутасов слишком тяжел. А эта изящная деревянная штучка вполне годилась для подобной забавы.

Рахам снова атаковал — и снова промахнулся. На этот раз было отчетливо видно, что здоровяк промахнулся специально, но зрители, похоже, не возражали против того, чтобы их слегка подурачили.

Неплохо придумано! Ведь в обычном поединке очень сложно преднамеренно получить легкую травму так, чтобы никто из зрителей ничего не заподозрил. Но если поединок сам по себе фальшивый, изначально задуманный лишь для того, чтобы повеселить гостей асгалунского владыки — тут любая накладка будет воспринята как должное.

Тем временем соперники сошлись в ближнем бою, лезвие к лезвию. Обычного для таких случаев лязга металла слышно не было, разве что легкий стук, когда полукруглое лезвие секиры срезало верхушку деревянного меча.

Зрители ахнули.

Рахам попытался закрепить успех, и новым ударом еще больше укоротить деревянный клинок, но Селиг успел отскочить. И даже ухитрился огреть не успевшего вовремя развернуться соперника своим укороченным мечом. Плашмя, пониже спины. Не больно, но чувствительно для самолюбия.

Рахам взревел и ринулся в бой — уже по-настоящему, с налитыми кровью глазами и чуть ли не пеной изо рта. На мгновение Конану показалось, что он недооценил этого молодчика. Как оказалось тот умеет не только пить вино и бряцать браслетами, но еще и вполне недурно управляет с боевым топором.

Рахим нанес несколько ударов и казалось, секира со злобным шипением нарезает ломтями воздух. Селигу поначалу удавалось вполне успешно отражать рахамовские наскоки, только вот его собственный меч с каждым таким столкновением оказывался все короче.

Селиг более не крутил изящных пируэтов — все внимание царя было поглощено не на шутку разгоревшимся боем. Судя по всему, шушанец был неплохим фехтовальщиком, и с нормальным мечом имел неплохие шансы против сильного, но окончательно потерявшего всякое соображение противника. Вот только меч его настоящим не был.

Соперники забавляли публику еще пару терций, но когда в руках у Селига оставался клинок длиной не больше локтя, Рахам изловчился, и срубил его полностью, под самую крестовину.

Рахам победно захихикал и, раскрутив секиру над головой так, что ее лезвия слились в один сверкающий круг, обрушился на отступающего противника всей своей мощью. Селиг от-

прыгнул в сторону, но неудачно. По крайней мере никто из зрителей ничего не заподозрил — малый честно бился, но в конце ему не повезло. Подвернула ногу. С кем не бывает. Полежит пару дней и будет как новенький.

Селиг сдавленно охнул и осел на землю. К нему уже спешил дворцовый врачеватель. Зрители разочарованно завопили и затопали.

Рахам посопел еще немного, но поняв, что бой сам собой прекратился, опустил секиру и неуверенно огляделся.

Конан поморщился — так громко сегодня еще не вопили. Впрочем, кто бы спорил — зрелище достойное. Даже сам Конан, если бы не знал в чем тут подвох, мог бы принять происходящее за чистую монету.

Хотя скорее всего без стигийского чернокнижника здесь не обошлось.

Киммериец с интересом продолжал наблюдать за происходящим на арене. А там разворачивалось целое действие. Нога у Селига и впрямь была повреждена, потому что кофийский лекарь то и дело цокал языком и бормотал под нос молитвы Адонису.

Внимательно ощупав лодыжку поверженного бойца лекарь, видимо понял, что сумеет вправить вывих не прибегая к сложным манипуляциям и знаками показал топтавшемуся рядом Рахаму, чтобы тот держал бедолагу за пле-

чи. На счастье владыки Шушуна — лекарь оказался опытным, ногу вправил буквально одним движением, Селиг даже охнуть не успел. Морщась, сел на песок, осторожно пошевелил пальцами ноги, словно не веря, что все обошлось.

Покрутил стопой.

Распялся в облегченной улыбке и поднялся — правда, при помощи Рахама. Посмотрел на все еще зажатую в правой руке крестовину — теперь она окончательно приняла вид сплетенных ветвей древа рин.

Внезапно он повернулся к Рахаму и начал что-то ему горячо втолковывать, поглядывая в сторону хозяев замка и заговорщицки улыбаясь. Лицо у него при этом было как у слегка напроклизившего ребенка.

Он не шептал, но гвалт вокруг стоял такой, что, даже кричи Селиг в полный голос, Конан не смог бы разобрать ни слова. Какое-то время Рахам хмурился непонимающе. Потому непонимание переродилось в неуверенность — воин словно бы никак не мог взять в толк — чего от него хотят. Наконец он кивнул. Селиг сунул ему в руки остатки меча и дружески подтолкнул в спину.

От того места на арене, где стояли они, до Конана было шагов десять. Царь Зиллах сидел чуть правее — значит, еще шага на два поболее. Рахам прошел мимо, натянуто улыбаясь. Выгля-

дел шушунский воин очень озадаченным. Наверное, он бы изо всех сил чесал сейчас в затылке, не будь обе руки заняты.

Рахам остановился не точно напротив пелиштийского царя, а чуть левее, потоптался немного, хмуря темные брови и шумно дыша.

Конан вдруг понял, что слышит его сопение — зрители больше не шумели, будучи заинтригованы странным поведением победителя. Рахам же, продолжая хмуриться, неуклюже повертел в руке деревянную крестовину и, слегка склонив голову, протянул ее властителю Пелиштии.

— Царь Шушуна просит позволить ему возложить на алтарь Бела, покровителя Асгалуна, эту драгоценную древесину рин, привезенную из Черных Королевств. Кроме того, повелитель Селиг жертвует Белу, пятьдесят тонкорунных овец и кофского тельца с черной меткой на лбу. Царь Селиг просит милости у Бела и благословения для нашего общего дела. Ведь очень скоро Пелиштия, львица сторожащая закат Шема, и Древний Шушун, могучий тур, охраняющей его восход — сольются в единую державу! Шем снова станет империей!

Восторженный гул был ответом на речь шемита. Зиллах благосклонно кивнул головой.

— Царь Пелиштии принимает жертву своего собрата. Мы оба дети Иштар и я прошу влады-

ку Селига, в тот светлый час, когда боги даруют ему выздоровление, оказать мне честь и принести жертву вместе со мной на древнем капище асгалунских императоров.

Конан расслабился. Похоже все идет по плану и весь этот спектакль не более, чем способ оправдать легкое ранение шемского царька и набрать пару лишних очков у доверчивой публики. Что ж, нужно отдать должное этому негодяю — он сумел ловко все обставить.

Протянув царю Зиллаху крестовину из дерева рин, Рахам склонился в почтительном поклоне, отступил на шаг и крутанул над головой секиру, как бы салютуя. Вновь зашипел воздух, разрезаемый безупречно острым лезвием. Рахам слегка шевельнул кистью, меняя траекторию движения лезвия на более низкую и пологую.

И ...снес Зиллаху голову.

* * *

Человеческое тело оказалось острой стали не большее сопротивление, чем шелк или дерево. Голова с громким стуком прокатилась по деревянным ступеням на арену, а тело забилось в агонии.

Рахам обернулся к Селигу.

— Вот, видишь, царь Шушуна? — спросил чернобородый воин в абсолютной тишине, нару-

шаемой только шипением прогорающих факелов. — Владыка Зиллах склонил голову перед твоей мощью.

Он замолчал, выплюнув последнее слово вместе с кровью, и с удивлением уставился на торчащие из собственной груди лезвия. Их было два. Второй цыгу стоял несколько дальше, и потому воспользовался стилетами — их ручки торпелились над спиной Рахама, но клинки были короче и насквозь не прошли.

— Глупец! — завизжал Селиг, лицо его перекосилось, — отродье Зандры! Что ты наделал!!!

— Ложись! — успел крикнуть Конан, пытаясь вскочить, но запутался в овечьих шкурах и занавесках и рухнул назад, утонув в ворохе тряпок и деревянных обломков. А потом кричать начали уже все.

Молчали только цыгу.

Тот, который воспользовался кинжалами и потому сохранил при себе свои мечи, легко вскочил на спинку скамьи и пошел по рядам, быстро срубая головы тем, кто замешкался и не успел броситься врассыпную. Ему пытались преградить путь трое шемских стражников, но кхитаец сделал два неуловимых движения и троица повалилась на пол, захлебываясь в крови.

Второй цыгу несколько задержался. Его клинки застряли прочно в теле Рахама и ему пришлось повозиться, чтобы их извлечь. Выломав

их из прочного капкана ребер, кхитаец с обманчивой медлительностью двинулся по опустевшей арене. Черная смутно различимая фигура, вставшая на пути, поначалу не показалась ему чем-то, достойным внимания...

* * *

Лайне сидела под скамейкой на корточках и расширившимися глазами следила, как шемский стражник со странными раскосыми глазами режет вопящих зрителей, словно жертвенных ягнят.

Это завораживало!

Когда отец таким вот грозным голосом кричит «ЛОЖИСЬ!!!» — надо ложиться. Прямо там, где стоишь, и весьма шустро. Не задумываясь о том, что земля жесткая, а болото грязное.

Лайне покрутила головой. Сестры нигде не было видно. Наверное ее утащила за собой Ингрис. Впрочем им обеим лучше держаться по дальше от тех мест, где звенят мечи и льется кровь.

Мимо младшей дочери Конана пробегали какие-то люди, визжали женщины, кто-то падал, кто-то стонал. Вот промчался Стекс, что-то крича, но слов было не разобрать. Еще двое Черных драконов бросились на вскочившего на стол безумного стражника — и тут же упали, заливаясь

кровью. На арене живых уже не было — кроме того раскосого гибкого воина, обагренного кровью и сжавшего в испуганный комок царя Селига, того самого, кого она утром цапнула за палец.

Но по всему выходило, что укушеннный палец был самой небольшой неприятностью чернобородого шемита. Потому что сейчас к нему приближалась смерть в чешуйчатых доспехах.

Селиг попытался встать, но раненая нога дала о себе знать и он, коротко вскрикнув, опять рухнул на песок арены.

В пяти шагах от поверженного царя раскосый воин внезапно остановился.

Обернулся.

Сначала — повернул голову, а потом развернулся всем корпусом. Наклонился вперед. Сделал шаг, словно преодолевая ураганный ветер. Потом другой.

И только тогда Лайне заметила бритоголового худощавого человека в черном плаще с капюшоном.

Девочке показалось, что он возник прямо из воздуха. И теперь он стоял неподвижно, раскинув руки с растопыренными пальцами. Его хищную фигуру окутывало голубоватое мерцание, а между пальцами проскачивали и длинные синие искры.

Похоже это именно он и создавал тот невидимый ветер, с которым пытался совладать безумный стражник.

Краем глаза Лайне заметила, что его собрат, методично уничтожавший безоружных шемитов вдруг замер, будто его одернула незримая рука. Воспользовавшись неожиданной заминкой, уцелевшая толпа с визгом и хрипами повалила наружу.

Девочка поняла, что незнакомец в черном — это маг, который каким-то образом ухитрился опутать колдовской сетью обоих убийц.

А еще Лайне увидела Атенаис...

— Что ты медлишь?! — прошипел бритоголовый чернокнижник, — хватай девчонку и бегите отсюда! Долго этих демонов я не удержу!

Младшая сестра заметила, как у него напряглись жилы на лбу. Видимо чародейство отнимало у него много сил и они уже были на исходе.

Что случилось с танасулкой, Лайне не знала, но Атенаис была одна. Она и не думала прятаться, а стояла вжимаясь спиной в каменную стену и смотрела на происходящее широко открытыми глазами. Было ясно, что вот-вот она лишился чувств.

Послышался топот ног и рев — на арену хлынули свежие силы асгалунской стражи. Засверкали мечи, но раскосые воины, несмотря на

сдерживающие их магические путы пока ухитрялись держать оборону.

Селиг наконец стряхнул оцепенение и, закусив губу, и прихрамывая, заковылял по ступеням к сползающей по стенке Атенаис.

Э, нет, добрый господин! Так мы не договаривались.

Лайне улучила момент, когда Селиг поравнялся с ней и вцепилась в его недавно вправленную лодыжку. Царь Шушана коротко вскрикнул и рухнул между скамеек, подняв тучу пыли.

Впереди мелькнула крепкая фигура Закариса, который схватил в охапку падающую Атенаис и ринулся к выходу.

Лайне торжествующе улыбнулась — пусть лучше спасителем сестры будет хозяин прекрасного Аорха, чем этот любитель золотых украшений и засахаренных фруктов.

Между тем Селиг кряхтя встал на четвереньки. Потом поднял голову.

Лайме прыснула. Царь Шушана выглядел совсем не так впечатляюще, как сегодня утром. Борода шемита свалялась, лицо покрывала грязь и брызги чужой крови, белки глаз сверкали.

С неожиданной ловкостью он схватил за руку Лайме. Та успела только ойкнуть.

— Пойдем со мной, моя госпожа. Дочери великого короля негоже находиться там, где льется кровь.

— Отец! — завопила Лайме, — отец, где ты?

— Моей госпоже нет нужды беспокоить своего престарелого отца. О ней гораздо лучше позаботится будущий царь всего Шема, — усмехнулся Селиг. Он дернул девочку за руку.

— Вперед, пока цыгу не отправили стигийца Бену в Поля Камыши.

* * *

Закарис ворвался в конюшню. Лошади были уже оседланы, Аорх бил копытом и фыркал. Двое стражников стояли с обнаженными мечами, вопросительно глядя на хозяина.

Брат Зиллаха закинул Атенаис в седло и прислушался. Снаружи доносился грохот, лязг мечей и крики.

Закарис догадался, что охраняющий внутренний двор цыгу, после смерти царя Асгалуна также потерял разум и теперь крушил все, что попадалось на его пути.

Закарис заколебался. С одной стороны можно было попробовать сплотить вокруг себя стражников, и пробиться к казармам. Там возглавить отряд лучников и отдать приказ забросать кхитайцев тучей стрел.

Насколько Закарис знал — это был самый надежный способ расправиться с демонами Восхода. Но как быть с дочерью аквилонского ца-

ря? Оставить ее здесь под присмотром своих телохранителей? Глупо. Те хороши для обычной битвы, но против цыгу они не продержатся и терции.

Отправить их с Атенаис, а самому остаться здесь? Но Аорх не подчинится никому, кроме своего хозяина. Да и не дело доверять драгоценную королевскую дочь двум подвернувшимся под руку воинам, имен которых он даже непомнит.

Клыки Нергала! Что же делать? Ведь он сам предупреждал брата, что нанимать цыгу все равно, что подвешивать на нитке острый меч над собственным ложем.

Спору нет, кхитайцы незаменимые охранники, но нужно совсем потерять разум, чтобы окружать себя демонами, сколь бы умелыми они ни показались.

Закарис принял решение — он доставит дочь Конана в безопасное место, а потом вернется в город. В его теперешнем положении заручиться поддержкой Закатной Империи будет очень кстати.

После смерти Зиллаха в Пелиштии может вспыхнуть смута. Кроме того, вряд ли Рахам умертвил Зиллаха только для того, чтобы доказать остроту своей секиры.

Явно эти шушунские крысы что-то замышляют. Шушун всегда завидовал Асгалуну, ему

всегда не давали покоя корабли с грузами драгоценных товаров и караваны, идущие на закат Хайбории и в Черные Королевства. Чтобы одолеть Селига ему, Закарису, теперь понадобится хороший, надежный союзник и вот эта бледная девчонка отныне самый надежный залог дружбы с Аквилонией.

Конечно лучше было бы спрятать в безопасное место обеих сестер, но, владычица Иштар, где же прикажете искать в суматохе боя ту маленькую любительницу лошадей. Что ж видно такова воля богов: ему суждено спасти старшую дочь, значит так тому и быть.

Закарис вспрыгнул в седло. Аорх заржал. Веки Атенаис дрогнули — она стала приходить в себя.

Ворота с треском раскрылись и всадники исчезли в туче пыли из под копыт скакунов.

* * *

Стражники, которые помогли Конану выбраться из-под груды мертвых тел, а потом и выпутаться из тряпок и шкур были ему незнакомы. Варвар поднялся на ноги и с ужасом посмотрел напротив туда, где вместе с шемскими женщинами — сидели его дочери.

На арене валялись куски тел и подсыхали лужи крови, в центре мелькали чешуйчатые

доспехи и сверкали мечи. Киммериец догадался, что шемиты окружили цыгу. Зоркий взгляд варвара зацепился за фигуру стигийского мага, который стоял расставив руки. Значит дело не обошлось без колдовства. Конан обвел взглядом арену, готовясь к худшему. Но дочерей нигде не было видно.

Киммериец набрал в грудь побольше воздуха и громко крикнул:

— Лайме! Атенаис!

Мощный голос северянина сумел перекрыть шум сражения. Но в ответ ни раздалось ни звука. Скорее всего девчонок увезли Ингрис и Квентий. В конце концов у них за спиной стояла в карауле шестерка Черных драконов — так что о детях было кому позаботиться.

На всякий случай Конан позвал дочерей еще раз.

Молчание.

Киммериец сделал пальцами знак, отвращающий демонов и оглянулся. Шемские стражники стояли с мечами наголо, готовясь пасть на поля брани, но защитить гостя Асталауна от китайских демонов.

Киммериец протянул руку.

— Дай мне меч!

Стражник молча покачал головой, в длинной умашенной кудрявой бороде сверкнули от светы факелов.

— Нам приказано сопровождать господина до его покоев.

— Меч, я сказал, меч! — прорычал варвар, сожурив синие глаза.

— Мой король слишком слаб, чтобы самолично размахивать оружием. Нам приказано доставить владыку Аквилонии в его покой. Сейчас рабы принесут паланкин.

Конан расхохотался. Эти шемиты начинали забавлять. Найти бы того мерзавца, который сумел вбить в их длиннобородые головы, что король Конан — настоящая развалина. Найти бы мерзавца и хорошенько проучить.

Но Зиллах мертв, а игра продолжается... Стоит ли сейчас выходить из той роли, которую он сам же и играл столько дней?

Варвар смиренно присел на край скамьи и махнул рукой.

— Несите свой паланкин, сыны Зандры.

* * *

Прибыв в свои покои, Конан первым делом переоделся.

Снял окровавленную, порванную одежду и облачился в темную гандерландскую рубаху и кожаные штаны.

Конечно рабы разыскали бы в дорожных сундуках одеяние и получше, но варвару было

недосуг копошиться в пыльных тряпках. Наряд оказался несколько маловат и трещал по швам, но киммерийца никогда не заботил собственный внешний вид.

Для того, чтобы не привлекать к себе внимание он накинул сверху плащ, расшитый орнаментом из Солнечных Крестов.

Дубинку из серебряного блюда Конан заботливо обтер рукавом и перевесил на новый пояс. Пока другого оружия нет — сгодится и это.

Конан прошелся по комнатам, по очереди выглядывая в каждое окно. Во дворе дрогорали остатки конюшни, рабы пытались потушить огонь, заливая водой из кожаных ведер. Киммериец прислушался — шума битвы слышно не было.

Возможно шемиты наконец догадались расстрелять цыгу из луков. Хотя относительная тишина еще ни о чем не говорит — стены толстые, может быть просто бой еще не докатился до этого крыла.

Конан вернулся в первую комнату. Подумав, он открыл небольшой бронзовый ларец, вынул оттуда горсть золотых аквилонских империалов, пересыпал в кожаный мешочек и тщательно привязал его к поясу.

Никогда не знаешь, как может все обернуться, поэтому лучше быть готовым к тому, что дворец гостеприимного Зиллаха, чей дух уже

давно скитается по Серым Равнинам, придется
спешно покинуть.

Конан захлопнул ларец и запахнул плащ.
Теперь он был готов. Оставалось только
ждать.

Проклятье!
Он терпеть не мог ждать.

Брэнт Иенсен

НЕЗРИМЫЕ НИТИ

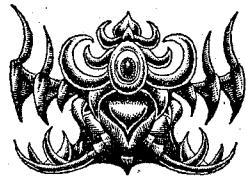

Роман «Город у священной реки» начинается с того, что одного из солдат сотника туранской армии Конана, обвиняют в кровавой расправе над семьёй представителями высшей вендиjsкой касты браминов. Стражи, что вели расследование пришли к выводу, что Хамар, так звали солдата, был безумцем и сам не ведал того, что творил. Тем не менее, его признают виновным и казнят.

Конан, который никак не мог поверить, что к нему в сотню мог затесаться безжалостный убийца, решает продолжать расследование последних событий. За то время, что он провел в Айодхье, киммериец близко сошелся с некоторыми влиятельными персонами: верховной экрицей Иштар — Рамини, вдовой предыдущего посланника Турана — Телидой, ее близким другом, тысяцким городских стражей — Сатти.

Эти люди и помогают Конану в его поисках. Но пока что результаты у расследования киммерийца не те, на которые он мог бы рассчитывать. Сначала его пытаются убить гвардейцы повелителя, один из которых попал в опалу по вине Конана, за ним начинает охоту демоническое существо, имеющее облик тени, а вдобавок еще одного его солдата подозревают в злых намерениях по отношению к Вендиjs, якобы он имеет отношение к запрещенной секте душителей-фансигаров.

Второй день расследования. Казармы.

иммериец открыл глаза, сделал глубокий вздох. Затем еще один. После этого он позволил себе улыбнуться. Этим утром тень не решилась его навестить.

На редкость приятное чувство: узнати, что все твои страхи, были напрасными.

А с каким трудом он заставил себя лечь!

Вернувшись в казармы из лавки алхимика, киммериец, побродив немного по опустевшим уже в столь поздний колокол коридорам, уселся играть с солдатами в кости.

Конан сказал сам себе, что он не должен ложиться, пока не дождется Амьена, которого с утра никто не видел. Но истинная причина того, что он не спешил в постель, была иной. Киммериец опасался, что действие эликсира закончится и тень объявитя вновь. После визита к Аямалу Конан перестал замечать ее присутствие, но насколько он себе представлял сущ-

ность этой твари, — тень по-прежнему находилась неподалеку и лишь выжидала, когда сила эликсира иссякнет.

Ближе к третьему послеполуночному колоколу сотник начал всерьез задумываться и об Амьене. Зря он отнесся к его встрече с фансиарами с такой прохладцей. Что если у него уже не появится шанса поговорить с новоявленным десятником?!

Окончательно испортили настроение кости, которые сегодня совсем не желали ложиться нужным образом. Когда киммериец понял, что успел спустить половину жалования, то, послав по проклятю всем известным ему вендийским богам, отправился спать. Со злости даже отказался от идеи поставить дежурить у своих дверей парочку солдат.

Уснул он не сразу. Но потом усталость взяла свое. Теперь, с утра, все выглядело иначе и вчерашние страхи уже казались киммерийцу смехотворными.

Конан быстро привел себя в порядок, надел чистую одежду и отправился завтракать.

О серьезных вещах он с солдатами специально не заговаривал. Нечего себе и им настроение портить. Говорили в основном о женщинах и о выпивке, которая в Вендии была паршивой.

За этим разговором киммериец вспомнил, что обещал Рамини зайти к ней в ближайшие

дни. После казни Хамара северянин больше думал о судьбе своего бойца, чем о женщине, делившей с ним ложе. Тогда он и пробыл у нее меньше, чем обычно, да и ушел неожиданно для девушки, поддавшись внезапному внутреннему порыву.

Взвесив все «за» и «против», Конан решил не-надолго отложить визит к Тхану. Первым делом сегодня стоило посетить храм Иштар. Киммериец представил, как Рамини будет рада его видеть. Можно будет позвать к ней в покой и других жриц и на три-четыре колокола отрешиться от всех проблем.

Чем больше северянин думал о такой возможности, тем сильнее ему хотелось поскорее очутиться на мягкое ложе верховной жрицы Иштар.

— Эй, сотник, — обратился к замечавшемуся киммерийцу Хасан. — Знаешь, а ведь Амьен так и не вернулся. Не случилось бы с ним чего. Вдруг кто-то нам решил отомстить за браминов, убитых Хамаром.

— Я поищу его, — пообещал Конан, поднимаясь из-за стола.

Ну, уж нет! Хотя бы на пару поворотов клепсидры — никаких убийств! Никаких браминов!

Сперва женские ласки и прохладное вино, а уж потом можно возвращаться в мир меча и крови.

Киммериец покинул казармы и быстрым шагом двинулся к храму Иштар, где ждала его Рамини.

Впервые за долгое время он не обращал внимания на толпы вендейцев на улицах и безо всякого стеснения расталкивал прохожих по сторонам. Он столько раз уступал дорогу, что теперь — их очередь.

Погрузившись в размышления, Конан не сразу услышал, что кто-то его окликает по имени. Он обернулся: к нему спешила Залиль.

Киммериец всегда был рад внучке Телиды, но сейчас она выбрала очень неподходящее место для встречи — почти перед самым храмом Иштар. Если Рамини увидит ее с Конаном, то кто знает: что она может себе вообразить? Киммериец так и не понял: знакомо или нет верховной жрице чувство ревности.

— Конан! — Залиль остановилась в шаге от киммерийца. — Я зову, зову тебя, а ты все не слышишь...

— Тут такой гвалт на улицах, что это немудрено..., — пожал плечами северянин и приобнял девушку.

— Подожди, — отстранилась Залиль. — Меня послала госпожа Телида.

— Что-то случилось? — поднял брови Конан.

— Они просила передать, что человек по имени Сатти сегодня утром был убит.

Нет, боги решительно не желали давать варвару время на отдых. Киммериец ошарашено потряс головой, растрепав черные волосы. Что же случилось? Из того, что он знал о Сатти, выходило, что этот человек твердо вознамерился дожить до глубокой старости и имел все шансы осуществить задуманное.

— А это точно? Ошибки быть не может? — спросил Конан, уводя Залиль на одну из боковых улиц, подальше от храма Иштар.

— Откуда я знаю? — пожала плечами девушка. — Телида позвала меня и наказала поскорее разыскать тебя и передать эти слова.

— Получается, мне надо идти с тобой, — разочарованно протянул Конан.

Залиль подняла на Конана огромные глаза.

— По всему выходит так!

Конану была не по душе эта идея. Не стоило вот так запросто, посреди белого дня идти в дом вдовы посланника. Киммериец уже достаточно времени провел в Вендии, чтобы понимать, каковы могут быть последствия этого визита. Незримые соглядатай мгновенно доложат, что он, узнав о смерти тысяцкого Сатти, с которым с недавнего времени водил дружбу, почему-то поспешил к вдове туранского посланника.

И какие же выводы сделают вендийцы? Да великое множество выводов! Но во всех случаях его персона будет крепко связана с Телидой.

Но зачем та зовет его? Не потому ли, что произошло *нечто*, с чем Телида без помощи киммерийца не сможет справиться? Наверняка, это *нечто* напрямую связано с убийством тысяцкого.

— Ну, что? Мы идем?

Залиль теребила киммерийца за рубаху. Он и сам не заметил, как остановился посередине улицы. Конану ужасно хотелось сказать, что он никуда не пойдет. Вот только после этого о добрых отношениях с Телидой можно было бы забыть.

Проклятье! И почему его первой нашла именно Залиль, а не кто-нибудь из стражей ради, близких к покойному Сатти, который знал бы о его сотрудничестве с северянином?

— Идем, идем! Прости, мне нужно было немного поразмыслить.

Конан взял девушку за руку и позволил ей вести себя по улочкам Айодхьи к дворцу, принадлежавшему некогда ее деду.

— Вы были близкими друзьями?

Сотник задумался прежде чем ответить. Стоило прикинуть, до какой степени можно было доверять внучке вдовы. В конце концов Конан, не привыкший к сложным умозаключениям, решил ответить честно.

— У нас были странные отношения, — Но он мне нравился.

— Я несколько раз видела его, — сказала девушка, — когда он приходил в гости к Телиде. Он был красивый.

Стоп! А не было ли чего-нибудь между Сатти и Залиль? Что если она делила ложе и с Сатти тоже? Тогда он мог посвятить ее в тайну своего расследования.

— Ты знала, чем он занимался? — Конан постарался, чтобы его вопрос прозвучал как можно более бесстрастно.

— Догадывалась, — ответила Залиль.

Киммериец повернул к ней голову и увидел, что девушка даже не пытается скрыть улыбку. Она хоть и была по крови туранкой, но воспитала ее Вендия и сейчас рядом с сотником шла истинная вендийка, для которой жизнь без интриг и тайн — это жалкое прозябанье.

Конан вмиг почувствовал себя последним олухом. Продолжать беседу расхотелось.

— Не обижайся, — фыркнула девушка. — Но если ты все же обиделся, то я готова загладить вину сегодня же вечером.

— Заманчивое предложение, — отозвался Конан.

На этом разговор иссяк.

* * *

К удивлению киммерийца у дворца Телиды не было стражи.

Конан не знал, кому поручат расследовать смерть тысяцкого: дознавателям владыки либо же раджи, но кто бы ни занимался этим делом, в первую очередь следовало им бы проверить связи Сатти. И тогда служителям закона прямая дорожка была сюда, во дворец бывшего посла.

По прикидкам Конана, к дому Телиды стража должна была прибыть на пару терций раньше, чем они с Залиль. Весть о смерти Сатти он получил сравнительно быстро, но все же явно позже, чем власти.

Был бы варвар один, он не преминул бы остановиться неподалеку, в тени дерева и некоторое время понаблюдать за домом. Но с ним была Залиль и киммерийцу пришлось укротить свои желания и не таясь следовать за внучкой Телиды к входу.

У ворот слуги тоже держались достаточно свободно, для того, чтобы можно было понять — внутри дворца дознавателя нет. Хотя вряд ли бы он пришел к Телиде один, а если он не хотел оскорбить хозяйку, то все равно конвой ему пришлось бы оставить у ворот.

Киммериец окинул пристальным взглядом охранников-туранцев, когда проходил через ворота, силясь понять, какие указания они полу-

чили от своей госпожи. Но по их непроницаемым лицам что-либо понять было невозможно.

— Они не выглядят встревоженными, — поделился киммериец своим наблюдением с Залиль.

— Тебе часто приходилось видеть встревоженных туранцев, — усмехнулась девушка, — сыны Тарима далеки от проявления низменных чувств!

— Может оно и так, — возразил Конан. — Но не лишил же Эрлик их разума? Они должны помнить, что Сатти был частым гостем в этом доме. И отсюда следует, что сегодня сюда пожалует немало гостей. И не всегда приятных...

— Так ты еще ничего не понял?! — удивленно произнесла Залиль.

— Что не понял? — обескуражено спросил северянин.

— Никто в городе не знает, что Сатти мертв, — сказала Залиль. — И уж тем более, какие-то охранники...

В голосе ее различались нотки торжества, вызванного тем, что ей удалось обескуражить обычно невозмутимого киммерийца.

— Тогда чем вы тут с Телидой занимаетесь? — удивление сотника мгновенно сменилось подозрительностью.

— Телида может чем-то и занимается, но я здесь ни при чем, — заявила девушка. — Она

меня в свои дела не посвящала, просто попросила передать тебе несколько слов. Но я же не дурочка, чтобы не задумываться об их значении. Сатти мало того, что был тысяцким, что само по себе много значит, он был одним из самых известных людей в Айодхье. Его смерть не могла бы остаться незамеченной. Стань это известие всеобщим достоянием, об убийстве тысяцкого судачила бы половина столицы, а в нашем дворе было бы не протолкнуться от стражи.

Залиль продемонстрировала, что она не только наблюдательна, но и неглупа. Что ж: это еще один повод подозревать ее в связях с Сатти. Хитроумному вендицу такая помощница могла бы пригодиться.

— Часть моих сомнений ты развеяла, — хмыкнул Конан. — Но вместо них появился десяток других, ничуть не лучше.

Девушка хихикнула.

Тем временем они уже прошли сад и оказались перед чуть приоткрытыми дверьми, ведущими внутрь дворца. Стражи перед ними, как и обычно, не стояло. И вообще все вокруг выглядело так, как будто ничего не случилось.

И тут, словно откликнувшись на мысли киммерийца, из-за дверей появилась Телида. Вид у нее был слегка взъерошенный.

— Все ли у тебя в порядке, благочестивая? — не удержался Конан от традиционного вопроса.

Правда, на этот раз приветствие было пропитано иронией значительно больше чем обычно.

— На все воля богов, киммериец! — ответила Телида и повернулась к внучке. — Я вижу, что твой длинный язык опять сослужил плохую службу!

Залиль потупилась.

Телида махнула рукой, давая понять девушке, чтобы та оставила их с Конаном наедине.

— Она все знает? — спросил киммериец, когда девушка убежала.

— Ничего она не знает! — раздраженно сказала Телида. — Но о многом догадывается. Залиль умна, в этом она пошла в меня. У нее уже наверняка есть свое суждение о том, что произошло с твоим не в меру любопытным дружком: Она слушаем не поделилась ими с тобой?

— Нет! Только сказала, что в городе ничего не знают, — Конан не видел смысла врать.

— Ну, это и слепой заметит, — облегченно сказала вдова. — Похоже, я напрасно вспылила — девчонка понемногу учится держать язык за зубами. И это хорошо, потому что при всем своем уме она пока еще ребенок, который не умеет распознать опасность. Я тревожусь за нее, особенно после того, что произошло с Сатти.

— Тогда зачем ты послала ее ко мне с известием о его смерти?

— Мне срочно понадобилась твоя помощь, — вздохнула Телида. — Залиль была нужна, чтобы разыскать тебя. И убедить прийти без промедлений.

Конан пожал плечами. Он мало, что понимал в происходящем, но ситуация ему не нравилась все больше и больше.

— Кром! Я не так умен, как твоя внучка. И мне невдомек, как вышло, что о смерти Сатти тебе известно, а властям — нет.

— Идем за мной! — кивнула головой вдова.

Она повела киммерийца по хитросплетениям дворцовых коридоров. В какой-то момент Конан перестал ориентироваться, где именно они находятся. В эту часть здания раньше его не приглашали. Конан прислушивался к окружавшим его звукам, но и они были самыми обычными: свист ветра, щебет птиц, эхо людских голосов. Не было вообще ничего, что могло бы возбудить подозрения, но зачем-то именно сюда его вела Телида, желая поделиться тайнами, связанными со смертью Сатти.

Тем временем вдова остановилась перед ничем не примечательной дверью, отыскала на связке ключ и открыла замок.

Внутрь Телида вошла первая, показывая гостю, что это не ловушка.

— Проходи, — пригласила Конана вдова. Киммериец шагнул внутрь.

И тут же замер на месте.

Посреди пустой комнаты стоял длинный стол, на котором лежало обнаженное человеческое тело, разрубленное надвое. Все вокруг было залито кровью.

Киммериец подошел поближе и всмотрелся в лицо трупа, покрытое запекшейся коркой. Сомнений не оставалось — перед ним был Сатти.

— И как это понимать? — повернулся Конан к вдове, которая прикрывала дверь.

— Нужно, как можно скорее, уничтожить тело, — спокойно ответила Телида. — Здесь все необходимое.

Телида указала Конану на два кожаных фартука и топоры, лежащие на полу.

* * *

День прибытия в Айодхью. Полуночные городские ворота.

Сотник имел достаточно причин для гордости: дальний путь из столицы Турана в столицу Вендии остался позади. Особенно трудным назвать его было нельзя. Но сложностей по дороге не возникло, лишь благодаря умению Конана и его десятников почувствовать опасность заранее. Единственным происшествием стало нападение безумных идолопоклонников на авангард отряда туранцев.

Вот только посланник Туранской империи Шеймасай так не считал. Напротив, он был уверен, что путешествие прошло скверно. Мало того, что их отряду приходилось скакать что есть мочи, почти без остановок, так еще буквально в конце пути этот тупой варвар ухитрился ввязаться в потасовку с какими-то дикарями.

Впрочем Конан и не рассчитывал на благодарность. Так уж повелось, что изнеженные вельможи, в какой бы части Хайбории они ни родились, — всегда плохо выносили тяготы похода. Им, привыкшим, проводить время в пирах и забавах, любая поездка казалась сущим кошмаром

— Мы не станем платить! — Конан оторвался от размышлений о гнилой натуре Шеймасай, чтобы высказать страже полуночных ворот все, что он думает о налогах, взимаемых с приезжих. — Живо зовите командира!

Вендейским киммериец пока только овладевал, а потому изъяснялся короткими фразами.

— Сто тридцать человек — сто тридцать может, — продолжал упорствовать стражник.

Проблема была в том, что отряд прибыл в Айодхью раньше срока, и стражу не успели предупредить, что с гостей не то что налог взимать не надо, а более того их следует препроводить со всеми почестями во дворец к радже Наранину. Грамоты, которые предъявляли Конан и Шеймасай, не произвели никакого впечатле-

ния — печати на них стояли незнакомые и, как знать, может быть поддельные. Одним словом, без денег пускать отказывались.

Ситуацию эту, кроме как недоразумением, назвать было нельзя. Но недоразумение это было неприятное, потому что очевидных путей его разрешения видно не было.

Заплатить — значит уронить честь Турана в глазах чужеземцев. Прорываться силой — начинать новый этап отношений с Вендией с бессмысленного кровопролития.

К счастью, Шеймасай, не настаивал на втором варианте, и у Конана появился шанс разрешить дело миром. Но после препираний, которые длились полколокола, киммериец убедился, что со стражами им решительно не повезло. Эти представители одной из младших каст кшатриев отличались тупостью и преувеличеным чувством собственной значительности.

Тогда один из десятников — Бернеш — предложил неплохой выход из затруднительной ситуации. Он взял одного из почтовых голубей и отправил с письмом, в котором говорилось, что новый посланник Турана назавтра прибудет к полуночным воротам Айодхьи. Датировал Бернеш письмо вчерашним днем.

Получив послание, слуги раджи, конечно, испытали бы легкое удивление от того, что птица летела к ним так долго, но отреагировать на

него должны были незамедлительно. И тогда отряд встретили бы, как и положено.

По прикидкам Конана встречающие должны были вот-вот подойти к воротам, ну а пока он, чтобы как-то убить время, продолжал препираться со стражниками. Все лучше, чем слушать, как орет взбешенный задержкой Шеймасай.

— Что здесь происходит?

Со стороны города к воротам подъехал высокий вендиец с окладистой бородой. Одет он был в отполированную до блеска кольчугу. На поясе висела сабля с богато украшенным драгоценными камнями эфесом. Конь незнакомца был черным, как ночь.

— Эти люди отказываются платить за въезд, — доложил стражник.

— Они предъявили тебе какие-либо бумаги? — высокий вендиец обращался исключительно к стражнику. Конана он предпочитал не замечать, и киммериец тоже не спешил привлекать его внимание.

— Да, предъявили, — не стал отпираться страж.

— Тогда, почему же, сын шакала, мне не доложили об этом?! — повысил голос прибывший человек. — Или ты не слышал приказа?

— Я не хотел беспокоить вашу милость попусту. Мало ли тут шныряет проходимцев, — попытался оправдаться страж.

— Глупец, — махнул рукой обладатель вороного коня. — Прочь с глаз моих! Доложи своему командиру, что я приказал сменить тебя на посту. Сам же вечером явишься ко мне за наказанием.

Стражник поклонился и двинулся в сторону группы солдат, отстоявших от высокопоставленного вендица шагах в двадцати.

— Покажите ваши грамоты, — обратился незнакомец к Конану.

Киммериец достал документы из седельной сумки и протянул их вендицкому чиновнику.

Тот внимательно изучил их, после чего кивнул и вернул бумаги сотнику.

— Прошу принять мои извинения, — говорил вендиц ровным вежливым тоном. — Уверяю, что оскорбление посланнику Турана было нанесено не намеренно, и мы сделаем все, чтобы его загладить.

— Не понимаю, о каком оскорблении идет речь, — пожал плечами варвар, — стража городских врат глупа и алчна во всей Хайбории. Рано или поздно мы...

Закончить фразу киммерийцу не позволил подъехавший к ним с вендицем Шеймасай.

— Извинения будут приняты и раджа ничего не узнает о случившемся, — произнес посланник Турана, — если вы, немедленно организуете нам эскорта к дворцу раджи Нараина.

— Как будет угодно высоким гостям, — вендиц на слова Шеймасая отреагировал совершенно спокойно. — Следуйте за мной.

Чиновник развернул коня и медленно поехал за ворота.

— Созывай своих солдат, сотник, — велел Конану Шеймасай.

Созывать никого не требовалось: отряд был готов в любой момент проследовать в Айодхью. Но Конан не стал спорить с туранцем и подняв вверх правую руку, громко объявил:

— За мной!

Всадники повиновались.

Шеймасай ехал впереди процессии в окружении личных телохранителей. В иной ситуации киммериец оспорил бы такое решение: гарантировать безопасность посла в таких условиях он не мог. Но при иноземцах ссориться с Шеймасаем не хотелось.

На Конана Айодхью не произвела большого впечатления. Столица Вендии мало чем отличалась от других городов этой страны, виденных киммерийцев по пути следования туранского посольства. Айодхья была грязной, многолюдной и совершенно равнодушной к иноземным гостям. Столичных жителей заезжие туранцы не занимали совершенно.

Киммериец же, в силу своих обязанностей, внимательно изучал окружающий отряд люд,

высматривая опасность. Нельзя было исключать возможность того, что на Шеймасаи нападут сразу же по прибытию отряда в город.

Сам же посланник подобных опасений не испытывал или же вполне натурально делал вид, что ничего не боится.

Шеймасаи двигался на одинаковом расстоянии и от посланного встретить турецких вендинского чиновника, и от начальника сотни сопровождения. По сторонам он не оглядывался, держался в седле исключительно прямо.

— Вшел в роль, — пробормотал себе под нос киммериец. Впрочем, без особого раздражения.

Для Конана тоже скоро должна была начаться новая жизнь. Если до этого времени он просто исполнял обязанности провожатого и достаточно достойно с нимиправлялся, за исключением нелепой смерти Газила, то теперь ему предстояло заняться расследованием гибели бывшего посла Турана.

Царь Илдиз не ставил перед киммерийцем задачи найти убийц. Правитель Турана желал узнать, что творится в Вендии, не нарождается ли здесь реальная угроза благополучию великого закатного соседа.

Но сам сотник видел лишь один способ разобраться в происходящем, если, в самом деле, в Айодхье происходило нечто интересное. Предстояло найти убийц турца, и уже тогда смот-

реть, какие ниточки от них тянутся и куда они ведут.

В первую очередь Конан хотел поговорить с вдовой посланника. Царь Илдиз говорил, что именно она настаивала на том, что смерть ее мужа не случайна.

Во время одной из стоянок на пути из Турана в Вендию киммериец подошел к Шеймасаи и постарался завести с ним разговор о бывшем посланнике и его семействе. Но нормального разговора, как и следовало ожидать, не получилось. Турец взъелся на Конана, указав тому, в какие именно дела солдатам дозволено совать свой нос, и с криками выставил сотника из шатра.

Киммериец и не рассчитывал, что Шеймасаи усадит его за стол, предложит вина и расскажет все, что ему известно о предшественнике. Конан знал, что посланник сразу же перейдет на крик и оскорблении, но именно это киммерийцу и было нужно. Шеймасаи был несдержан на язык и в запальчивости мог сболтнуть что-то интересное.

Но в этот раз Конану не повезло — Шеймасаи ничего не сказал.

По этикету начальник сотни сопровождения обязан был проследовать вместе с посланником Турана к властителю Айодхьи. Но киммериец подозревал, что Шеймасаи может захотеть изба-

виться от присутствия варвара на церемонии представления. Конан в душе был не против такого положения вещей. Отвешивать поклоны и слушать долгие пустые речи у северянина большой охоты не было.

Но Шеймасай, вопреки надеждам Конана, решил, что без сотника ему не обойтись.

Киммериец распорядился, чтобы с ним к радже проследовал десяток Масула. Руководить оставшимися солдатами в свое отсутствие он как всегда поручил Хасану.

Старый десятник с вверенными ему людьми остался ждать возвращения Конана за пределами дворца. Без малого девять десятков человек разместили в той части двора, где обычно упражнялась с оружием городская стража.

Конан же с десятком Масула эскортировал посла. Солдаты на этот раз держались непосредственно за Шеймасай. Вся сотня еще в Туране получила наставления о том, как следует себя вести во время дипломатических церемоний. Конан специально по дороге, когда им случалось останавливаться на ночлег у знатных персон, назначал то один, то другой десяток ответственным за препровождение Шеймасай.

Так что сейчас он не сомневался, что солдаты поведут себя подобающим образом: будут смотреть вперед, держать шаг, к оружию не прикасаться и рта не раскрывать.

Сам киммериец также вынужден был следовать этому ритуалу, а потому толком рассмотреть дворец раджи не получилось. Но то, что он был обставлен чрезвычайно богато, Конан уловил.

Вообще куда больше дворца сотника интересовали люди Нараина: как вооружены, как обучены, как держатся. Но бросать оценивающие взгляды на солдат другой державы в нынешней ситуации было бы неуместно. Потому лишь непосредственно во время церемонии представления друг другу посла и раджи, когда все внимание присутствующих было приковано к этим двум персонам, киммериец смог осуществить свое желание.

Церемония представления проходила в большой зале, в которой при желании смогло бы спокойно разместиться до тысячи человек. Сейчас народу в ней было меньше, и большей частью это были различные чиновники, но наблюдалось и два десятка стражей раджи.

Вооружены они были легко. Сабли вендийцев заметно уступали в длине оружию туранцев. Плетение кольчуг также было более тонким, защиты на ногах и не было вовсе.

Эти люди разительно отличались от солдат, находившихся в гарнизонах городов, которые миновала по дороге сотня Конана. Те наоборот уделяли доспехам чересчур много внимания,

из-за чего казались киммерийцу излишне неповоротливыми.

Тот же человек, что командовал городским гарнизоном Айодхьи, явно отдавал себе отчет в том, что стража должна в первую очередь быть ориентирована на действия в столице Вендии, то есть в духоте, в толчее, в путанице.

Конан решил, что ему также стоит подумать над тем, не изменить ли слегка вооружение вверенных ему людей на время пребывания в Айодхье, если позволяют средства; разумеется.

Сама же церемония представления ничего особенного собой не представляла. Шеймасай и Нараин вышли навстречу друг другу, поклонились, обменялись грамотами. После этого правитель Айодхьи и новый посланник Турана обнялись и произнесли положенные слова.

Затем Нараин громко на туранском языке объявил:

— Приветствую посланника великой Туранской Империи в нашем славном городе. Слава Турану!

Те двадцать стражей, что находились в зале трижды повторили за раджой: «Слава Турану!»

Шеймасай вновь поклонился. Посол казался Конану чрезвычайно довольным.

Улыбка же с лица раджи так и не сходила с самого начала церемонии.

Нариан был невысоким смуглым человеком. Бороду и усы он стриг довольно коротко. Их уже понемногу начала затрагивать седина, равно как и волосы правителя Айодхьи. Идеальной фигурой раджа похвастать не мог, но и чересчур тучным тоже не был. Черты лица у Нараина были мягкими, и улыбка располагала к себе.

— Прошу вас, — произнес раджа, когда слуги внесли в зал большое блюдо, заставленное вином и фруктами, — вкусите еду моего дома.

Нараин сам наполнил вином кубок гостя и преподнес его Шеймасай.

Посол отведал напиток, похвалил его, после чего взял с подноса персик.

Когда слуги удалились, Шеймасай и Нараин продолжали тихо, чтобы их слова не достигали посторонних ушей, общаться между собой. Беседовали они не очень долго, и вновь, как и в предыдущий раз, по окончанию их разговора с посланником раджа громко обратился к людям в зале:

— Великая честь была принять у себя в доме столь достойного вельможу!

— Великая честь и для меня, — ответил Шеймасай. — Рассчитываю увидеться с вами и завтра у повелителя.

— С превеликим удовольствием продолжу общение с вами.

Представители двух великих держав вновь поклонились друг другу.

Нараин, выпрямившись, остался стоять там, где и стоял. Шеймасай же развернулся и прошелся к выходу. Конан с десятком Масула направился следом за ним.

Когда туранская миссия вышла из дворца, Шеймасай жестом подозвал к себе сотника.

— Сейчас я направлюсь во дворец, где для нас приготовлены покоя. Для тебя и твоих людей раджа выделил отдельное помещение.

— Понятно, — кивнул киммериец. — Вам понадобятся все мои люди для препровождения вас к новому месту жительства?

— Я как раз хотел сказать, — ответил Шеймасай, — что для охраны мне достанет и собственных людей. Тем более, что скоро наши пути разойдутся, и надеюсь, что они пересекаться будут нечасто.

— Этого не будет, — отрубил Конан, — у меня приказ светлейшего Илдиза. В первые три дня вас будет сопровождать отряд моих людей. А по прошествии этого срока мы решим как быть.

Шеймасай зло посмотрел на Конана, сплюнул и, ускорив шаг, отдалился от киммерийца.

Смерть Шеймасай действительно никак не вязалась с планами сотника, и он намеревался делать все от него зависящее, чтобы новый по-

сланник Турана подольше не отправлялся на Серые Равнины. Охранять Шеймасай силами своей сотни он собирался до той поры, пока не будет уверен, что жизни того ничто не угрожает.

Не то чтобы Конан не доверял телохранителям Шеймасай: просто рядом с посланником ему нужны были люди, которые будут исполнять его, Конана, приказы.

Тем не менее, известие о том, что сотня будет жить отдельно от Шеймасай, киммериец воспринял с воодушевлением. Туранец отличался ужасным нравом, и выносить его общество было сущей пыткой.

Оставалось только надеяться, что отделенным от посла солдатам, выделят для жизни приличное жилище.

Но до знакомства с новым обиталищем было еще много времени. Сначала нужно посетить то место, где предстояло расположиться туранскому представительству, затем разобраться с безопасным размещением Шеймасай.

Провожатый за время пребывания отряда во дворце у Нараина успел поменяться. Теперь эскортом руководил не бородатый вендиец, что встретил туранцев у ворот Айодхьи, а один из помощников раджи.

Киммериец помнил, что тот находился на церемонии в первых рядах принимающей сто-

роны — место, по мнению Конана, вполне почетное.

Когда отряд построился перед воротами дворца, этот вендиец поочередно подъехал сначала к Шеймасаи, потом к Конану и попросил следовать за ним и его людьми.

Люди на улицах перед новым провожатым расступались более споро, чем перед прежним, хотя этот доспехов не носил, и имел менее впечатляющую внешность.

Шеймасаи, как и в прошлый раз, предпочел держаться далеко впереди отряда.

Конан вновь не стал с ним спорить. Вместо этого он подозгал к себе трех десятников: Талата, Ясира и Бернеша. Им он собирался поручить охрану посла в первый день.

Выбор этот объяснялся достаточно просто: Талат раньше трудился в городской страже и мог быстро разобраться, насколько хорошо охраняется жилище, Ясир сопровождал караванщиков и имел репутацию непревзойденного мастера своего дела, Бернеш же просто казался киммерийцу самым смекалистым из десятников.

Северянин вкратце обрисовал им ситуацию, в которой им предстоит действовать, и особенно настаивал на том, чтобы все три десятника подробно, до мелочей запоминали все, что происходит вокруг, и докладывали своему сотнику. Не-

знакомая страна, незнакомые люди: опасность могла крыться где угодно.

Получив указания, десятники вернулись к своим людям.

Больше до того момента, как отряд добрался до ворот туранского представительства, киммериец ни с кем не общался.

Дворец, в котором предстояло расположиться посланнику Турана и его свите, по размерам значительно уступал тому, в котором жил раджа Нараин, но все равно был огромен.

На ступенях здания в окружении слуг Шеймасаи встречала высокая и очень худая туранка с лицом хищной птицы.

Киммериец решил, что это и есть Телида.

— Мое имя Телида, — подтвердила женщина догадку варвара, — рада принять вас во дворце моего покойного мужа.

— Это дом посланника Турана, — Шеймасаи на своем коне находился впереди прибывших: солдаты во главе с Конаном держались по-прежнему позади, вендицы же из провожатых сразу за воротами расступились по сторонам. — А значит теперь — мой. Я представляю здесь власть светлейшего царя Илдиза, и не потерплю, женщина, когда мне не оказывают должного почтения.

— Прошу меня простить, — в голосе Телиды пропадали ядовитые нотки, — если ты, незна-

комец, и впрямь посланник царя Илдиза. Но внешне ты скорее похож на отъевшегося сверх меры торговца, которого Эрлик не наградил ни манерами..., ни ростом.

— Да как ты...

Шеймасай побагровел и начал хватать ртом воздух, но Телида не дала ему возможности ответить.

— А верительных грамот от светлейшего царя Илдиза, да продлят боги его годы, я пока не видела, — сказала она. — Так что пока власть Турана представляю я. Предъявите мне ваши свитки, иначе я прикажу слугам вышвырнуть вас вон!

Конан усмехнулся. Ему понравилась отважная женщина, которую, казалось, нисколько не смущала сотня турецких воинов за спиной Шеймасай.

— Безумная женщина, — пробормотал Шеймасай, но так, чтобы его слышали все окружающие.

Однако вслед за этими словами он подъехал к Телиде и морщась протянул ей свитки.

Конан ухмыльнулся: именно с этой женской волею царя Илдиза ему было назначено распутывать клубок вендийских интриг.

* * *

Второй день расследования. Дворец Телиды.

До этого дня мясником Конану работать не доводилось. Нет, он, конечно, сотни раз вонзал меч в тело врага, но разрубать мертвцев на мелкие кусочки ему пока не приходилось.

Работал киммериец молча. Понимал, что начни он расспрашивать Телиду до того, как с не приятной работой будет покончено — ничего путного из этого не выйдет.

Единственное, что смущало варвара — так это то, чем ему пришлось заниматься. Если вдуматься, то разделять на куски своих бывших знакомцев — занятие неприятное и, пожалуй, даже в чем-то недостойное.

Отделенные от тела куски они складывали в холщовые мешки. Когда те заполнялись, их перевязывали веревкой и оттаскивали в сторону.

Под конец оставалось самое неприятное — голова тысяцкого. Но Телида несколькими ударами топора расколола череп на четыре части и закинула их в мешок. Зрелище было отвратительное.

Конан еще раз поймал себя на мысли, что на поле боя все воспринималось иначе.

— Пожалуй все, — оттерла пот со лба Телида.

Киммериец ничего не ответил, просто исподлобья смотрел на вдову. Та сузила глаза.

— Считаешь, что мне надо объясниться?

— Да.

— Пойдем куда-нибудь, где нет крови и крошка костей!

— Нет, лучше останемся здесь.

— Твоя воля, варвар, — махнула рукой Телида. Стульев в комнате не было, и она присела на край стола, на котором совсем недавно лежало тело Сатти. Длины фартука со спины не хватало, чтобы укрыть платье от крови, но вдова даже не заметила, что запачкала наряд. Знаком она пригласила Конана присесть рядом.

— Есть вещи, которые лучше не слушать стоя.

Киммериец несмотря на все безумие происходящего, решил побеспокоиться об одежде. Ходить перепачканным кровью по Айодхье ему не хотелось.

— Ничего, благочестивая, я как-нибудь так.

— Дело твое, киммериец, — при этих словах Телида взмахнула рукой. — Ладно, слушай! Когда Сатти пришел ко мне этим утром, он был уже мертв. Что самое печальное, он не сказал ни слова о том, кто убийца.

— Можешь считать, что пока я тебе не верю.

— Скверно, Конан! Пока очень скверно. Ведь твое доверие — эта та вещь, на которую я сейчас больше всего рассчитываю.

Конан поморщился.

— Прекрати вить петли из слов, женщина! Ты отлично понимаешь, в каком ты сейчас положении. Кром! Я помог тебе разобраться с мертвым телом, а если уж говорить прямо, взял на себя часть ответственности за смерть Сатти. Сделал я это лишь потому, что рассчитываю на твою помощь, и более того — верю, что это не напрасно. Но перед этим ты мне вразумительно объяснишь, зачем мы только что разделали тело тысячного городской стражи, словно тушу свиньи перед продажей в лавке мясника. И только после этого мы станем говорить о делах.

Телида понурилась.

— Он сам попросил меня об этом.

Конан встряхнул гривой черных волос.

— Звучит странно, женщина, клянусь Кромом! Но может все прояснят те подробности, которые ты мне изложишь?

— Да, не знаю я подробностей! — рассердилась вдова. — Я была потрясена не меньше твоего. Сегодня примерно на второй колокол, после того, как рассвело, ко мне пожаловал Сатти. Слуга, который сообщил мне о его появлении, сказал, что тысячный требует, чтобы я его приняла немедленно. Но в остальном его поведение выглядело совершенно нормальным.

— А почему ты заинтересовалась его поведением?

— Знаешь, варвар, — зло ответила женщина. — у Сатти как-то раньше не было привычки приходить ко мне на рассвете да еще требовать, чтобы я к нему немедленно вышла!

— Ладно. Допустим!

— Как, наверное, ты догадываешься, мешкать я не стала. Понятно, что если человек приходит в твой дом еще до того, как колесница Митры выкатится из-за кромки окоема, то на это должны быть веские причины! Первое, что он сделал, как меня увидел, попросил, чтобы я отослала слуг. Когда они удалились, Сатти сказал, что этой ночью его убили.

Конан усмехнулся.

— Вслушайся в сказанное, Телида. К тебе пришел человек и сказал, что его убили? Кром, я повидал немало на просторах Хайбории, но, признаюсь, тебе удалось меня удивить!

— Клянусь Небожителями, Конан, я была поражена не меньше твоего! В его голосе не было никакого волнения. О смерти он больше и не упоминал. Сатти интересовало то, что случится с ним после того, как его дух отправится на Серые Равнины. Он умолял меня сделать так, чтобы врагам не досталось его тело.

— Врагам?

— Врагам, сотник. Наш бывший знакомец употребил это слово. Наконец, и он сыскал себе врагов.

— И кого же?

— Не сказал. Он не хотел, чтобы я знала о том, кто его убийцы. Даже стоя на пороге смерти, Сатти опасался открытого противостояния с теми, с кем ему довелось столкнуться.

— Думаешь, что он опасался за твою жизнь? И молчал потому что думал, что те, кто сумели добраться до него, смогут дотянуться и до его соратников.

— Верно! Сатти мог решить, что враги очень скоро оборвут все ниточки, что связывают его с окружающим миром. Потому он и молчал. Пусть мы ничего не узнали, зато остались живы.

— Мы? Он говорил что-нибудь обо мне?

— Нет, но он не мог не предположить, что я поведаю тебе обо всем. Он вообще ни о чем не говорил, кроме своего погребения. Если, конечно, здесь уместно использовать это слово. Позволь я расскажу тебе все до конца...

Конан кивнул.

— Сатти сказал, что его тело следует уничтожить. При этом он запретил оставлять его целим или сжигать.

— И тебе не пришло в голову ничего лучшего, чем разрубить его на части и закопать?

— Так решила не я. Сам Сатти просил расчленить его тело и скормить собакам.

Конан передернул плечами.

— Конечно, когда дух человека уже скитается по Серым Равнинам, ему должно быть все равно, что становится с его плотью. Но, боги, не хотел бы я, чтобы меня после смерти постигла такая участь.

— Видимо он опасался чего-то худшего.

— Ну хорошо! Продолжай свой рассказ! Что было дальше: он просто свалился замертво или покончил с собой?

— Свалился замертво... Произнес все то, что ты сейчас слышал, затем внезапно замолк и упал. Но вот, что удивительно, Конан. Почему-то я не испугалась, и мое сердце не стало биться чаще. Небожители даровали мне спокойствие и силу духа и я в одиночку дотащила труп до этой комнаты. Хорошо, что на мертвце не было надето кольчуги, иначе одной мне было бы не управиться. Потом я послала Залиль за тобой. Ну, а остальное ты знаешь.

— Да уж, доводилось мне слышать истории и повеселее, — хмыкнул Конан. — Но вот одно я не пойму: почему ты посчитала, что все, что говорит Сатти — правда? Он мог быть опоен настоем дурмана или находится под воздействием чародейства. Согласись, что звучит нелепо, когда гость приходит к тебе в дом и просит расчленить его тело, когда он покинет этот мир?

— Но мало кто после таких слов падает замертво, — парировала вдова, — я хочу глотнуть

вины. Сотник, пойдем отсюда. Мешками я займусь когда стемнеет.

Киммериец подумал, что выпить бы по такой ситуации не мешало бы. Внезапная и столь необычная гибель Сатти обескуражила варвара, но еще более неприятными виделись последствия кончины тысяцкого.

— Нет, надо довести дело до конца, — отрезал северянин. — Кто поручится, что среди твоих слуг нет сообщников тех злодеев, что убили Сатти. Так что уж давай сделаем все так, как он просил. В конце концов каждый волен выбирать себе погребальный ритуал. Кто-то хочет быть закопанным в землю, кто-то сожженным на погребальном костре, а кто-то расчлененным на куски. Работенка не из приятных, но уж давай выполним волю нашего мертвого приятеля до конца.

Вдова наклонила голову.

— Ты прав, варвар. Я рада, что боги направили тебя, чтобы помочь бедной вдове. Одной бы мне справиться со всем этим было бы не под силу.

— Вдвоем нам тоже будет нелегко, — прикинул киммериец. Единственным местом, где можно было спокойно избавиться от тела, был квартал Тринадцати Стен — только там было полно бродячих собак. Но путь до него от дома Телиды был неблизкий.

— К тому же, ты мне не помощница. Нельзя, чтобы нас видели разгуливающими на пару по Айодхье со странным грузом за спинами.

— Хочешь позвать кого-нибудь на помощь из своей сотни?

Киммериец покачал головой.

— Нет. В таком деле, чем меньше лишних глаз, тем лучше. Избавлюсь от тела сам. Но мне нужно много плотной черной ткани, чтобы не было видно крови.

— Не лучше ли все-таки дождаться сумерек?

— Нет. Если ты говоришь, что Сатти чего-то очень сильно опасался, то не будем терять времени. Займись мешками, а я пока покараулю здесь.

* * *

На следующий день после гибели Газила. Бхатинда.

— И вознесется его дух к небесам, дабы предстать перед очами Тарима и услышать волю Эрлика, что дарует ему жизнь вечную либо же спалит в неугасаемом пламени.

Вслед за этими словами жрец бросил факел на погребальный костер Газила.

— Да получит он очищение, — забормотали стоявшие перед костром солдаты, склоняя голову.

Перед обрядом погребения Газила одели в самые дорогие вещи, что он взял с собой в поход, предварительно тщательно их вычистив. Поверх его обрядили в кольчугу, чтобы воину не было стыдно предстать перед небожителями.

Лишь сабля туранца осталась у Конана. Покойный десятник завещал передать ее своей семье, и сотник оставил за собой эту обязанность. По возвращению из Вендии он собирался вручить оружие младшему брату Газила.

Огонь быстро охватил сухие ветки и возлевавшее на них тело десятника. От жара было больно поднять глаза, но Конан, как и многие туранцы, все равно смотрел на то, как отправляется в свой последний путь самый странный из его десятников: гордец и смельчак, чья слава о жестокости долго останется непревзойденной.

Жрец тем временем читал молитву на гирканском. Часть солдат повторяла слова вслед за ним. На похороны Газила их пришло немало: дело, разумеется, было не в том, что десятника многие любили — его ненавидели, просто было тяжело поверить, что такой человек мог умереть.

Киммериец и сам поражался тому, сколь глупо погиб Газил. Но он искренне сожалел о смерти десятника.

Конан не успел с ним близко сойтись за время пути в Вендию, но вот понять, что многое

сказанное в его адрес — наговоры, успел. Газил был чрезмерно строг к себе и окружающим, но безумцем, каким его рисовали многие рассказчики, он не был.

Обряд проходил во дворе двухэтажной постройки неизвестного предназначения, в которой поселили отряд турецев на время пребывания в Бхатинде. Раньше в этом здании то ли жил знатный кшатрий, то ли располагался храм одного из мелких вендийских божков — Конан не уточнял, но сейчас оно служило чем-то вроде бесплатного постоянного двора для таких вот странников.

Раджа Бхатинды был несколько удивлен просьбой турецев разместить их в городе на несколько дней и явно испытывал неловкость от того, что ему пришлось устроить гостей в жилище, явно не соответствующему их положению, но выбора попросту не было.

Но вымотавшимся воинам не было никакого дела до пыли, грязных постелей и полуразвалившихся стен. Змей в доме нет — значит, жить можно. Шеймасай, к удивлению киммерийца, не только согласился с исходившим от Конана предложением отдохнуть пару дней, но и сам не перебрался во дворец к радже, а остался жить вместе с солдатами.

Посланник занял самую большую комнату дома, предварительно заставив ее тщательно

вычистить. После этого действия его новое жилище обрело вполне пристойный вид.

На обряд погребения Шеймасай не явился, сказав, что ему претит запах жареного человеческого мяса.

Это сообщение он передал Конану через одного из солдат, заодно, наказав сотнику зайти к нему сразу же после окончания обряда. Киммериец с радостью бы проигнорировал эту просьбу: сначала он собирался заняться назначением нового десятника вместо погибшего Газила, если бы не был уверен, что Шеймасай сейчас наблюдает за ним из окон своей комнаты.

Ослушаться посланника означало окончательно испортить с ним отношения, что не входило в планы варвара.

— Подождите меня у себя, — киммериец подошел к Амьену, после того, как последняя молитва была произнесена. Этого немолодого товарища Газила он как раз и собирался сделать новым десятником. — У меня дело к посланнику. Как только освобожусь, сразу зайду к вам.

Конан кинул последний взгляд на остатки погребального костра и тихо произнес:

— Да получит он очищение.

После этого размежленной походкой киммериец направился ко входу в дом.

Шеймасай жил на втором этаже. Его комната, еще до уборки, устроенной турецем, выгля-

дела наименее обветшалой, и была чуть ли не единственным помещением, которое хорошо проветривалось. На первом же этаже царила не-вообразимая духота.

Единственным, но весьма существенным, по мнению киммерийца, недостатком верхних помещений, были очень низкие потолки, и Конану приходилось то и дело нагибать голову.

Посланник же явно получал удовольствие от этого маленького неудобства, невольно доставленному им рослому киммерийцу.

Во всяком случае присесть сотнику он не предложил.

— Все прошло нормально? — поинтересовался он у Конана.

— Речь идет о погребении? — поднял брови киммериец.

Шеймасай кивнул.

— Да, все было исполнено согласно традиции. А что могло случиться?

— Мне кажется, среди твоих людей найдется немало тех, кто с радостью бы плонул на погребальный костер этого изверга.

Северянин решил никак не реагировать на замечание посла, отпущенное в адрес мертвого десятника. Показывать злость — только тешить самолюбие Шеймасай.

— Если бы подобное случилось, виновные были бы подвергнуты строгому наказанию. Ис-

тинный почитатель Эрлика обязан относиться с уважением к ушедшим на Серые Равнины.

— Тем более, солдат?

— Да!

Шеймасай потянулся. Резное кресло, в котором он сидел, заскрипело.

— Вот мы и подошли к теме разговора, — усмехнулся турец. — Воины и их честь... Садись, варвар! Пожалуй, тебе с таким-то ростом не слишком удобно здесь стоять.

Киммериец придвинул к себе стул и уселся положив руки на колени.

— Я слушаю, посланник.

— Я догадываюсь, зачем ты попросил меня об остановке. Не надо лжи, что твои солдаты устали, или, что тебя беспокоит мое здоровье.. Ты ждешь, когда люди раджи найдут убийц Газила. Хочешь посмотреть на их казнь?

— Хочу, — Конан не стал отрицать очевидного.

— Не выйдет, — покачал головой Шеймасай. — Боги рассудили по другому и я уже просил раджу отложить поиски разбойников. Но он хочет, чтобы и ты отказался от своей просьбы об их немедленной поимке.

— Достойный человек. Знает цену собственным обещаниям.

Конан специально ничего не сказал о том, что думает о происках Шеймасай. Он не соби-

рался помогать посланнику, впрочем как и открыто противодействовать ему:

— Сотник, напомни-ка мне: зачем ты здесь?

— Светлейший царь Илдиз приказал мне охранять посланника Турана во время путешествие в Вендию. Мой отряд должен обеспечить безопасность...

—... безопасность, — фыркнул Шеймасай, показывая, во что он ставит заинтересованность киммерийца в его благополучии. — Это само собой разумеется. Но это не все, северянин! Ты тоже представляешь интересы Турана, ты — офицер туранской армии. А справляешься ты с этой задачей очень скверно. Но окончательно опозориться я тебе не позволю.

— Это пустые слова, — потемнел лицом Конан.

— Не смей дерзить мне, сотник. Я пытаюсь спасти нашу честь.

Конан выразительно хмыкнул.

— Ты хоть представляешь, как со стороны выглядит твоя попытка поквитаться с убийцами? Благородство? Долг перед убитым товарищем? Это движет твоими поступками? Твои солдаты наверное тоже тебя поддерживают?

— Полагаю — это так! — сквозь зубы произнес киммериец.

— Болваны! А ты — главный болван! Вы — сотня почетного сопровождения, символ моци

туранской армии. Одно то, что ты потерял двух людей, — уже удар по престижу нашей империи. А теперь ты показываешь, что этот укол, нанесенный нам разбойниками, что-то для нас значит, для войска царя Илдиза. И теперь отборные туранские бойцы ждут, пока выловят каких-то головорезов. Весть об этом, думаю, очень быстро дойдет до Айодхьи.

Киммериец задумался. В словах Шеймасай крылся определенный смысл. Посланник, конечно, стущал краски, но Конан много слышал о хитросплетении политических интриг в Венди, и могло оказаться так, что задержка в Бхатинде будет истолкована именно столь превратным образом.

— Кроме того, — посол истолковал молчание киммерийца, как отказ принять его предложение, — если ты не поговоришь с раджой, я просто отдаю приказ продолжить путь немедленно. Ты хочешь, чтобы твои люди остались без отдыха?

— Да будет так! — Конан поднялся со стула и опять чуть не ударился макушкой о потолок. Шеймасай выразительно хмыкнул. — Я попрошу, чтобы поиски отложили до того дня, как мы вновь выступим в поход.

— Я рад, что часть своих мозгов ты все-таки сохранил. А теперь — иди. Не забудь до окончания дня нанести визит радже.

Уходил киммериец от посланника не в лучшем расположении духа. Шеймасай очень умело поставил его на место и, что самое неприятное, отчасти был прав.

Теперь еще предстояло все объяснить солдатам. Им будет куда тяжелее понять, почему они не смогут насладиться заслуженной местью. Особенно трудным разговор получится с людьми Газила, они-то своими глазами видели, как киммериец обнаружил убежище убийц, но сначала почему-то пощадил их, а потом и вовсе отказался от идеи расплаты.

Сейчас Конан и сам считал, что проявил тогда в джунглях малодушие. Казнь надлежало совершить сразу же на месте. Какими бы омерзительными существами ни были идолопоклонники, клинки туранцев не заржавели бы от их крови.

Киммериец точно не знал, сколько солдат ведало о том, что та вылазка в джунгли не была безрезультатной. Наверняка кто-то из десятка Газила обмолвился об обнаруженном там храме, тем более, Конан не просил никого хранить молчание.

Придется теперь говорить солдатам пустые слова об интересах Турана.

— Сотник, ты освободился? — стойло киммерийцу спуститься на первый этаж, как он тут же натолкнулся на Амьена.

— Да, идем.

Киммериец и туранец направились в комнату, в которой разместился десяток покойного Газила. Судя по вопросу Амьена, все воины уже собрались и ждали лишь киммерийца.

— Будь готов возглавить отряд, — тихо сказал сотник Амьену, когда они подошли к самым дверям.

Туранец кивнул.

Стоило Конану и Амьену войти в комнату, как все солдаты, находившиеся в ней, мгновенно встали. Выучка и дисциплина у людей Газила была лучшей в сотне.

— Садитесь, — махнул рукой киммериец. — Ты, Амьен, тоже садись.

Сам северянин остался стоять.

— Вы потеряли двух бойцов, — продолжал он. — Ваш десяток сократился. Я хочу знать: считаете ли вы, что я должен перевести к вам еще одного воина?

Амьен поднялся со своего места.

— Сотник, это мы уже обсудили меж собой. И решили: новый человек нам не нужен.

— Хорошо, — кивнул Конан. — У меня тоже нет желания дробить десятки. Тогда слушайте дальше. Я хочу, чтобы вашим новым десятником стал Амьен. Решать, разумеется, буду я сам, но не хочу идти против воли отряда!

Никто не произнес ни слова.

— Значит, нет, — подытожил киммериец. — Амьен, ты готов возглавить десяток?

— Готов!

— Что ж! До сегодняшнего вечера я доведу свою волю и до оставшихся солдат. Я все сказал!

И вновь весь десяток поднялся на ноги, провожая своего командира.

Северянин решил, что скажет об отказе от мести за Газила и Осанна только после того, как поговорит с раджой.

Именно к нему киммериец сейчас и собирался.

Конан считал, что стариk раджа вряд ли обрадуется тем словам, с которыми он к нему придет. Правитель Бхатинды не отличался велеречивостью или изысканными манерами, плохо изъяснялся на туранском, однако при этом он казался киммерийцу человеком честным, привыкшим доверять скорее клинку, нежели словам.

И он полагал, что туранцы имеют полное право на месть.

Выйдя на улицу и пройдя уже почти половину пути до дворца правителя Бхатинды, Конан вспомнил, что времени с рассвета прошло не так и много. Жрец Эрлика начал обряд погребения с первыми лучами солнца. И хоть молитвы заняли не один колокол, но время еще было раннее.

В Туране у сановников разного ранга первая половина дня отводилась для решения срочных дел: Посетителей же принимали только после того, как солнце минет зенит.

Конан находил подобное устройство дня разумным, позволявшим не дать перепутаться всем возможным начинаниям.

Какие же порядки были заведены в Вендии, он не знал. Спросить, кроме как у Шеймасай, было не у кого. Немного поразмыслив, киммериец решил чуть-чуть отложить свой визит к радже. В любом случае, явиться столь рано означало бы показать свое неуважение к правителью, а Шеймасай прямо обозначил срок, в который должен уложиться сотник: поговорить с раджой до окончания сегодняшнего дня.

Так что, время еще оставалось и Конан подумал, неплохо было бы зайти в харчевню и перекусить.

Заведение, как выяснилось, располагалось у самого въезда в Бхатинду со стороны заката. Отряд должен был проезжать мимо него вчера, когда прибыл в город. Вскоре выяснилось, почему тогда киммериец не обратил на него никакого внимания: вывески у входа не было.

Народу внутри было всего ничего: хозяин и два посетителя.

Вот только одним из них неожиданно оказался Бернеш!

Десятник заметил Конана и махнул ему рукой.

— Сотник, садись за мой стол!

Киммериец направился к нему и подойдя поближе, удивленно поднял брови. Перед Бернешом красовалось два пустых кувшина из-под вина. Из третьего десятник пил в настоящий момент. Никакой еды не было.

— Кром, что это с тобой? — спросил варвар, присаживаясь на лавку. — Почему в такую рань вместо того, чтобы подкрепиться, как и положено доброму воину, ты вливаешь в себя эту отраву?

Бернеш не был замечен в склонности к пьянству. И вообще казался Конану одним из самых полезных людей в сотне. Пожалуй единственное, что не устраивало северянина — так это то, что бастард чересчур многое позволял своим людям: давал побольше высаться, разрешал меняться сменами при дежурстве и частенько закрывал глаза на разные вольности. Проблем из-за этого пока не возникало, но излишние проявления свободы могли дурно сказаться на дисциплине во всей сотне.

Киммериец пару раз жестко отчитывал Бернеша за то, что тот не поддерживает установленного порядка. Десятник с Конаном не соглашался, но уступил и ужесточил дисциплину.

Немного.

Дожимать до конца Конану не хотелось. Туранец, несмотря на молодость, уже имел за плечами немалый опыт схваток с горцами и пиратами, и при этом отличался острым умом.

— У меня поминки, сотник, — проговорил Бернеш и протянул киммерийцу кувшин.

— А как же заветы Тарима? — сдвинул брови Конан. — Разве ваш пророк одобряет пьянство? И разве пристало воину турецкой армии скорбеть о том, что дух его товарища отправился на Серые Равнины? Разве Эрлик не карает тех, кто предается слабостям?

— Тарим не осудит того, кто искренне скорбит о потере, — возразил десятник. — Да и какое дело небожителям до нашей земной суеты? Лучше выпей со мной вина, варвар! Ты был чуть ли не единственным, кто нормально относился к Газилу. Выпей, но не забудь плеснуть немного вина на землю, чтобы помянуть его дух. Газил был достойным человеком.

Подумав немного, Конан все-таки взял кувшин и пролив немного на земляной пол, как того требуют обычаи, сделал большой глоток. Вино оказалось вполне приличным. Он не помнил, чтобы между Бернешом и Газилом была особая дружба: погибший десятник со всеми держал себя ровно.

— Ты хорошо его знал? — спросил киммериец.

— Нет, — сказал Бернеш. — Газила никто хорошо не знал.

Конан ждал, что туранец продолжит фразу, но тот молчал. Потом он взял назад у киммерийца кувшин и жадно забулькал.

— Я не понимаю... — начал киммериец.

Сказанное относилось ко всей ситуации, а не к предыдущим словам десятника.

— Я тоже, — отозвался Бернеш. — Сотник, я ведь почти не сомневался, что Газил скоро умрет. И мне ужасно скверно от того, что я оказался прав.

Конан не знал, как воспринимать признание туранца: был ли этой пьяный бред, или же Бернеш, и в самом деле, о чем-то догадывался.

— Ты спрашиваешь, знал ли я его, — на этот раз пауза между фразами десятника не затянулась. — Мы с ним сталкивались несколько раз во время предыдущих кампаний. Так вот — это был другой человек. Тот Газил, которого ты знал, делал все, чтобы никто не заметил отличий, но все равно ощущалось, что что-то с ним не так.

— Кром, объясни толкам, что ты имеешь в виду, — разозлился Конан. — Ты уже изрядно залил себе в глотку и речь твоя становится сбивчивой.

— Ничего, киммериец, — упрямо мотнул головой Бернеш. — Кислому вендийскому пойлу

не под силу совладать с крепким воином. Так вот, слушай: Газил относился к самому себе очень требовательно. Он никогда не отступал от приказов, не нарушал дисциплины и еще соблюдал уйму правил, которые установил сам для себя. Он был помешан на военной службе. И не понимал, как другие могут жить иначе. Потому и со своими солдатами он обходился порой жестоко. Он не испытывал удовольствия, наказывая их. Нет, просто ему хотелось добиться от них такого же ревностного отношения к службе, что было у него самого.

— Ты не сказал ничего нового, — поморщился северянин. — Когда я брал Газила в сотню, то не сомневался в том, что разговоры о его помешательстве — просто досужие сплетни. И время показало, что я не ошибся.

— Ты ошибаешься, варвар, — замотал головой Бернеш. — Именно в этом-то походе с Газилом и стряслось что-то непонятное. Да, он вел себя как обычно, но меня не оставляло ощущение, что это просто игра. А на самом деле ему уже на все наплевать. Он вел себя, как смертельный больной, который до конца не хотел, чтобы кто-то узнал о его недуге.

— С чего ты это взял?

Киммериец был удивлен: сам он ничего похожего в поведении десятника не замечал.

— Мелочи, — хмыкнул Бернеш. — Разные

мелочи, которым не укрыться от внимательного взгляда. И все эти мелочи наводили на подобную мысль. Например, Газил совсем не любил рисковать. Он считал себя хорошим воином и неплохим стратегом, тем, кто скорее принесет пользу отряду, отдавая приказы из укрытия, чем подставляя грудь под удары мечей в передовом отряде. Со своими командирами Газил никогда не спорил, однако почти всегда получалось так, что на опасных участках его люди воевали очень редко. А во время нашего похода десяток Газила ничем не выделялся среди остальных.

— Все это пустые слова, — нахмурился Конан, — если раньше Газил предпочитал держаться в тени, а потом вдруг изменил своим привычкам, то это ни о чем не говорит. Люди не птицы-вахья, которые вьют гнезда только на деревьях с узорчатыми листьями. Может солнце Вендии разгорячило его кровь...

— Может быть, — пожал плечами Бернеш и вновь выпил вина. — Я только говорю то, что думаю. У меня было ощущение, что с Газилом может случиться что-то нехорошее, и вот оно исполнилось. Потому мне то сейчас и не по себе.

— Послушай мой совет, — киммериец со значением произнес слово «совет», давая понять, что до приказа остается один лишь шаг. — Пре-

крацай пить. Вина, чтобы помянуть товарища, ты влил в себя уже достаточно. Излишки не пойдут тебе на пользу.

— Ты прав, сотник, — неожиданно легко согласился Бернеш. — Сейчас, прикончу этот кувшин и остановлюсь. А к вечеру я буду в полном порядке.

— Да будет так! Но за твоими людьми я, на всякий случай, пока присмотрю. Нехорошо, когда у воинов командир с хмельной головой!

Киммериец хлопнул по плечу Бернеша и вышел из харчевни, так и не перекусив.

Его удивляла реакция десятника на смерть Газила. Стрелу от разбойников мог получить любой. Просто не повезло именно Газилу. А то, что он изменился: даже если это были не домыслы, то и в этом ничего странного не было — людям свойственно меняться со временем.

Гибель Газила была нелепой, но не странной, а вот поведение Бернеша вызывало опасения.

* * *

Второй день расследования. Центр Айодхьи.

На то, чтобы избавиться от тела Сатти, у Конана ушло почти четыре колокола. Когда киммериец покидал квартал Тринадцати Стен, солнце уже выходило из зенита. Палило беспощадно.

Но на жару киммериец внимания почти не обращал. Его мысли занимало другое.

В первую очередь киммерийца беспокоила возможная слежка. Направляясь от Телиды в район, занятый неприкасаемыми, северянин во все глаза высматривал, не пристроился ли за ним соглядатай.

В самом квартале Тринадцати Стен тоже пришлось изрядно повозиться. Варвар развязывал мешки и кидал куски бродячим псам лишь тогда, когда был уверен, что рядом нет любопытных глаз. Но множество изрубленных костей, если бы их обнаружили в одном месте, могло бы навести стражу на определенные размышления, поэтому Конану приходилось все время отыскивать новые укромные места.

Когда последние кости тысяцкого были обглоданы четвероногими обитателями Айодхьи, настроение у Конана успело испортиться окончательно: мало кому понравится провести утро за таким малоприятным занятием. Кроме того, он не был уверен, что поступил верно — решив помочь Телиде. Любой разумный человек на месте северянина немедленно доложил бы властям о гибели Сатти. Правда тогда бы он потерял последнюю возможность разобраться в происходящем, а этого допустить было нельзя.

Кроме того, у северянина была еще одна причина недовольства: вновь проявила себя

тень. Незадолго до того, как Конан закончил выполнять свою неприятную миссию, она показалась киммерийцу на стене одного из домов. И открыто продемонстрировала себя варвару.

Убедившись, что она не осталась незамеченной, тень снова укрылась в переплетении других теней. После этого она еще несколько раз показывалась на глаза киммерийцу, причем выбирала для этого такие места, где, кроме Конана, ее различить было некому.

Утешало лишь то, что приблизиться к северянину ближе, чем на двадцать шагов, тень все еще опасалась. От роли соглядатая это существо, как выяснилось, не отказалось, но вот убийцы из него, к счастью, пока получиться не могло.

Тем временем перед Конаном встал вопрос, который предстояло разрешить немедленно. С останками было покончено, мешки, в которых они хранились, он также разорвал в клочья и закопал. То есть последняя воля Сатти была исполнена, и теперь у Телиды не оставалось никакого иного выхода, кроме как выложить начистоту все, что ей известно. В противном случае, серьезных неприятностей со стороны киммерийца ей было не избежать. И вот в такой ситуации Конана одолевало огромное искушение не откладывая отправиться к вдове и потребовать от нее ответов на вопросы обо всех случивших-

ся в Айодхье убийствах, начиная с гибели ее мужа и заканчивая смертью Сатти. Но если за киммерийцем все-таки следили, подобная поспешность могла сослужить плохую службу: наблюдатели лишь утвердились бы в мысли, что Конан и Телида затеяли какую-то игру.

— Кишки Нергала! — выругался северянин. — Один-то соглядатай у меня точно есть.

Тень упорно не желала оставлять киммерийца в покое и, вообще, постоянно напоминала о своем существовании. И Конан решил, что лишь избавившись от тени раз и навсегда, он сможет оказаться со своими противниками в равных условиях.

По его мнению победить тень можно было двумя способами: с помощью сильно ядовитого отвара или магии. Травы свою действенность уже показали. Отвар Аямала не позволял тени приблизиться к киммерийцу. Можно было бы попытаться упросить алхимика изготовить смесь, способную прикончить тень. Но киммериец сомневался в разумности такого решения: без Сатти у него не было реальной возможности подействовать на Аямала. А других знакомых мастеров у киммерийца не было.

С магией обстояло еще хуже. С одной стороны, Сатти предупреждал Конана, что магическое разрушение тени может обернуться смертью всех присутствующих при обряде. С дру-

гой, даже если бы северянин решился рискнуть — обратиться за помощью опять же было не к кому.

Хотя был один вариант...

Но Конан решил пока с ним не торопиться. Тень наблюдала за ним, но можно было и ему самому проделать то же. Тем более что она решила не таиться. В первую очередь киммерийца интересовало, будет ли тень отлучаться или продолжит его сопровождать все время. Конану казалось, что Сатти ошибался, предполагая, что тень может общаться на расстоянии с человеком, ее пославшим. Еще тогда во время разговора в квартале Тринадцати Стен киммериец подумал, что мысль эта сомнительная, а за последнее время еще больше утвердился в своей правоте.

Тень слишком напоминала своим поведением обыкновенное живое существо. Она представлялась киммерийцу чем-то вроде хищника, но наделенного сверхъестественными возможностями. Поэтому варвар рассудил, что самое разумное будет вернуться в отряд. Визит к Телиде он решил отложить до вечера.

Сейчас предстояло разобраться с тем, что происходит в сотне. А в том, что что-то происходило, он не сомневался.

Сатти навел киммерийца на мысль, что среди его солдат есть те, кто знает намного больше,

чем говорит. Возможно, кто-то из них был причастен непосредственно к раздвоению личности Хамара. Кроме того, не стоило забывать, что Шеймасай рассказал об Амьене. О его связях с фансиарами.

Конан пожалел что долго не обращал внимания на ситуацию с Амьеном. Мало того, что новоиспеченный десятник встречался со слугами Кали, он встречался с ними в квартале Тринадцати Стен! В месте, которым, по словам Телиды, некоторое время назад интересовался Сатти, а его всерьез занимали лишь самые сложные головоломки. Одно это должно было подтолкнуть киммерийца к действиям. Даже если это было простое совпадение.

Теперь же Амьен исчез в неизвестном направлении. А вместе с ним и ниточка к фансиарам, в непричастность которых к ситуации с Хамаром, Конан не верил.

Пусть от проблем шла кругом голова, но можно же было выделить хотя бы четверть колокола на беседу с Амьеном! Тогда, может, и не пришлось бы сейчас думать над тем, с какой стороны лучше подступиться к поиску заговорщиков в сотне.

Хотя беда была не только с пропавшим Амьеном. В последние дни киммериец совершенно запустил дела в отряде. Он не отдавал новых приказов, не собирал десятников. Дела были пу-

щены на самотек. И в этом тоже не было ничего хорошего.

Сейчас было бы неплохо поговорить с кем-нибудь из десятников или простых солдат и узнать, что за настроения царят в отряде, о чем судачат бойцы. Одна беда: варвар никому не доверял, чтобы прислушаться к сказанному.

Поэтому Конан решил собрать всех десятников и послушать их речи. Вариант не самый действенный, поскольку на особую откровенность киммериец не рассчитывал, но надо же было с чего-то начинать.

У ворот казарм, как и положено, стояло двое воинов. Сегодня за безопасность отвечали люди из десятка Джана.

Кивнув солдатам, киммериец прошел внутрь. Он уже хотел попросить одного из воинов собрать десятников, как к нему подбежал, Хасан. Следом за ним и Масул.

— Сотник, нам нужно поговорить, — сказал Хасан.

Конан поморщился, похоже его планы уже дали трещину.

— Хорошо, — кивнул варвар. — Пошли в трапезную. Нас там не побеспокоят.

Киммериец первым двинулся в направлении лестницы. Двое туранцев молча проследовали за ним. Встреченных слуг, которых для удобства солдат отрядил в казармы раджа Нараин, он по-

просил покарауливать снаружи и никого не впускать. Впрочем, и без того вряд ли сюда кто-то бы поднялся.

— Устраивайтесь, — киммериец сам уселся в кресло во главе стола, указывая десятникам на скамью по правую руку от него. — О чём вы хотели говорить?

Одновременно Конан незаметно пробежал глазами по стенам. Но нет, тени в комнате не было. Помещение было не настолько большим, чтобы она могла находиться в нем, не подпадая под действие декокта.

— Знаешь, Конан, да дарует тебе Эрлик здоровье и удачу в делах, мне кажется, что вокруг что-то затевается, — начал Хасан.

После этих слов он взял небольшую паузу, ожидая реплики киммерийца, но тот молчал, и турланец продолжил.

— Солдаты жалуются, что стражи на них как нехорошо смотрят. Кому-то даже кажется, что не только стражники, но и все вендейцы держатся с ними иначе, нежели раньше. Что-то витает в воздухе. Неспроста все это. Ведь эти вендейцы коварны, как стая гиен. Никогда не знаешь, что они сделают в следующий миг: улыбнуться тебе или всадят нож в спину...

Конана нахмурился. Хасан был опытным воином, и к его предчувствиям стоило прислушаться.

— А ты что думаешь, Масул? — обратился Конан к султанапурцу.

Тот не спешил с ответом.

— Мнится мне поменялось не отношение стражи, — наконец сказал он. — Скорее, они получили какой-то непонятный приказ. Вроде, того, чтобы получше приглядывать за нами. Словно мы замышляем что-то дурное.

— Звучит обнадеживающе, — съязвил киммериец.

— И еще кое-что, — сказал Масул. — Мне очень не нравится, что подобное внимание к нам возникло не в тот момент, когда вендейцы узнали, что их браминов резал Хамар, а уже после его казни. Я не вижу повода, чтобы интересоваться нами. А вендейцы видят, и значит это то, что, скорее всего, он есть.

— Знать бы только какой, — протянул Хасан.

Конан же в отличие от своих командиров, отлично представлял, какая причина была у этой заинтересованности. Еще вчера Сатти предположил, что власти могут очень скоро прознать про встречу Амьена с фансиарами. И похоже, что его опасения подтвердились. Оставалось лишь дождаться того момента, когда власти Вендии дадут ход делу.

— Желаете угадать, что у вендейцев в голове? — усмехнулся Конан. — Пустое занятие. Да-

же если у властей есть повод подозревать нас в чем-то, то вот причин для обвинений у них нет точно. Слава Крому, в столице за последнее время ничего не стряслось.

— Вероятно они думают не о том, что случилось, — сделал вывод Хасан, — а о том, что может случиться.

— А вот это предотвратить уже в наших силах, — заверил его Конан. — Вы говорите, что стражи нас в чем-то подозревают. Хорошо. Но я уверен в том, что каждому из десятников под силу проследить, чтобы никто из его людей не наделал глупостей.

Самым скверным вариантом киммерийцу виделся тот, при котором Амьен попал в руки стражей. Им не составило бы никакого труда выведать все про его отношения с фансиарами. Это известие нанесло бы серьезнейший удар по репутации Турана. Единственное, что можно было сделать — проследить за тем, чтобы больше ни один солдат Илдиза не был впутан в вендиjsкие интриги.

— Весь оряд в казарме? — спросил Конан.

В его отсутствие Хасан оставался старшим и должен был знать все о перемещениях солдат по городу.

— Да, я собрал всех здесь, — ответил тот. — После того, как пошли разговоры о странном поведении вендиjsцев... После того, как я сам

удостоверился, что это не выдумки! Поэтому я приказал никому не покидать пределов нашего дома.

— То есть здесь *все*? — на всякий случай, уточнил киммериец, пытаясь не выдать своего удивления.

— Да, все солдаты, прибывшие в Айодхью. Кроме умершего Хамара. И еще двое из десятка Джана дежурят у ворот.

— Этих я видел, — ответил Конан. — Хорошо, что все здесь. Ты правильно все сделал, Хасан. И хорошо, что вы с Масулом, сразу подошли ко мне с этим разговором. А сейчас оставьте меня — мне нужно подумать. Потом я спущусь вниз, мы соберем оставшихся десятников, и еще поразмыслим как лучше поступить.

Оба десятника поднялись с лавки и слегка склонили головы в знак почтения.

— Идите, — еще раз повторил варвар и взмахнул рукой.

Подумать северянину и впрямь было над чем. Меньше всего он ожидал, что после слухов о связях с фансиарами и суточного отсутствия, Амьен решит вернуться в казармы.

Конан, по правде говоря, почитал его уже мертвецом. Если пожилой туранец сам по себе не был значимый фигурой, хоть и такого варианта исключать было нельзя, он мог представлять опасность для фансиаров. Оставалось

лишь удивляться тому, что они еще не расправились с ним.

Хотя о фансигарах говорили, что они истинные мастера интриг. Могли ли они специально сделать так, чтобы Амьен целый и невредимый вернулся в отряд и чтобы до поры до времени до него никто не добрался? Могли, вполне могли. Оберегали его до того момента, пока властям не стало известно, что турланец встречался с почитателями Кали. Тогда становилось совершенно очевидным, почему стражи столь подозрительно смотрели на солдат царя Илдиза. Фансигар в стане «заклятого друга» с заката — идеальная основа для будущего конфликта.

Но тогда Амьен не должен был знать ничего о фансигарах, не иметь к ним совершенно никакого отношения, иначе он, все равно, представлял бы для убийц опасность.

Разрешить сомнения можно было лишь одним способом, и киммериец решил не откладывать с этим.

Он вышел из трапезной, сбежал по лестнице на первый этаж, по пути чуть не сбив слугу.

Комната Амьена располагалась неподалеку от покоя самого киммерийца. Каждый десятник имел в своем распоряжении отдельное помещение.

Чуть успокоившись и перейдя на шаг, Конан добрался до нужной комнаты.

Дверь оказалась не заперта.

Внутри обнаружился Амьен. Он лежал на спине поперек кровати.

Сначала киммерийцу показалось, что тот мертв. Но уже спустя несколько мгновений Конан понял, что ошибся. Грудь десятника то поднималась, то опускалась. Он просто спал.

Притворив за собой дверь, северянин подошел к кровати.

— Вставай!

Теребить Амьена не пришлось. Десятник проснулся.

Потянувшись, он подвернул под себя ноги и уселся на кровать. Взгляд, которым он одарил Конана, показался киммерийцу каким-то замутненным.

— Где я? — спросил турланец.

Конан только собрался отвесить ему хорошую затрещину, чтобы освежить память, как Амьен задал свой второй вопрос.

— Кто я?

— Как же все просто! — поздравил себя с запоздавшей догадкой киммериец. — Вот почему они его не убили. Вместо того, чтобы самим что-то с ним сделать, они переложили эту задачку на нас.

— О чём ты? Кто ты такой?

Тут Амьен увидел лежащий на столике рядом с кроватью кинжал и потянулся к нему.

Конан напряг мышцы, но тот уже неуклюже схватился ладонью за лезвие. Порезался. Отбросил оружие в сторону и огласил комнату пронзительным визгом.

Но и без этой демонстрации посетившего Амьена недуга безумия Конану было понятно, что турец не притворялся. Конечно, для порядка, маги Шеймасаи проверят сознание десятника, но ответ был ясен и так.

На руках у киммерийца был полоумный воин, которого обвиняли в связях с фансиарами. Ко всем проблемам Конана добавлялась еще одна.

* * *

За день до похода в Вендию. Аграпур, таверна «Золотой бык».

— Тебя можно поздравить с удачным назначением! Вернувшись из похода, не сомневайся, получишь повышение. «Тысяцкий Конан», правда, звучит красиво?

Сидевший перед северянином человек был нёмолод. Его густые черные волосы уже начинали седеть. Аоб покрывало множество морщин.

— Звучит неплохо, — согласился Конан. — Только надо еще вернуться. И желательно победителем.

— Интересно, очень интересно, — произнес ветеран. — Какая может быть победа, когда на тебя возложена мирная миссия? А раз прозвучало слово «победа», то, наверное, ты и возможность «поражения» учитывашь. Что-то я совсем ничего не понимаю.

— Не разыгравай представление, Зем, — попросил собеседника Конан. — Ты отлично знаешь, почему я тебя сюда пригласил. У меня есть ощущение, что в скором времени мне будет не прдохнуть от неприятностей.

Ветеран по-доброму рассмеялся и положил себе в рот небольшой кусочек рыбы с пряностями с тарелки, что лежала перед ним. После чего запил рыбью двумя глотками дорогого зингарского белого вина.

— Ты не только невероятно везуч, — сказал человек, которого киммериец назвал Зем, — но еще и умен.

— Умен? — теперь была уже очередь киммерийца смеяться. — Был бы я умен, то отказался бы от предложения Илдиза и мчался бы, не жалея лошадей, куда-нибудь в Коф или в Стигию. Хотя нет: сначала согласился бы, а потом, все равно, умчался.

— И кому ты признаешься в столь крамольных мыслях? — ответил Зем. — Одному из высших офицеров тайной службы Турана. И тебе не страшно?

— Я тебя знаю, — пожал плечами Конан. — И что куда более важно: ты знаешь меня.

— Авантуррист — вот ты кто, — без всякого сожаления заявил ветеран. — Однажды настанет день, и ты покинешь нашу страну. Не скажав никому ни слова, и, возможно, прихватив с собой на память что-нибудь из дворцовой сокровищницы. Но не потому что ты испугаешься какого-нибудь трудного задания, а просто потому что тебе станет скучно.

— Я же говорю. Ты меня знаешь.

Конан понимал, что все сказанное Земом чистая правда. Однажды ему наскучит служить Турану, командовать солдатами, захочется посмотреть на новые земли, вскользнуть застывшуюся жизнь.

Пока до этого момента было еще далеко, но в том, что он настанет, Конан не сомневался. И тогда он купит резвого жеребца или, может быть, снарядит небольшой корабль, разживется в Аграпуре деньгами и отправится в путь. И если один знакомый офицер из тайной службы Турана, вздумает помешать ему осуществить этот замысел, то придется просто свернуть ему шею.

— Взглянуть бы хоть одним глазом, на того, кто рекомендовал тебя Илдизу, — сказал турец. — Он все правильно рассчитал, выбрал единственно верную кандидатуру.

— Уж не ты ли это был? — поинтересовался Конан.

— Нет, не я, — ответил Зем.

Киммериец ему поверил.

— Но я думаю, что это один из моих ближайших знакомых.

— Не сомневался, что все это дело рук вашей службы.

— Зря. Служба не имеет отношения к твоему назначению в сотню. Может, кого-то и вызывали в надежде получить пару советов, но достоверных сведений об этом у меня нет.

— Зем! Мы же говорим не только о моем назначении. Кто-то спланировал весьма масштабное мероприятие, в котором я лишь одна из фигур на доске.

Конан блефовал.

Он не видел других людей, которых Илдиз мог задействовать в Вендини. Исключение составляли только новый посланник Шеймасаи и его окружение. Но он, как и сам Конан, был примечательной фигурой.

Правда, оставался шанс, что хитрецы из тайной службы действительно разработали какой-то тонкий механизм, который, несмотря на малое число составных частей — Конан, Шеймасаи и, возможно, еще двое-трое людей, сработает в Вендини. И в этом случае, если Зем действительно не имел никакого отношения к составлению

плана, он из профессиональной гордости мог начать с Конаном его обсуждение.

— Ты так думаешь? — удивленно произнес туранец. Деланным было его удивление или нет, киммериец не разобрался. — Тогда это что-то невероятно сложное. В сотне, да будет тебе известно, нет ни одного агента нашей службы. Ты — смышленый, невероятно везучий парень, но тоже не конфидент. Единственная интересная личность — это новый посланник. О нем мало что известно. До этого момента он вел скромную жизнь, в политических дрязгах не участвовал. Весьма странное, скажу тебе, назначение.

— Мне он не понравился.

— Такого же мнения о нем большинство. Как бы там ни было, присмотрись к нему получше, лишним не будет. Выпьем?

Двое воинов, старый и молодой, наполнили кубки и опрокинули их. Зем попутно прихватил со стола еще один кусочек рыбы.

Конан остался доволен тем, что его товарищ из тайной службы сумел развеять самые черные его опасения. Если Илдиз сказал ему правду о том, что в Вендии ему предстоит постараться в одиночку разобраться с тем, не плетет ли кто интриг против Турана, это одно. В таком случае у киммерийца впереди было несколько месяцев нескучной жизни, посвященных поискам убийц

посла Туранской Империи. Но если Илдиз со своими советниками решил разыграть в Вендии крупную партию, то Конан вполне мог оказаться сднй из фигур, обреченных быть принесенными в жертву. К счастью, никаких разумных аргументов в пользу последнего варианта у северянина не было. Вот и у Зема их тоже не нашлось.

— Не расскажешь, о чем тебя просил Илдиз?

Конан серьезно задумался перед тем, как ответить. Зему он доверял, к тому же туранец мог бы помочь дельным советом. Однако северянину не хотелось без особой причины нарушать слово, данное им Илдизу.

— Нет, не расскажу.

— Ничего, — отмахнулся Зем. — Все равно, наверняка ничего конкретного.

— В этом ты прав, — не стал отрицать очевидного киммериец. — Расскажи, что еще ты думаешь о моем назначении.

— Это очень необычный ход, — сказал ветеран. — Мне с таким сталкиваться еще не доводилось. Чтобы Туран с его закостеневшими обычаями выдвинул на роль второго человека в посольстве иноземца. Притом выходца из далекой варварской страны, к тому же пугающе молодого.

— Мне дали задание, — подытожил киммериец. — И одновременно выставили напоказ:

вот тот человек, который нужен Турану в Вендинии! Про странность такого хода ты мне можешь не рассказывать. И так все очевидно. Лучше скажи, зачем он Илдизу мог понадобиться.

— Можно считать это демонстрацией добрых намерений, — не замедлил предложить вариант Зем. — Туран показывает, что именно ты займешься поисками всего, что желают скрыть от империи. Наши союзники в Вендинии будут знать, кому предложить свою помощь. Власти же всегда смогут держать тебя в поле зрения.

— Глупо, — заметил Конан. — Хотя и не лишено определенной красоты.

— Только это, по-моему, не весь замысел нашего правителя, — продолжал Зем. — Не сочи за комплимент, но твоего умения идти к поставленной цели наши противники не оценят до того момента, как ты разобьешь их в пух и прах, оказавшись в Айодхье. Мы говорим вендинцам, что отправляем к ним умного и опасного человека, замены которому не нашлось среди туранцев. Предупреждаем их, что этого человека стоит бояться, что лучше ему помочь. Но мы утаиваем от них, что ты не просто опасен — тебя, если ты нападешь на след, будет не остановить.

— Что-то подобное мне говорил и Илдиз.

— И это чистая правда. Но стоит помнить

еще об одной вещи: это — Вендиния, и самый лучший замысел там может не сработать.

— Меня, кстати, не пожелали снабдить сетью ваших людей в Айодхье. Я практически ничего не знаю о Вендинии, не знаю языка, а в столице у меня не будет никого, к кому я смог бы обратиться за помощью.

— Какой смысл выводить тебя на конфидентов? У них у каждого свои задания. За большинством из них постоянно следят. С теми, за кем еще не следят, тебе, тем более, не стоит встречаться. К тому же, их слова только запутают тебя. Почти у каждого из наших людей в Вендинии есть свои покровители. Конфиденты действуют одновременно и в их пользу, и в пользу Турана. Одновременно со всеми новостями о вендинской столице ты получишь еще и целое море лжи.

— А так я буду получать эту ложь из уст самих вендинцев! Если они, конечно, будут со мной говорить. Какой во всем этом смысл?! Я не знаю, как мне действовать, когда я окажусь в Айодхье.

— Меня самого это ставит в тупик, — признался после небольшой паузы Зем. — Возможно, Илдиз надеется на твою удачу, интуицию. Но то, что тебя отлучили от связей с конфидентами, вещь очень показательная. Похоже, правитель не доверяет им даже больше, чем мы. Их собственное руководство.

— Ты мне, кстати, так и не сказал, какую именно должность занимаешь, — попенял приятеля Конан.

— И не скажу, — не стушевался тот. — Одним словом, Конан, о конфидентах в Вендии можешь забыть. Я тебе не выдам ни одного человека.

— Я уже и передумал у тебя спрашивать, — признался северянин. — Хотя ты меня не убедил, что от общения с нашими людьми не было бы никакой пользы.

— Зато убедил, что не переступлю через решение Илдиза, — отрезал Зем. — Он четко обрисовал в своем указе твое будущее положение в Айодхье. Пойми, решение это не было спонтанным. Если император решил лишить тебя определенных источников знаний, значит, так оно и нужно.

— Турану, наверное. А мне?

— Ты же согласился с назначением.

Это был железный аргумент. Конан шел на риск совершенно осознанно. И теперь уже поздно было жаловаться, что с ним поступили не до конца честно.

— Правда, кое в чем я тебе все-таки помогу, — смилиостивился Зем. — В конце концов, ты же мой друг. Без вендийского языка ты в Айодхье пропадешь. Чтобы не терять времени, начнешь изучать его в походе. Я неплохо знаю од-

ного человека из свиты Шеймасай. Думаю, смогу договориться с ним, чтобы он давал тебе уроки языка.

— Ваш человек? — Конан сделал акцент на первое слово.

— Нет, не из тайной службы, — ответил туранец. — Мой старый знакомый. Посланник. Так что, к тебе будут две просьбы. Во-первых, не впутывай его в то, чем будешь заниматься в Айодхье: никаких просьб, никаких поручений. Во-вторых, постарайся не привлекать внимание Шеймасай к тому, что он тебе помогает. Я не знаю, как посланник к этому отнесется, и не хочу портить знакомцу карьеру.

— Договорились, — легко согласился киммериец. — Как зовут твоего друга?

— Сначала я все-таки сам поговорю с ним, — не стал спешить Зем. — Мало ли, вдруг он откажется. Если все будет хорошо, я завтра пришлю тебе весточку.

— Надеюсь, с одной проблемой разобрались.

— Думаю, что так. Но, это единственное, в чем я тебе могу помочь. Разве что еще оплачу еду, хоть зазвал сюда меня именно ты. Мое жалованье все-таки слегка превосходит твое.

Туранец допил свое вино и полез рукой в кошелек.

— Подожди! Зем, ты что собрался уходить?

— Дела...

— Ну, уж нет! — сказал киммериец, усаживая приятеля назад на скамью, с которой тот уже было поднялся. — Я тебя так просто не отпущу. Нам еще есть, что обсудить.

Ветеран пробежал глазами по зале таверны, словно ища поддержки у ее посетителей. Но никого, готового прийти ему на помощь, он не обнаружил, и был вынужден сдаться.

— Ладно, — сказал он. — Но тогда за выпивку платишь ты.

— Разумеется! — согласился варвар и подозвал служанку. — Вина! И мяса!

— И что тебе еще от меня надо, киммериец?

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о Вендии. Я только и слышу: Вендия — странная, Вендия — необычная, в Вендии все не так, как у нас. Но при этом ничего путного мне услышать не удалось...

— Клянусь вечно живущим Таримом, я мало что знаю об этой стране. Так что гляди, Конан, как-бы твои деньги за угощение не пропали зря.

— Но кое-что ты знаешь? — не сдавался Конан.

— Кое-что знаю, — кивнул Зем. — Вендия странная, Вендия необычная, в Вендии все не так, как...

— Шутишь?

— Шучу.

— Кром, ну почему у вас все время упражняются в острозвонии? В Киммерии за целую

зиму не услышишь столько шуток, как в Туране за день.

— Ладно, твоя взяла — расскажу, что знаю, — с этими словами улыбка с лица туранца исчезла. — Но это больше относится к тому, что сейчас там творится.

Конан надеялся побольше узнать о самой стране, а не о том, что там сейчас творится. Но раз Зем сам затронул эту тему, то выбирать не приходилось.

— Хотя бы это, — сказал киммериец.

— Как ты, наверное, знаешь — Вендия в давние времена была заселена беженцами от кхарийского нашествия. На протяжении многих столетий они возводили города и поселки и практически не имели сношений с отсталой Хайборией. Именно поэтому Вендия и имеет такую особенную, ни на что не похожую культуру. Однако примерно пятнадцать сотен зим тому назад в Вендию хлынули гирканские племена кшатриев, которые и поработили тамошнее население. Это и привело к тому, что некогда разрозненные города-государства стали объединяться в единую державу.

— Пока ты не сказал ничего нового, — не удержался Конан, — все это и так известно...

— Но я должен как-то протянуть время, чтобы успели принести вино и мясо, — хохотнул Зем, — но для того, чтобы понимать, что имен-

но происходит в этой стране неплохо вспомнить историю. Ты знаешь, что мехараджуб Вендии и царь Илдиз всегда точили зубы на богатство друг друга. Туран был не прочь захватить западные провинции. Гимелийские рудники и Айодхья — лакомый кусок для Илдиза. А Вендии давно не дает спать по ночам Секундерам, хотя он и является самостоятельной сатрапией. Видишь ли, вендийцы давно хотели бы контролировать торговый путь в Кхитай.

— И в Вендии есть силы, которые заинтересованы в союзе в Тураном, но немало и таких, которые хотят войны с Илдизом.

— Ты неглуп, варвар. Ого, похоже вот и подоспело наше вино и мясо. — Зем пододвинул поближе к себе блюдо, которое принесла служанка и обмакнул кусок мяса в бобовую подливку, — сейчас, в Вендии идет обычное для них скрытое перестроение сил. Преимущества пока ни у кого нет.

— А что за силы?

— Так сразу и не ответишь... Вендийское общество поделено на касты: жрецы-брамины, воины-кшатрии, торговцы-вайшьи и бедняки-шудры. Интересы касты для вендийца — святое. Кроме этого у вендийцев огромное число богов: живых и мертвых, местных и пришедших из иных стран. Остается только удивляться, как они сами не путаются в них. Ну и, наконец, —

род и его традиции. Это очень важно для кшатриев. Если добавить сюда золото, власть и любовь к прекрасным женщинам, мы получим полный список того, что заботит вендийца.

— Ты опять ничего не сказал мне, Зем, хотя, как я вижу мое мясо и вино пришлось тебе по вкусу. Назови мне место в Хайбории, где бы люди не любили деньги, власть и объятия женщин. Но вряд ли каждый вендиец думает только об этом... Ведь немало и таких, которым нужно позаботится, чем набить брюхо на следующее утро и как прокормить семью.

— Тут ты прав, клянусь Эрликом! Бедняков, которых в Вендии большинство, в первую очередь волнует их *дхарма* — так они называют свой жизненный путь. Ну и, конечно, еда и кров над головой. Но я не думаю, что тебе интересно послушать рассказы о них. Пойми, что когда мы пытаемся проникнуть в разум вендийца, то все равно упрощаем ситуацию, перекраивая ее на привычный для нас лад. Так, вендийцы не просто стремятся взвеличить свой род. Они одновременно заботятся об интересах касты, количестве верующих в божество, которому они поклоняются, следуют дхарме и умудряются при этом делать вид, что живут обычной жизнью.

— Непросто. Но судя по тому, что ты только что сказал — там не может быть устойчивых союзов?

— Ошибаешься. Есть и неизменные силы. Например, сторонники нынешнего меҳараджу-ба, касты высших браминов, поклонники Кали. Но чаще всего, ты прав, речь идет именно о временных союзах. Хочешь еще одну любопытную деталь?

— Ну, разумеется.

— Вендийцы почти никогда открыто не лгут — им не позволяет их вера. Но так как они все-таки живые люди и упомянуть все не в состоянии, они предпочитают полуправду.

— А ты говоришь, что ничего не знаешь о Вендии! По крайней мере из сказанного следует то, что в Айодхье лучше никому не доверять.

— Никому не доверять лучше не только в Айодхье, — усмехнулся турانец, — а знаю я об этой стране не так то уж и много. О чем тебя честно предупреждал. Сам я в Вендии не был, и все это знаю только понаслышке. А вот люди, бывавшие там говорят, что лишь изнутри можно понять, что такое Вендия. Почувствовать ее дух.

— Что ж, мое назначение кажется мне все более и более странным.

— Не согласен. Я уже говорил, что тот, кто рекомендовал тебя Илдизу, сделал очень разумный выбор.

* * *

Второй день расследования. Центр Айодхьи.

Какое-то время Конан потратил на то, чтобы успокоить Амьена. Потерявший всякое представление об окружающем мире, туранец то и дело срывался на крик. Его пугало все вокруг, особенно огромный черноволосый северянин, который пытался затеять с ним беседу. Киммерийцу стоило немалых трудов пробиться через эту стену страха и недоверия.

Но, в конце концов, Амьен согласился тихо посидеть в комнате и ничего не трогать, пока Конан не найдет кого-нибудь, кто мог бы ему помочь.

Варвар даже не надеялся, что разум вернется к туранцу. Тех, кто над ним поработал, такой исход вряд ли бы устроил. Так что, следовало поскорее придумать, как разрешить проблему с Амьеном с наименьшими потерями для сотни.

Было два варианта: либо во всеуслышанье объявить, что десятник наказан богами и потерял разум, либо же, напротив, утаить это от большинства.

Конан хорошо видел недостатки обоих вариантов. В случае огласки, немедленно пошли бы разговоры о том, что среди туранцев появился второй Хамар. Еще один случай помешательства

подданного царя Илдиза за весьма краткий срок настроил бы против солдат чуть ли ни всех жителей Айодхьи. Власти Ведиии тоже не остались бы в стороне.

Попытка же скрыть помешательство Амьена могла обернуться еще худшими неприятностями. В этом можно было усмотреть тайный умысел. А это рождало прямой повод для подозрения в кознях против Вендии.

Конечно, Амьена можно было просто убить. Но плох тот командир, который не дорожит жизнью своего солдата, пусть даже лишенного памяти. Так что это тоже отпадало.

Еще раз все обдумав, киммериец рассудил, что лучше будет пока о недуге Амьена не распространяться.

Он все еще собирался разобраться в череде последних убийств, а также прочих событий тесно с ними связанных, вроде появления тени и помешательства Амьена. Но если в городе жители начали бы воспринимать туранских солдат как источник угрозы, задача сделалась бы невыполнимой.

Поэтому стоило рискнуть и промолчать.

Выйдя от Амьена, киммериец в первую очередь отыскал Хасана и Масула. Этим двоим десятникам сейчас он доверял больше, чем другим. Ведь кого-то в тайну, все равно, пришлось бы посвятить.

— Боги жестоко покарали несчастного, — заключил Хасан, глядя на потерявшего рассудок товарища.

Сотник и двое десятников стояли перед больным и наблюдали, как он играет с собственными пальцами.

— Кром, и это еще не все, — нахмурился Конан.

Пока он успел рассказать Хасану с Масулом лишь о том, в каком состоянии он обнаружил заменившего покойного Газила десятника.

— Есть еще одно, о чем я очень не хотел бы говорить, — продолжил он. — Но вам скажу, потому что вы умеете держать язык за зубами. Вчера утром ко мне приходил Шеймасай. Он пронюхал, что один из нас имел встречу с фансиарами. — Конан кивнул в сторону Амьена. — Понятно, что речь шла о нем. Кто такие фансиары объяснять надо?

— Нет, сотник, — отозвался Хасан. — Я знаю.

— Я тоже, — подтвердил Масул.

— Тогда не нужно объяснять и того, — сказал Конан, — какими неприятностями могло обернуться для нас это известие. Одних только разговоров о связях солдат с фансиарами хватило бы для того, чтобы выдворить нас из страны. Если же подозрения в том, что у нас завелись приятели среди почитателей Кали, нашли бы подтверждение, то мы запросто могли бы закон-

чить свои дни в казематах вендейской столицы. Аумаю, вы понимаете, как вендейцы могут воспринять недуг Амьена?

— Простые люди решат, что мы что-то замышляем, — ответил Масул. — Власти же займутся расследованием...

— Нельзя, чтобы про недуг Амьена проznали посторонние, — заключил Хасан. — Даже в сотне никто не должен знать, что он помешался. Так будет безопаснее.

— Я с тобой согласен, — сказал Конан ветерану. — Действовать будем, как договорились. Отныне никто не должен покидать казармы без веских причин. Это я о десятниках. Простые же воины будут получать разрешение лично у меня.

— Рано или поздно от нас отвяжутся, — сказал Хасан. — Из казарм благополучию Вендии мы навредить никак не сможем. Дождемся приказа из Аграпура о возвращении в Туран...

— А если до того, — поинтересовался Масул, — вендейцы захотят побеседовать с Амьеном? Они ведь могут так поступить, если подозревают, что он имеет отношение к фансиарам.

— Амьен — болен, — принял решение Конан. — Именно так и будем говорить. Кроме нас троих, никто не должен знать, что происходит на самом деле. Ты, Хасан, временно примешь

командование над остатками десятка Газила. Объяснишь им, что Амьен, выпив плохой воды, подцепил какую-то местную заразу. Я поговорю с Шеймасай, постараюсь убедить его помочь нам. А ближе к вечеру я доставлю лекаря к Амьену. Или того, кто бы смог за него сойти.

Больной тем временем ползал по кровати, исподлобья поглядывая на визитеров.

— С ним что делать будем? — спросил у киммерийца Масул. — Сможешь приказать ему, чтобы он сидел тихо?

— Сомневаюсь, — признался сотник.

— Надо его связать, — предложил Хасан. — В рот засунем кляп. Дверь закроем. После того, как «лекарь» его осмотрит, один из нас возьмет на себя обязанность ухаживать за ним.

— И кто же это будет? — с ухмылкой спросил киммериец. — Ты или Масул?

— Тарим призывает нас заботится о падших, — спокойно ответил Хасан. — Могу и я.

— Значит, так и решим, — согласился Конан.

— И еще одно, Конан... — Хасан замялся и не договорил.

— Что?

— Ты уверен, что поступаешь разумно, отлучаясь в город? — закончил фразу пожилой десятник.

— Я не боюсь, — ответил киммериец. Хотя на душе у него было скверно: своим расследова-

нием он подставлял под удар всю сотню. — Всем отсидеться не получится. К тому же, не все вендейцы видят в нас врагов, и нам нельзя терять связи с возможными союзниками.

— Наверное, ты прав, — усмехнулся Хасан.

Масул промолчал, но Конану показалось, что султанапурец скорее согласился бы с Хасаном, чем с его доводами.

Киммериец завертел головой, ища то, чем сподручнее было бы вязать Амьена.

Масул вызвался сбегать за веревкой, но киммериец решил, что чем меньше они будут мельтешить на глазах у солдат — тем лучше. Поэтому на веревки пустили шелковую рубашку туранца. Ее же остатки и послужили кляпом.

Собирать всех десятников киммериец передумал. Так он только бы привлек внимание к отсутствию Амьена. А это было ни к чему.

Вместо этого Конан обошел оставшихся семерых офицеров, поговорил с каждым в отдельности. Объяснил, что в Айодхье творится что-то непонятное, и поэтому солдатам запрещается покидать казармы. Никого такое решение не удивило. Десятники, похоже, не сомневались, что киммериец подтвердит приказ, ранее отданый Хасаном. Про Амьена киммериец много говорить не стал, обмолвился, что тому нездоровиться, и что преемник Газила просил его пока не беспокоить.

Настроение у десятников, как показалось киммерийцу, было обычным. Если кто и был настороже из-за слухов об излишнем внимании вендейских стражей к сотне почетного сопровождения, то никак этого не показывал.

В том, что ничего плохого с сотней в ближайшее время не случится, киммериец был уверен. Они с Хасаном и Масулом сделали все, чтобы оградить отряд от бед. Конану оставалось жалеть лишь о том, что он теперь не сможет рассчитывать на помощь своих солдат.

Из казарм киммериец направился к посланнику. Ему предстояло объясниться с Шеймасай по поводу Амьена. Киммериец предположил, что услышав такое туранец побагровеет, покроется каплями пота и будет поносить Конана и всех его бойцов.

Что ж, к такому было не привыкать...

Время постепенно приближалось к вечеру, а надо было еще навестить Телиду. Именно там киммериец планировал собрать наибольший урожай новостей. Вообще от событий просто шла кругом голова.

— Сотник, еле тебя догнал! — неожиданно рядом с киммерийцем возник Бернеш. Вид у бастарда был, как всегда, самый бесшабашный. — Ты научился ходить по их улицам, как самый настоящий вендиец. И как ты только умудряешься ни на кого не натыкаться?!

— И зачем ты за мной шел? — сдвинул брови киммериец. — Или ты хочешь получить плетей за то, что нарушил приказ и покинул казармы? Ну-ка, попробуй убедить меня в необходимости такого безрассудного поступка?

— Попытаюсь, — поспешил заметить Бернеш. — Но пошли-ка, отойдем куда-нибудь в тень.

При слове «тень» варвар инстинктивно напрягся, но решил не спорить. Они завернули в закуток, между двух строений, отделанных светлым известняком.

— У меня как раз была веская необходимость, — заверил киммерийца бастард. — Я хотел переговорить с тобой.

— А сделать это в казармах ты не мог?

— Я боялся, что нас могут подслушать, — заявил туранец. — Здесь я себя чувствую себя не в пример свободнее. Ты же не думаешь, что Хамар был единственной паршивой овцой в нашем стаде?

Слова Бернеша покоробили киммерийца. Конан не любил облыжных обвинений. Но предложение бастарда показалось сотнику разумным. Правда, Конан знал про Амьена и фансигаров, а вот Бернешу это не должно было быть известно.

— Предлагаешь это обсудить? — жестко сказал Конан. Отвечать на вопрос десятника он не стал.

— И не только это! — не смущаясь Бернеш. — Ты же ищешь что-то. Тех, кто убил нашего посланника? Или, может быть, того, кто околдовал Хамара?

— Ты не боишься, что я слегка укорочу тебе твой длинный язык? — спросил киммериец.

Десятник целенаправленно переходил рамки дозволенного. Наверняка в сотне шептались о том, чем вызваны столь частые отлучки северянина в город: вряд ли Конан представлялся солдатам искателем развлечений. Но так открыто с киммерийцем заговорить никто не решался. Даже Шеймасай был более обходительным.

— Не боюсь, сотник, — ответил Бернеш. — Я ставлю тебя перед выбором. Либо ты признаешь меня союзником, и мы продолжим разговор. Либо решишь, что я не достоин доверия, и отправишь назад, приказав Хасану и Масулу наказать меня за самоуправство.

— А какая мне польза от тебя? — усмехнулся Конан. — Почему в твою глупую голову пришла мысль, что я нуждаюсь в союзниках?

— Двоим, куда сложнее отвести глаза, чем одному, — ответил бастард. — Да и со стороны куда проще различить ложь, ведь я смогу судить о вещах беспристрастно. И еще, клянусь Таримом, я достаточно умен, чтобы при случае дать тебе дальний совет. Один могу предложить прямо сейчас.

— Давай, — сказал Конан.

— Ты поторопился, — начал Бернеш, — когда приказал солдатам не покидать казармы. Теперь воины будут в доме, как в ловушке. А что-то подсказывает мне, что очень скоро ее захлопнут. Правда, к сожалению, не имею никакого представления о том, как же это будет сделано.

Конан оценивающе посмотрел на бастарда, прикидывая, не заехать ли ему кулаком в челюсть, чтобы наказать за дерзость. Но, рассудив, что это-то он всегда успеет сделать — решил сдержать гнев.

— Если ты пораскинешь мозгами, то поймешь что к нам изменилось отношение со стороны стражи.

— И что?

— А то, что это неспроста. Эти смуглолицые потомки обезьян явно что-то замышляют. Ведь не думаешь же ты, что они стали коситься на нас только потому, что им не нравятся ваши утренние хоровые славословия Тариму?

— Верно кто-то надоумил их, что от нас следует ожидать какой-то проделки против Вендии, — предположил туранец.

— «Проделки», — фыркнул варвар и тряхнул черной гривой волос, — Митра Великий, ты подыскал хорошее слово! Так ответь мне — не разумно ли сделать все, чтобы не оправдать их ожидания?

— Ожидания кого? — поднял брови Бернеш. — Стражей?

Киммериец понял, что имел в виду бастард.

Бернеш намекал на то, что тот, кто отдавал им приказ, мог желать именно припугнуть сотню. И тогда...

Тогда выходило, что они поступили так, как и ожидал неведомый кукловод. Заперлись в четырех стенах и перестали высывать нос за ворота.

— Мне виднее, — не сдавался Конан.

— Ты что не видишь, что нас специально к этому подтолкнули? — Бернеш почти перешел на крик. — Очнись, варвар! Может в вашей Киммерии только и умеют, что махать дубинами, но в Туране иногда принято шевелить мозгами... Кто-то разыгрывает в Айодхье свою партию, и нас рано или поздно принесут в жертву. К этому же все идет! Сначала был Хамар...

— Достаточно! — оборвал туранца сотник. — Мы поговорим обо всем, я обещаю. Но — вечером. Сейчас у меня дела.

— Отсылаешь назад? — с долей разочарования поинтересовался Бернеш.

— Я отдал приказ, — отчеканил Конан. — И никому не дозволено его нарушать. Ты и так заслужил десять ударов плетью за то, что ослушался своего командира. И если ты и дальше будешь здесь стоять, а не кинешься назад, точ-

но мышь, улепетывающая от лисицы, то я, клянусь Кромом, лично накажу тебя перед строем.

— Я понял, — слегка поклонился бастард, — прости, Конан, что невольно нарушил твоё спокойствие. Я удаляюсь...

Киммериец проводил его взглядом. Он отнюдь не был уверен, что своенравный туранец выполнит приказ. Но, в конце концов, не сопровождать же его обратно.

— Кром! — выругался Конан. — И что с ним делать?

Сам киммериец пока не спешил покидать уютный закуток. Ему хотелось немного поразмыслять в тишине и покое.

Ему вспомнились былые опасения, что посещали его, когда он с сотней только отправился в Вендию. Тогда варвар плохо представлял, как сможет исполнить поручение Илдиза.

На деле вышло все по-другому. Он сумел наладить неплохие отношения с Телидой, познакомился с Рамини, слегка разобрался в нравах и обычаях вендийцев. А в последнее время, сам того не желая, оказался в сфере интересов большого числа людей.

Кто-то пытался его убить, кто-то подоспал к нему тень, кто-то отдал приказ следить за его людьми. И этих «кто-то» набиралось еще очень много... Вот так он и попал в ту ситуацию, о которой говорил Илдиз. Император отдавал дол-

жное умению киммерийца выпутываться именно из безвыходных положений и самое время доказать, что он не ошибался. Впрочем, к Нергалау Илдиза, но он, Конан, в ответе за своих солдат, а посему надлежит хорошо просчитать все последующие шаги.

А не могли ли туранцы предвидеть такое развитие событий в Айодхье?..

Тут Конан мысленно влепил себе затрещину. Нет, не о том он думал!

Бастард точно сказал: киммерийцу предстояло сделать выбор. Либо он верит Бернешу, либо нет. Ошибка могла стоить жизни и Конану, и его людям.

Он знал о Бернеше немного. Говорили, что его отец был знатных кровей, мать — дочерью гончара из Майпура. Про свое детство и юность Бернеш никогда не рассказывал.

Его карьера в войсках Илдиза складывалась необычно. Учитывая, в скольких сражениях на суше и на море успел побывать Бернеш, ему надлежало бы уже ходить в сотниках или даже тысяцких. Но, несмотря на солидный ратный опыт, туранец состоял в войске всего две с половиной зимы. Именно этим и объяснялось его скромное звание.

В бою Конану Бернеша видеть не довелось. На тренировочных состязаниях тот демонстрировал неплохое владение саблей и луком, но не

больше, чем остальные. Заподозрить бастарда в особой свирепости и любви к потасовкам, тоже не было оснований.

Однако Бернеш неплохо знал вендейский, по крайней мере его западный диалект.

Странная личность...

... но люди из тайной службы заверили киммерийца, что среди десятников нет никого, кому нельзя доверять. А Бернеша, учитывая, что он не так давно в туранской армии, они наверняка проверяли с особой тщательностью. Клевреты царя Илдиза славились своей подозрительностью.

Так что на чашах весов лежали два варианта: первый — доверится Бернешу и взять его в союзники, поскольку его опыт и знание вендейского могли бы пригодится. И второй: держать бастарда на расстоянии и хорошоенько присматривать за ним, ибо он явно не простая птица...

Что ж, непростой выбор...

В конце концов, киммериец его сделал.

— Ладно, вечером разыщу Бернеша и расскажу ему, что знаю, — объявил он маленькой зеленой ящерице, скользившей по стене. Подумав, он добавил:

— Если доживу до вечера.

А теперь следовало вспомнить о неприятной обязанности визита к Шеймасаи.

И варвар, помянув Зандру и всех его демонов, покинул уютный тенистый уголок и вновь нырнул в людское море. Он и впрямь за последние дни научился неплохо лавировать в потоках людей, носилок и коров, забивающих все улицы Айодхьи.

По пути киммериец старался тайком наблюдать за попадающимися навстречу стражами. Варвару было любопытно: станут ли те проявлять к его персоне какое-то чрезмерное внимание. Открытого неприятия он не заметил, но взглядами Конана провожали внимательными.

Выходит и впрямь подозрения Хасана и Масула имели почву.

Стражи раджи Айодхьи Нараина получили приказ следить за туранцами. Киммерийцу очень хотелось бы узнать, кто именно отдал это распоряжение.

Одно имя.

Вот так возникла и еще одна причина сожалеть о гибели Сатти. Тот был тысячким, и можно было попытаться уговорить его, разузнать, кто именно интересуется сотней.

Теперь друзья у киммерийца оставались лишь среди стражей повелителя, если, конечно, Тхана можно было считать другом.

Стражи раджи и стражи повелителя...

Киммериец вдруг понял, что проглядел одну важную деталь. В общей суете он совершенно

забыл о взаимоотношении людей, служивших повелителю и служивших радже. Их интересы не всегда были общими. Что если стражи повелителя остались лояльны к туранцам?

Стоило помнить о такой вероятности. Тот же Сатти считал, что киммерийцу не повредит поговорить с Тханом.

Но прежде предстояло выдержать разговор с новым посланником Турана в Вендии.

У входа в посольства люди Шеймасай — туранцы, что прибыли с ним из Аграпура, и вендицы, набранные в охрану посольства здесь в Айодхье, привычно одарили Конана взглядами, в которых явно читались подозрение и неприязнь. Киммерийцу было интересно, чего им напомнил про него этот бурдюк с желчью.

— Посланник на месте? — для порядка осведомился у охраны Конан.

— Его милость знает о твоем визите, чужеземец? — скривил губы один из вендийцев.

Конан с трудом сдержал усмешку.

— А что, разве гонец с известием не приходил? — подбоченился он, предвкушая развлечения. — С нижайшей просьбой принять меня. Колокола два назад.

Почувствовав издевку, двое охранников застрипели зубами.

— Нет, не приходил, — вендиец, в отличие от товарищей, попался крепкий.

— А может ты его просто пропустил, болван? — рявкнул Конан. — Или ты заснул на посту и он просочился к его милости, минуя стражу? Кром, ну почему сторожить вход всегда ставят таких ублюдков. А теперь закрой рот и посторонись, пока я еще окончательно не разозлился.

С этими словами северянин оттолкнул тщедушного стражу и прошел во двор.

— Я командир отряда, который призван охранять туранского посланника. По крайней мере так решил император Илдиз, да продлит Эрлик его годы! Может ты, тупица, готов оспорить приказ великого властителя Турана? И ты осмелившись воспрепятствовать тому, чтобы Конан из Киммерии мог пройти к светлейшему Шеймасай?

Вендиец вытаращил глаза.

— Закрой рот, — уже миролюбиво промолвил варвар. — Бери пример со своих товарищей, — он указал на остальных вендийцев, которые покатывались со смеху видя, как потешаются над их незадачливым собратом. Не зря мудрецы ваших соседей из Уттара-Куру говорят: неумение понимать шутку — примета глупца!

Больше препятствий на пути киммерийца никто не чинил. Лишь перед входом охранники вежливо попросили сотника оставить у них меч и кинжал.

— Что-то ты не спешил ко мне на встречу, — поприветствовал Шеймасай Конана, когда тот вошел к нему в сопровождении вендинцев. Охранникам же адресовалась вторая часть фразы.

— Все в порядке, оставьте нас наедине.

Киммериец дождался разрешающего жеста и сел.

— Я не шучу, варвар, да будет благословлено к нам Небо, — продолжил посланник. — Я ждал тебя раньше. Впрочем, нет, — не тебя! Ты-то как раз меньше всего можешь услаждать зрение доброго туранца. Вернее сказать — я ждал каких-нибудь новостей о том, о чем говорил вчера!

Киммериец усмехнулся. Он ожидал худшего.

— Мы долго не могли отыскать Амьена. Он пропал сразу после вашего визита. — Сейчас он у себя в комнате, связанный по рукам и ногам.

Посланник поднял брови.

— Я всегда сомневался в разумности северных варваров. Но доселе я никогда не предполагал, что у них в привычку входить связывать собственных бойцов.

У северянина под скулами заходили желваки. Порой он с трудом подавлял в себе желание взять за шиворот этого брюзгливого выскочка и трясти до тех пор, пока из того не выйдет вся спесь.

— Он обезумел, — медленно произнес Конан, — Амьен не помнит ничего ни о себе самом, ни о мире вокруг. Он сейчас словно новорожденный ребенок.

— Замечательно, сотник, — скривился посланник. — Именно такого паршивого результата следовало от тебя ожидать.

— Я хотел одолжить у вас мага. Пусть он осмотрит Амьена. Надо убедиться, что тот не притворяется. К тому же, есть надежда обнаружить следы воздействия на его разум.

— Ничего он не найдет, — махнул рукой Шеймасай. — Но проверить — пусть проверит.

После этих слов посланник поднял голову и посмотрел в глаза киммерийцу. До этого взгляд Шеймасай блуждал где-то среди свитков и письменных принадлежностей на его столе.

— Ты спрашивал меня о людях, — кивнул головой посланник, — что поведали мне о встрече твоего человека с фансиарами. Хочешь знать, что с ними стало?

Варвар кивнул.

— Они мертвы, — вытаращил глаза туранец. — Погибли в пьяной драке. Странно, не находишь ли?

— Вряд ли это совпадение, — пожал плечами Конан.

— Вот и я так думаю, — согласился с ним посол. — Есть еще, чем меня обрадовать?

— Нет, — согнал Конан. — Я еще раз поговорю с Телидой, попрошу ее ускорить сборы. Боюсь, что история с Амьеном может иметь продолжение.

— Ты не думал о том, что будет разумнее его умертвить?

— Прикажите своим людям это сделать, — сузил глаза Конан. — Вот только я не поручусь за то, что им удастся вернуться после того, как они выполнят ваш приказ. Солдатам может не понравиться, когда их заболевшего товарища режут, словно овцу на алтаре.

— Но можно сделать это тайно.

— Я солдат, а не мясник! — повысил голос варвар, — и те, кто захочет посягнуть на жизнь моего бойца, будет иметь дело со мной. Я отвечаю перед светлейшим владыкой Илдизом за каждого воина, порученного мне!

— Светлейший владыка Турана, да продлит Эрлик его годы, конечно будет очень встревожен, если узнает, что один полоумный солдат переселился на Серые Равнины! — усмехнулся Шеймасай. — Ну да ладно, не хватало еще, чтобы посланник Турана убеждал северного варвара в необходимости проливать кровь.

Посланник плеснул вина себе в кубок.

— Амьен жив, посланник, — напомнил Конан. — И будет жить, сколько отпустит ему Эрлик. Лучше скажите, как мне следует посту-

пать, если ко мне придут вендейцы и потребуют его выдачи?

— Не отдавай им этого безумца! — нахмурился Шеймасай. — Тяни время! Они будут обязаны обратиться ко мне. Тогда что-нибудь придумаем.

Отвечать киммериец не стал.

В коридоре охранники все с той же показной вежливостью вернули Конану оружие. Оставаясь при этом столь же безмолвными, как и всегда

* * *

На следующий день после четвертого убийства.
Дворец Телиды.

Конан уже второй колокол сидел в своей любимой комнате с водопадами.

Шум воды и пение птиц ласкали слух, заставляя забыть о насущных тревогах. Вкусная еда и холодное вино тоже немало помогали киммерийцу в том, чтобы расслабиться и обрести душевное равновесие.

Этим утром Шеймасай в честь очередной расправы над одним из браминов, вкупе со всем семейством и слугами, удостоил казармы своим визитом. Причина была в том, что нескольких туранских солдат (в том числе и киммерийца),

видели неподалеку от места трагедии. И как раз незадолго до того, как произошло убийство. Посланник никак не мог оставить подобное без внимания и явился высказать свое мнение по поводу этого совпадения.

Но это и впрямь было совпадение.

Храм Кришну изъявил желание преподнести дар императору Илдизу. Храма Эрлика в Вендини не было, и жрецы его, обитавшие на территории посольства, редко снаряжали караваны в Аграпур. Пришлось искать иной выход.

Вскоре кришнаиты признали, что туранский сотник интересуется верованиями вендинцев, к тому же вскоре ему предстояло вернуться в столицу империи. Поэтому жрецы и обратились напрямую к Конану с просьбой нанести к ним визит и забрать подношение. Делалось все это без ведома Шеймасаи.

Киммериец подозревал, что тот из нелюбви к персоне сотника и зависти, что обратились не к нему, мог бы отказаться от дара. А Конану для удачного завершения миссии, возложенной на него Илдизом, нужны были хорошие отношения с представителями одной из высших каст браминов, а не испорченные беспочвенным отказом.

Само собой, спустя какое-то время, Конан доложил бы Шеймасаи о визите в храм. Но сейчас сделать этого не успел. Так уж получилось,

что трагедия произошла примерно через поворот клепсидры после того, как туранцы, возвращавшиеся из храма, прошли мимо дома несчастного брамина.

Шеймасаи никак не желал верить, что это было совпадение. В убийстве он, слава Эрлику, никого из солдат обвинить не додумался, но в злокозненных умыслах против Турана и себя лично все же заподозрил.

Долго ходил по казармам. Потом срывал гнев на Конане, и солдатах, ходивших вместе с варваром в храм Кришны. Когда Шеймасаи наконец убрался вовсюси, киммериец объявил солдатам, что на сегодня он отменяет прежний приказ и разрешает им покинуть казарму, кроме десятка караульных. Также порекомендовал всем хорошо отдохнуть с вином и танцовщицами, чтобы поскорее забыть «крикливого осла».

Сам северянин, выбирая, куда ему отправиться, счел, что самым правильным будет нанести визит Телиде. У Рамини, конечно, можно было отдохнуть не только душой, но еще и телом. Но все же вчера случилась очередная резня, которая могла иметь самое прямое отношение к миссии Конана, и у вдовы можно было разжиться последними известиями.

Помимо новостей об убийстве, коих набралось не так и много, Конан получил у Телиды вдоволь вина и превосходных кушаний.

За беседой же киммериец, как он того и хотел, забыл и про Шеймасай, и про его нелепые обвинения.

— Интересно все-таки, когда они остановятся? — спросил киммериец.

За прошедшее время он уже успел выяснить, что подробностей убийства Телида практически не знала. Стражи после того, как второго брамина с семьей препроводили на Серые Равнины, стали на редкость скрытными.

Все, что поведала киммерийцу вдова, она знала со слов тех, кто находился неподалеку от места убийства.

Якобы покойный брамин собирался провести у себя дома церемонию поклонения одному из Погибших Богов, якобы его слуги, проводившие изыскания в джунглях полуденной Вендии, обнаружили нечто ценное, и как раз вчера хозяин получил от них соответствующую депешу, якобы брамин недавно серьезно повздорил с рабжой Нараином, и тот затаил злобу. Ну, и прочая чепуха.

— Снова ты говоришь «они», — попеняла киммерийцу Телида. — Не желаешь верить, что убийца действует в одиночку?

— Не то что не желаю — не верю, — заявил Конан. — Ну, как один человек может перебить столько народу? Я бы и то не справился.

— Положим, сотник, ты — человек вполне

нормальный, — рассуждала вдова. — А убийца — безумец. Тебе не доводилось слышать, что люди, чей разум похитили демоны Зандры, обладают нечеловеческой силой и ловкостью?

— Отчего же... Не только слышал, но и видел своими глазами, — хохотнул северянин. — Об этом можешь порасспросить у моего меча. Потому твои слова и кажутся мне чепухой. Те, о ком ты говоришь, обычно дурманили себя перед боем. Может они и были сильны, словно демоны, но ничего не соображали. Только и могли, что махать мечом посреди битвы. А те, кто убивает браминов, делают это как раз очень продумано. Нужно ухитриться, чтоб за четыре раза ни одного человека в доме не упустить и не потревожить никого из посторонних!

— Но может быть это умелый и хорошо обученный безумец, — не сдавалась Телида.

— А вот таких я уже не встречал, — парировал Конан.

— Ну, хорошо, — махнула рукой вдова. — Как же тогда объяснить твои слова, что все мертвые в доме первого брамина были отправлены на Серые Равнины одной рукой и одним клинком?

— Это не я говорил, а вендийский тысяцкий, — уточнил киммериец. — Он мог ошибиться. Или мог сделать это специально, чтобы сбить с толку нас с Шеймасай.

— Какой ему с этого прок? — спросила Телида.

— Понятия не имею, — признался киммериец. — Это — Вендия, здесь, как мне объясняли, от людей не следует ожидать легко объяснимых поступков.

— Ты недавно появился в Айодхье, а уже пытаешься рассуждать как заправский вендиенец.

— Так я не прав?

— Наверное, прав. В чем-то...

— Ну, вот...

Конан остался доволен тем, что одержал маленькую победу. Незадолго до того, как отбыть из Аграпура, он выпил несколько кувшинов вина с одним своим хорошим приятелем из тайной службы и тот поведал, что Вендию можно узнать, лишь с головой погрузившись в водоворот местных интриг.

— Ты, кажется, о чем-то спрашивал, — напомнила Телида. — Я увела разговор в сторону и забыла. Извини.

— Я говорил, что понятия не имею, когда закончатся убийства, — ответил киммериец. — Сначала, помнишь, мы с тобой думали, что власти вот-вот обнаружат злодея. Но потом произошло второе убийство, а затем и третье. Но стражи все никак не могли поймать негодяев, а мы все сидели и ломали головы. Вот я и задумался: когда браминов перестанут резать.

— К чему ты клонишь?

— Что случится раньше: кончатся «нужные» брамины или все же власти схватят убийц?

— Хорошего же ты мнения о вендийской страже...

— Они сами заставляют так к себе относиться. Даже в Шадизаре не допустили бы, чтобы в их городе творилась самая настоящая резня.

— О чём ты говоришь, Конан, — подняла брови Телида. — В каждом городе Хайбории на рассвете находят десятки мертвых тел. Разница лишь в том, что где-то у несчастных черепа проломлены пиктскими топорами, а где-то им воткнут в спину отравленный стилет. Люди везде одинаковы, варвар. Может только в вашей северной глупи, среди киммерийских гор царят иные нравы и там воины сходятся в честном бою. Власти любой державы прежде всего думают о собственной мошне, о том, как выжать побольше налогов из своих подданных и как отхватить кусок земель у соседа. Власти... О каких властях ты говоришь? Ты видел конников мехараджуба — кшатриям нет дела до того, что происходит в других кастах.

Конан пожал плечами.

— Тот тысяцкий, что водил вас по первому дому был неглуп. Впрочем, если он допустил еще три подобных нападения, значит, все-таки Вишну не наградил его умом. Лучше бы эти де-

ти обезьян обратились за помощью к моим турецким волкам из отряда. Те бы быстро сумели отыскать мерзавцев!

— Весьма самоуверенно! Позволь тебе заверить, сотник, что у вендинцев немало толковых стражей, которые готовы перевернуть Айодхью верх дном, чтобы найти убийцу. Только тот им пока не дал ни единого шанса. Иначе бы уже сидел в темнице меҳараджуба.

— Либо кто-то среди стражей делает все, чтобы не воспользоваться этими шансами.

— Все еще убежден в заговоре? Намекаешь, что стражи не совсем чисты? Поэтому они, наверное, и не пожелали привлекать к расследованию тебя и твоих туреццев?

— А могут это быть фансигары? — спросил Конан.

— Я смотрю, тебя сегодня бросает в крайности, — ухмыльнулась вдова. — Впрочем, я была уверена, что ты обязательно их упомянешь. Интересно, кто о них тебе рассказал... И насколько подробно.

— Знать половину — не знать ничего? — попытался угадать мысли Телиды киммериец.

— Вот-вот, — кивнула вдова. — Особенно, когда разговор идет о вещах весьма запутанных.

— Надеюсь, что знаю чуть больше половины.

— Надейся.

— Я же говорил тебе, что больше всего меня

поражает в этих убийствах — это их организация. Исполнено безукоризненно. Разве это не довод в пользу того, что это фансигары?

— А ты хоть догадываешься, сколько наберется доводов «против»?

— С удовольствием послушаю, — киммериец предложил Телиде продолжать. — Я же не стремлюсь в чем-то убедить тебя. Мне хочется найти убийц.

— Начнем с того, сотник, — сказала вдова, — что не обнаружено ничего, что указывало бы на ритуал жертвоприношения Кали в домах покойных браминов. Ни одну из жертв не задушили. Это же прямое нарушение всех традиций фансигаров! Кровь из несчастных не выпускали, кроме той, что сама натекла из ран, имущество не похищали. Мне не доводилось слышать, чтобы фансигары действовали подобным образом.

— Я слышал, что они не столь закостенелы в соблюдениях традиций, как остальные вендинцы?

— Они, конечно, стоят ближе к нам, людям с заката, но не до такой степени! Если эти убийства дело их рук, то это означает, что они презрели все заветы Кали.

— Скажем, не все, — возразил киммериец. — Ни одной резни не было в пятый день седмицы, зато три произошли на четвертый день.

— Вот это как раз совпадение! — не согласилась Телида. — Точно так же можно взять и

принять на веру слова Шеймасай, о которых ты мне только что поведал. Сколько раз твоих солдат замечали рядом с местом убийства? Те же три раза! Последний раз, между прочим, ты сам был среди них. А после того единственного случая, когда никого из туранцев рядом не углядел, ты со своим солдатом уже спустя поворот клепсидры был на месте драмы. Какие выводы можно сделать?

— Печальные, — хмыкнул варвар.

— Но все, кроме нашего любезного посланника, понимают, — продолжала Телида, — что строить на основании этого совпадения обвинения против туранцев — бред. Вот зарежут пятого и шестого брамина, вдалеке от твоих солдат и даже Шеймасай не вспомнит своих прежних слов. Так же и твои «закономерности» в убийствах наверняка очень скоро испарятся.

— Я и не говорю, что убийцы браминов строго следуют какой-то традиции, — не стал спорить киммериец. — Но думаю, что если это все-таки фансигары, они, пока это возможно, будут пытаться запутать следы. Задушить шелковым платком и пустить кровь жертве — это те обряды, которые дали бы стражам прямую указку: ищите фансигаров.

— Красиво рассуждаешь, — признала Телида.

— К чему ты клонишь? — насторожился киммериец.

Он догадывался, что вдова подшучивает над ним.

— К тому, что ты не прав, — сказала вдова. — Только убедить тебя в этом будет тяжело. Ты верно говоришь, что фансигары способны отступить от традиций. Они могущественны, среди джемадаров немало умных людей. Им было бы под силу организовать и осуществить все эти убийства. Но они этого не делали. Твоя беда, Конан, в том, что ты не видишь грань. Ты не понимаешь, что фансигары столь далеко никогда бы не зашли.

— Предлагаешь поверить на слово? — спросил Конан.

— Верно, — ответила Телида. — Фансигары — это часть местной культуры. Ее же важно не просто понимать, а еще чувствовать. Вендейцы, несмотря на все интриги, что они всегда плетут, умудряются поддерживать свое общество в равновесии. Чье-то положение улучшается, чье-то ухудшается, кого-то время от времени казнят, но серьезных потрясений здесь уже очень давно не было.

— Разве бывает дхарма бунтаря? — поинтересовался Конан.

— Шутишь? — с сомнением произнесла Телида.

— Отчасти.

— Думаешь, у вендейцев нет склонности к мятежам? Может ты и прав... Но, все равно, эта

цивилизация чрезвычайно уравновешена. Все тянут за края одного одеяла, но никто не стремится его порвать.

— Одеяло — это власть?

— Скорее, влияние. Власть — это власть правителя, земная власть. А в Вендии слишком многое завязано на духовных началах, на касте, на вере в богов.

— И фансигары хоть и не чураются некоторых закатных методов, но не забывают соблюдать это равновесие?

— Именно! Фансигары действуют так, как и должны, по общему мнению, действовать фансигары. Все знают, что они способны отойти от своих традиций.

— Путано.

— Наоборот, очень просто. Все вендийцы знают, что это не фансигары. Тебе остается только поверить.

— Ладно, пусть так. Но могут они за определенную плату помогать убийцам?

— И как ты себе это представляешь?

— Объяснить?

— Нет, постой. И послушай. Фансигары — это не тайная служба. У них иная суть, иное внутренне построение. Ты представляешь их монолитом, но они не монолит. Они чем-то подобны живому организму. У них есть множество джемадаров, каждый из которых обладает

собственным талантом, влиянием, возможностями. Часть из них питает симпатию друг к другу, а часть враждует, но все они делают общее дело. Во славу своей богини. Про фансигаров говорят: умные, хитрые, осторожные. Знаешь к кому это относится? К сотни и к лучшим из джемадаров. Но большинство фансигаров бхутоты и шамсиасы, тупые и безграмотные. Шудры! Беднейшие из них. Они фанатично преданы делу и своим джемадарам, но способны лишь исполнять команды. Теперь ответь мне, как фансигары могли поспособствовать тому, кто убивал браминов?

— Получается, убить они могли, — рассуждал Конан. — У них есть те, кто способен высledить жертв и составить план. Есть те, кому под силу его осуществить. Правильно?

— Правильно, — согласилась Телида. — Если бы они захотели препроводить всех этих браминов на Серые Равнины, то они бы сделали это, но не стали таиться.

— Выходит, что помочь настоящим убийцам, — продолжал киммериец, — они не могли. Потому что с одной стороны фансигары скованы традициями, а с другой — нехваткой по-настоящему умелых людей. Бхутотов и шамсиасов они не решились бы использовать для помощи тем, кто орудовал в доме, так как их участие могло быть истолковано, как поклоне-

ние Кали, а обряды соблюсти не было никакой возможности.

Конан говорил и одновременно смотрел на вдову посла, ожидая от той одобрения его слов или наоборот развенчания их. Телида слушала и мерно кивала головой.

— Нить рассуждений ты уловил, — произнесла она. — Если бы фансигары увидели в смертях браминов выгоду для себя или кто-то сумел бы убедить их в том, что она есть, даже тогда они не смогли бы оказать толковую помощь своим друзьям или нанимателям. От джемадара, который бы составил хороший план или нашептал бы на ушко сотникам и тысяцким стражи нужные слова, проку было бы не больше, чем от того же сотхи, который мог бы проследить за кем угодно и втереться в доверие к любому врагу. Убийце нужно было бы не это. Все, что ему требовалось, это возможность спокойно делать свое дело. Чтобы никто не вышел из дворца и не вошел туда до тех пор, пока он не закончит свой кровавый труд. Согласись, фансигары были бы ему здесь ни к чему.

— Пожалуй, соглашусь, — улыбнулся Конан. — Ты просто не оставляешь мне выбора.

— Поверь, я делаю это не специально, — Телида ответила киммерийцу притворно виноватой улыбкой. — Ты постепенно начинаешь постигать сущность Вендии, но в своем стремле-

нии поскорее ее изучить, допускаешь нелепые ошибки. Ну, зачем искать сложности в простых вещах? Убийца — это везучий одиночка, у которого боги отняли разум. Иначе тайна смертей четырех браминов была бы уже раскрыта. Нескольких преступников найти проще, чем одного.

— Это меня и смущает, — признался киммериец. — В одном ты меня не убедила: убийца не может быть одиночкой. Мы имеем дело с организованной группой. И вот, ответь мне, почему же их не поймали?! Они же действуют в чьих-то интересах. Можно же уже было установить в чьих.

— Снова ты горячишься, сотник, — усмехнулась вдова. — Ты молод и тебе пока недостает мудрости.

— Зато мои руки крепко держат меч! А мудрость Митра дарует тем, кто прошел уже половину отмерянного срока.

— Мудрость — это не дар небожителей за прожитые зимы, а результат осмысления свершившегося. Но в чьих интересах действует убийца, я тоже не смогла уяснить, хотя живу в столице не первый десяток зим. И это еще один довод, чтобы подозревать безумца. Но и его можно поймать! Но стражи, подобно тебе, сейчас гоняются за демонами, что сами себе навыдумывали, ищут заговоры, вместо того, чтобы признать очевидное.

— Говоришь, они думают так же, как я? — переспросил Конан. — Значит, и фансиарами они интересовались.

— Очень может быть, — не стала спорить вдова.

— Хотелось бы знать, как фансиары на это отреагировали, — сказал киммериец. — Вряд ли им могло понравиться внимание со стороны властей. Останутся они после подобного в стороне или вмешаются?

— Хорошие вопросы задаешь, Конан.

— И что станут делать фансиары, если первыми обнаружат убийц?

* * *

*Второй день расследования.
Неподалеку от дворца Телиды.*

Вечера в Айодхье были красивые. Этого у столицы Вендии не отнимешь.

Темнело в городе очень быстро. Казалось, только-только был день, и вот уже небо подернуто покровом ночи. Но все же был и краткий период заката.

Тогда небо становилось огненно-красным, а дворцы, храмы, деревья сплетались в клубок последних отблесков солнца и порождаемых

ими теней. Дневная жара чувствовалась уже не столь остро, и по улицам гулял легкий ветерок.

Город преображался, но люди, его населявшие, на это никак не реагировали. И в этом была еще одна особенность вендийских вечеров. Жители Айодхьи все так же заполняли собой все пространство, постоянно куда-то спешили, не забывая при этом переговариваться между собой и заключать мелкие торговые сделки.

На их фоне город в этот момент казался особенно привлекательным.

Конану, вышагивавшему по направлению к дворцу Телиды, захотелось сходить как-нибудь на берег Рехара, в район храмов, посвященных богам, объявленным погибшими, и посмотреть, какой там закат.

Когда он там с другими солдатами молился о послемертии Хамара близ статуи Агни, ему вышло не до красот природы.

Да и сейчас у него имелись неотложные дела. Так что в посещении руин киммериец пока себе отказал.

У дворца вдовы почившего туранского посла ничего необычного не творилось. И это Конану понравилось.

Охранники кивнули киммерийцу как старому знакомому. Конан бывал во дворце столь часто, что уже мог узнавать караульных. За воротами слуги сообщили Конану, что Телида

ждет его, и попросили дозволения проводить его к ней.

— Разумеется, — кивнул северянин.

Комната, в которую привели киммерийца, была ему незнакома. Сам Конан предпочел бы встретиться с Телидой в зале с водопадами. Там ему было привычно и обстановка была приятная.

Здесь же царил полумрак. Свет в комнату почти не проникал. Решетка единственного окна почти полностью была заплетена лианами-арха, чьи узорчатые листья были в почете у зажиточных вендийцев. Мебель в комнате была изготовлена из черного дерева, создавалось впечатление, что ее темная поверхность поглощает слабые лучики, проникающие через зеленую занавеску.

В комнате было много стульев, два стола — один у окна, другой рядом с правой от входа стеной. Также вдоль стен стояли шкафчики большие и малые, в углу находился огромный обитый полосами железа сундук.

Телида сидела за тем столом, что стоял сбоку. Лицо ее тонуло в тени.

— Сюда всегда приходил мой супруг, — произнесла вместо приветствия женщина, — когда ему надо было принять какое-нибудь неприятное решение. Он сидел здесь подолгу в одиночестве, потом делал то, что надлежало. Когда

вечером он возвращался домой, то до утра не произносил ни слова.

— Не самое приятное местечко, — заметил киммериец.

— Я тоже так думала, — сказала Телида. — Но однажды поняла, что у этой комнаты есть своя аура. Знаешь, что лежит во всех этих ящичках и шкафах?

— Откуда мне знать? — ответил Конан.

— Хочешь посмотреть?

— Нет, лучше послушаю.

— Я точно так же ответила, когда супруг решил объяснить, что значит для него это место. Правда, потом я все-таки посмотрела. Что поделаешь — женское любопытство неискоренимо. Так вот, Конан, все эти ящики пусты. В них нет ничего: Когда я спросила его, зачем же они тогда нужны, он ответил, что это хранилище для мыслей и чувств.

Конан удивленно наклонил голову.

— Мой супруг, — продолжала Телида, — помешал свои мысли в ящички, клал их на те самые полки в шкафах, что тебе не видны, а всякие глупости бросал в сундук. Только так он мог справиться с хаосом в своем сознании.

— Весьма необычно, — признал Конан. — По-моему, ничего предосудительного здесь нет.

— Я не к тому, — ответила вдова. — У меня нет привычки заходить сюда, когда я хочу поду-

мать. Но сейчас мы с тобой очутились в такой ситуации, что нельзя пренебрегать самыми невероятными возможностями. Я сижу тут уже третий поворот клепсидры. Правда, ощущений пользы от местной обстановки я пока не почувствовала.

— Гостей твой супруг принимал в этой комнате?

— Редко. Только, когда хотел поговорить о чем-нибудь серьезном. Наш знакомец Сатти был тут чаще остальных.

Телида замолчала, ожидая реакции Конана. Но тот не спешил отвечать.

— Хорошо, — сказала вдова. — Вступление окончено. Начнем разговор?

— Начнем, — живо произнес киммериец. — У тебя есть, что рассказать мне?

— О чём? — непонимающим тоном произнесла Телида.

Конан нахмурился.

— Ладно-ладно, — пошла на попятный вдова. — Я ведь в долгу перед тобой. Но мне особо нечем заплатить: я рассказала тебе все, что знала.

— Ты умолчала о Сатти, — напомнил киммериец. — Ничего не говорила о нем до того момента, как Хамара казнили. Мы с ним мыслили очень похоже, и думаю, вдвоем мы бы нашли тех, кто одурманил разум Хамара. Может быть, нам удалось бы спасти нескольких жизней.

— Сейчас, Конан, ты произнес глупые слова, — холодно ответила Телида. — Я совершенно правильно поступила, не говоря тебе ничего о Сатти и запрещая ему встречаться с тобой. Он как никто другой хотел распутать клубок тайн, связанных с убийствами. Это был настоящий вызов. И Сатти не остановился бы ни перед чем. Именно для этого ты ему и понадобился. Раньше я тебе этого не говорила, но теперь скажу: Сатти не просто допускал возможность твоей смерти, он хотел, чтобы тебя убили. Я надеялась, что после казни Хамара заговорщики, — а сейчас-то я понимаю, что вы были правы, и заговор существует, — слегка поутихнут. Рассчитывала, что нет никакой опасности для тебя. И я ошиблась: ты стал для Сатти именно тем орудием, которым он собирался их расшевелить.

— Я считал, он был твоим другом, — сказал киммериец. Сам он был схожего мнения о Сатти, но это не мешало ему сотрудничать с тысяцким. Конан не боялся рисковать. Ему тоже хотелось отыскать убийц, особенно после казни Хамара. — А ты говоришь о нем такие ужасные вещи.

— Дружба — дружбой, но человеком он был страшным, — Телида не стала отрицать того, что хорошо относилась к Сатти. Киммериец мысленно похвалил ее за это решение: скажи она, что покойный тысяцкий был для неё почти

что враг, Конан отнесся бы и к другим ее словам с изрядной долей недоверия. — К тому же он заигрался. Начал переходить те границы, что сам для себя установил. Ничего сравнимого с резней браминов в столице не было очень давно. Не стоило Сатти лезть в это расследование. Ясно было, что одному человеку оно не по зубам.

— Но он и не действовал один, — сказал киммериец. Он отлично помнил слова тысяцкого о его помощниках, что следили за травниками. — Кроме меня, были и другие люди, что вместе с ним участвовали в расследовании.

— Это его и сгубило, — ответила Телида. — Очень долгое время его не трогали лишь из-за его репутации. В последние зимы он занимался тайными делами разных влиятельных особ. Его бы наверняка убили, если бы не были уверены в его молчании. А вот за людей, которых он привлек к поиску охотников за браминами, по ручиться никто не мог.

— Почему он тогда вообще ввязался в это дело? — спросил Конан. — Он же был далеко не глупец...

— Это был вызов! Понимаешь? Вызов! Он не мог пройти мимо. Точно так же, как ты вцепился в это расследование после того, как казнили твоего человека. Что ты скажешь, если тебе велят возвращаться в Туран?

— Я откажусь.

— Представляешь, что тебе за это будет?

— Ничего мне не будет, — усмехнулся киммериец, — не забывай, что я не подданный Турана, а просто вольный наемник. Я не привык обманывать своих заказчиков, и мне не хотелось бы числиться во врагах императора, но я не давал ему присягу и я не поклоняюсь Вечноживущему Тариму. Поэтому если я захочу остаться в Вендии, то никто меня не остановит!

Варвар вдруг понял, что сейчас ему предстояло принять еще одно важное решение. Как днем он гадал, кто такой Бернеш — друг или враг, точно так же нужно было определиться по поводу Телиды. Много раз он собирался рассказать ей о поручении Илдиза, но неизменно откладывал момент откровения. Но дальше откладывать было уже некуда. — Император перед тем, как отправить посольство в Айодхью, вызвал меня к себе и объявил, что собирается возложить на меня одно небольшое задание: разобраться, кто мутит воду в Вендии. Он сообщил мне о твоем послании, где высказывала подозрения, что твой супруг умер не своей смертью, а его убили. Наверное, ты права: это поручение туранского владыки вкупе с гибелью одного из своих людей, в виновности которого я до конца уже не уверен, — точно такой же вызов. И я, как и Сатти отступать не намерен. От

веть мне, только честно, с чего ты взяла, что твоего мужа убили?

— Разумеется, отвечу, — Телида слова киммерийца восприняла совершенно спокойно. — Мог бы и раньше поинтересоваться. Я не сомневалась, что император рассказал тебе все. Просто так в сотню сопровождения не стали бы определять иноземца.

— Ну, так что ж сама не сказала? — спросил Конан.

— Говорить особо нечего, — призналась вдова. — Супруг в последние дни перед смертью вел себя странно. Мало занимался делами, проводил много времени во дворцах браминов из высших каст. В том числе, бывал и у тех, кто вошел в число убитых. А когда возвращался, то почти не выходил из этой комнаты. И вот, в одно утро ему внезапно стало плохо. Навалилась такая слабость, что он не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Исчезла речь. А спустя четыре колокола, он умер. Лекари и маги не смогли ему помочь.

— Да, причин для подозрений достаточно, — сказал Конан. — Смерть твоему мужу устроили красивую. Сделали так, что он, умирая, не мог ни произнести, ни написать имен своих убийц. Но, в самом деле, рождает чересчур много подозрений. Мгновенная гибель во сне не привлекла бы столько внимания.

— Согласна, — ответила Телида. — Но, думаю, что убийцы как раз и хотели привлечь внимание. Показать, насколько они всесильны. Тем более, что следов яда или магического воздействия у моего мужа не нашли, а немота и недвижимость конечностей в точности подпадают под описание признаков одного смертельного недуга. Отнюдь не редкого в этих краях.

— Недуга? — спросил киммериец. — Тогда, мне кажется, у тебя не было ни единого шанса убедить вендийские власти, что это было убийство.

— Я и не пыталась, — сказала Телида. — Сразу написала императору Илдизу, понимая, что помочь можно ждать лишь из Аграпура.

— Будем считать, что дождалась, — подытожил Конан. — Что тебе известно про тех браминов, с которыми встречался твой муж? Ты знаешь лично кого-нибудь из них? Сможем мы к ним наведаться?

— Сколько вопросов, — вздохнула вдова. — Про браминов ничего интересного я не знаю. Их было около десяти, тех, кого посещал мой муж. Вайшнавы, шивайты, кришнаиты. В части их верований я никаких зацепок не нахожу к тому, что бы их объединяло. Все они были.... Впрочем, почему были? Кое-кто есть до сих пор. В общем, люди — богатые и влиятельные. Можешь сделать из этого какие-нибудь выводы?

— Ты не ответила еще на два вопроса, — напомнил киммериец.

— Хорошо, отвечу. Близко ни с кем этих браминов я не знаюсь. Мы узнаем друг друга, здороваемся, но не более того. Посетить их дома мы сможем. Я не предвижу здесь никаких сложностей — нас с радостью примут. Впрочем, признаюсь, — не вижу и смысла. Идти к браминам надо, имея на руках факты или хотя бы основанные на чем-то подозрения, иначе разговора не получится.

— Все равно, они — наш единственный шанс. Если твоего супруга убили за то, что он общался с ними, значит, тайну его смерти следует искать именно там. Там же, уверен, отыщутся и следы тех, кто стоял за Хамаром.

— Ты предлагаешь прийти к ним, приставить кинжал к горлу и потребовать ответы?

— Не самый плохой способ. Если у нас не будет другого выхода, именно так я и поступлю. А пока назови имена этих браминов.

— Я знала, что ты их потребуешь. Вот — держи.

Телида протянула киммерийцу небольшой кусок пергамента. Хоть в комнате было темно, Конан сумел различить имена, начертанные на нем. Их было одиннадцать. О четырех браминах, упомянутых Телидой, северянин раньше уже слышал, причем о двух в связи с их смер-

тью от рук Хамара. Оставшиеся семь Конану были не знакомы.

Аккуратно свернув бумагу, киммериец заткнул ее за пояс.

Что делать с полученным списком, он пока не знал, решил только, что обязательно покажет его Рамини, как только представится первая возможность.

— Как по-твоему, Конан? — отвлекла киммерийца от мыслей об именах Телида. — Нас убьют?

Варвар удивленно посмотрел на женщину. До сего момента Телида казалась ему существом, изготовленным из камня.

— Наверняка попытаются, — не стал притворяться киммериец. — Если станем сидеть тихо, то произойдет это не сразу. А продолжим поиски — вынудим убийц торопиться.

— И ошибаться? — ухмыльнулась Телида. — Хорошо, пусть будет второй вариант. Ты же не оставляешь иного выхода. Но только теперь мы будем действовать вместе.

— Не спеши с действием, — оборвал вдову Конан. Он решил продолжать беседу в изначальном ключе, раз Телида так и не надумала впадать в истерику. — Сначала я хочу получить еще одну порцию откровений. Есть что-нибудь, связанное с погибшими браминами, о чем ты умолчала?

— Что может быть с ними связано? — не поняла вдова. — Я могу рассказать тебе о каждом из них в отдельности, но что это даст? Не важно, кем они были. Важно, чем они заинтересовали убийц, что между ним было общего. Но вот этого никто не знает, в том числе, и я. Сначала мне, казалось, что убийца безумец, который действует сам по себе. Очевидной связи между жертвами не было, и начало казаться, что ее и не существует.

— Она должна быть, — убежденно ответил киммериец. — Тонкая, неуловимая, но должна быть обязательно. Браминов убивали не просто так. Хотя кого-то могли препроводить на Серые Равнинны и без видимых оснований, чтобы запутать тех, кто пойдет по следу. И ты, Телида, с завтрашнего утра, а может даже с этой ночи, если будет охота, займешься поисками связи между браминами. У тебя ведь есть возможности, знакомых в столице немало.

— Это у моего супруга были возможности, а у меня — так... Хотя он и без того как-то понял, что грядет нечто связанное с браминами. Иначе стал бы он к ним так часто ходить?

— Посланника уже не вернешь, — жестоко заключил Конан. — Кстати, я понял, что он не делился с тобой подозрениями?

Вдова кивнула.

— Но у него просто была обязана выработа-

ться привычка все записывать. Где он хранил пергаменты?

— Здесь, — радости в голосе Телиды не было. — Я тоже как-то решила, что было бы не плохо в них заглянуть. Но, к сожалению, эта светлая мысль пришла ко мне не так и давно. Когда я разуверилась, что Хамар действовал в одиночку.

— Записи пропали?

Конан почти не удивился очередной неудаче.

— Нет, отчего ж... Я знаю, где они.

— И где же?

— Был еще один человек, который заинтересовался записями. Я просила у Сатти помочи в поисках убийц моего мужа. Он был его другом и казался мне единственным человеком в Айодхье, способным отыскать негодяев. Я не лукавила, когда говорила, что ждала реальной помощи лишь из Аграпура: Сатти обещал, что в обход своих принципов выдаст мне убийц, но я сомневалась, что он на это решится.

— И ты передала ему все пергаменты?

— Личные записи. Те, что хранили тайны туранской империи дождались приемника моего мужа. И дождались...

— Не будем о Шеймасаи! Личные записи — их было много?

— Нет, не очень. Три небольшие шкатулки, вроде той, — Телида указала на маленькую вы-

сотой в пол-ладони и длиной в две шкатулку, что стояла в шкафу неподалеку от киммерийца. — Сама я в них не заглядывала. Боялась отыскать что-нибудь неприятное лично для себя. А Сатти почти сразу же забрал их к себе. Изучать.

— И он разыскал что-нибудь?

— Не знаю. Из последних событий можно сделать вывод, что нет. Если он и добился результата в своих поисках, то лишь перед самой смертью.

— Очевидно. Иначе погиб бы раньше. Ты знаешь, где он жил?

— Да.

— Отлично! Сегодня вечером я нанесу визит в его дом. Может, что-нибудь там и обнаружу. Опиши-ка мне поподробнее те шкатулки.

* * *

*День суда на Хамаром.
Дворец туранского посланника.*

Магов, которых с собой из Аграпура привез с собой Шеймасай, насчитывалось трое. И сейчас все они стояли перед Конаном.

Первого звали Абу. В Туране так могли звать абсолютно любого человека. Киммериец искренне считал, что исключения может быть только

два — императорская семья и колдовская братия. После встречи с Абу-магом Конан и в членах императорской семьи потерял уверенность. Абу был средних лет, среднего роста, среднего телосложения. Внешность его выдающейся тоже назвать было нельзя. Одним словом, ходячее воплощение собственного имени.

Второй был древний старик. Он носил длинную седую бороду и источал странный кисловатый запах. Хотя, возможно, он исходил не от самого мага, а от его нарядов. Звали старика Замаригдид. Говорил он мало и с большим трудом, стараясь использовать в речи короткие слова. Но вот свое длинное и витиеватое имя он выговаривал с завидной легкостью.

Третьему магу для полноты картины надлежало бы быть полноватым юношей с бойким веселым характером. Но при подборе помощников по колдовской части Шеймасай явно руководствовался не гармонией, а какими-то иными мотивами, и потому третий его человек был немолод, как и первые два. Волосы и усы его еще не покрылись благородной сединой, но и без этого было ясно — за его спиной немало прожитых зим. Он хромал, вечно кашлял и был неизменно хмур. Имя его было Наджамаль.

Магов к киммерийцу на доверительную беседу прислал лично Шеймасай. Он на удивление спокойно отнесся к просьбе Конана повидать

магов, что проверяли сознание Хамара. Посол даже не стал интересоваться, зачем сотнику их расспрашивать, если его солдата уже несколько колоколов назад приговорили к повешению, а просто выделил комнату, где киммерийца никто не побеспокоит, и послал за магами.

Конан и сам толком не знал, что он хотел услышать. Из мыслей не шел разговор, который состоялся у него до суда с тысяцким стражей повелителя по имени Тхан.

Страж хвалил киммерийца за то, что тот не избегает ответственности. Вот, он, наверное, и пришел в очередной раз убедиться, что Хамар — подлинный убийца.

— Приветствую вас, мастера, — обратился сотник к магам. — Рассаживайтесь. Не знаю, насколько долгим у нас получится разговор.

Маги молча придвинули к себе стулья и уселись перед киммерийцем. Отвечать на приветствие они не стали. Быть может, посчитали ниже своего достоинства.

— Мне вас представили, — продолжал киммериец, не обращая внимания на вызывающее поведение колдунов. — Мое имя вам тоже должно быть знакомо. Но, на всякий случай, назову еще разок. Конан. Сотник туранской армии — Конан.

— Мы знаем, — отозвался наконец один из магов. Это был Абу.

— Я польщен, — не удержался от небольшой колкости северянин. — Вам известно, зачем вы мне понадобились?

И вновь ответом киммерийцу было молчание.

— Я слушаю вас, — настаивал он.

— Мы не собираемся ничего угадывать, сотник, — сказал Абу. Он выплевывал фразы, не выказывая к собеседнику не малейшего уважения. — Ты отнимаешь наше время.

— Вы его сами у себя отнимаете! — зло ответил киммериец. День у него выдался плохой, а потому желание любезничать с магами испарилось быстро. — Если понадобится выжимать из вас ответы, поверьте, я этим буду заниматься хоть до утра. Но своего я добьюсь в любом случае.

— Спрашивай, киммериец, — предложил Абу.

«Киммериец» в его устах прозвучало как ругательство. Конан едва сдержался, чтобы не наградить его хорошей оплеухой.

— Как вы проверяли Хамара? — задал свой первый вопрос северянин.

— С помощью магии, — сказал Наджамаль и закашлялся.

— Я понимаю, что вы не просто похлопали его по плечу. Но в чем состояла ваша проверка?

— Мы применяли заклятия, — скривил губы

Абу. — Хочешь, киммериец, мы сообщим тебе их текст? Или ты предпочитаешь формулы?

Маг явно пытался спровоцировать северянина, старательно выводил его из себя.

Конан не понимал, в чем причина такого отношения. Однако реагировать на выпады колдуна не спешил.

Когда Шеймасай кричал на сотника и бросался обвинениями, он делал это искренне, ничуть не заботясь о том, как воспримет его слова варвар. Конан порой не мог сдержаться и тоже отвечал нарочито грубо.

Что касается этих чернокнижников, то Кром, совершенно ясно, что именно этого они и добиваются. Зачем-то им непременно нужно вывести из себя варвара. Что ж, тогда придется потерпеть... Уязвить колдуна можно было, лишь сохраняя спокойствие.

— Я хочу знать, как работают заклятья, — сказал Конан. Абу уже открыл рот, чтобы ответить. Наджамаль тоже собирался что-то вставить в разговор. Но киммериец продолжил, не дав им заговорить. — Вы искали следы магии в теле Хамара? Проверяли, как он мыслит? Пытались выяснить, что разум его работает как у обычного человека или в его голове что-то сдвинулось?

— Тебе кто-то подсказал вопросы, варвар? — спросил Абу.

Конан оставил без внимания этот укол и ждал продолжения. Но Абу молчал.

Киммериец начал понимать, почему Шеймасай так легко дал согласие на его встречу с магами.

— Отвечайте, мастера, — настаивал Конан. — И хотя мне уже надоело любоваться вашими кислыми физиономиями, но вы отсюда никуда не уйдете, пока я не буду удовлетворен.

— Ты надеешься помешать нам уйти? — расходился Абу.

— Нет, но если вы уйдете, я потом разыщу вас и переломаю ребра, — хищно улыбнулся в ответ киммериец. — У вас же есть заклятья, мастера, для проверки того, лжет ваш собеседник или нет. Вот проверьте мои слова. И поймите, что я говорю правду...

— Он не лжет, — впервые подал голос Замаригид. — Его мозг неразвит, и он верит в собственные слова.

— Мы знаем, что ты искренен в своем порыве, иноземец, — сказал Наджамаль. Маги словно соревновались между собой, кто придумает больше разных обращений к Конану. — Но я не верю, что у тебя получится осуществить угрозу. И мои братья наверняка в этом со мной согласятся. Однако посланник просил помочь тебе. Мы не хотим его огорчать.

— А ты для нас — никто! — добавил Замаригдид.

Конан перевел взгляд на старика, но тот больше ничего не сказал. Сидел, уподобившись статуе, — недвижимо и вперив глаза в одну точку где-то позади киммерийца.

— Я о вас того же мнения, — сообщил магам сотник.

— Ты нас превратно понял, — вновь снизошел до объяснений Наджамаль. Он казался киммерийцу самым вменяемым из трех вызванных колдунов.

— Ты можешь быть отважным воином, обладать толикой ума, чтобы задавать неглупые вопросы, но ты всего лишь солдат. При иных обстоятельствах в Агропуре маги нашего ранга даже не заговорили бы с тобой, сотник. Быть может, через десять или пятнадцать зим службы ты возвысишься достаточно, чтобы иметь право спрашивать у нас. Но не сейчас. Запомни, мы лишь выполняем просьбу Шеймасаи. И не стоит тебе грубить и угрожать нам.

— Это предупреждение, — сказал молчавший долгое время Абу.

Киммериец даже не посмотрел в его сторону, обращаясь к Наджамалю:

— Вам неприятно мое общество. Мне — ваше. Это нормально. Так может, приложим все силы к тому, чтобы поскорее разойтись?

— Ответьте ему, — важно изрек Замаригдид.

— Хорошо, я расскажу о заклятиях, — сказал Наджамаль. Одновременно он поднял руку, призывая к молчанию Абу, готового вставить возражение. Столь резкий жест не прошел бесследно для хрупкого организма мага. Наджамаль вновь зашелся в тяжелом приступе кашля. Все терпеливо ждали, пока он справится с ним. Когда победа была одержана, турец продолжил объяснение. — Ты пытался задавать разумные вопросы, северянин. Это заметно. Но заметно и то, что в магии ты не силен. Следов в том смысле, какой ты вкладывашь в это слово, в теле и сознании оставаться не может, если над человеком, конечно, работал хотя бы мало-мальски обученный маг. Мы проверяли, изменилась ли у Хамара сопротивляемость различным видам магии. Человек, подвергшийся заклятию, долгое время менее устойчив к воздействию колдовства того же рода. И, наоборот, заклинания противоположной направленности он переносит с большей легкостью. Сопротивляемость Хамара ничем не отличалась от нормы.

— Ее можно уравновесить? — спросил Конан.

— Нет, — ответил Замаригдид. — Если ты не Тот-Амон.

— Хорошо, — не стал спорить киммериец. — А сознание? Как вы проверяли сознание?

— Солгать бы тебе, — сказал Наджамаль. Че-

рез мгновение он расхохотался. От Конана смысл шутки почему-то ускользнул. — Наши далекие предки, судя по манускриптам, что-то понимали в ментальной магии. Может, однажды и потомки сумеют в ней разобраться. Но для нас мысли человека столь же непонятны, как и жизнь глубоководных гадов.

— Надо будет скоротать вечерок в Аграпуре и разузнать побольше о вашей братии. Глядишь, научусь правильно задавать вопросы чернокнижникам.

— Никто тебя не подпустит к подобным сведениям, — за минувший приступ веселья Наджамаль заплатил очередной порцией сухого кашля. Сейчас маг говорил с заметным трудом. — Давай, прекратим тратить время друг друга. Я могу тебе поклясться, что мы испробовали все известные нам методы проверки. Хамара никто не околовывал.

— Думаете он помешался?

— Вполне вероятно, — пожевал губами Наджамаль. — Разве стал бы нормальный человек совершать все эти убийства?

— Но безумие нельзя определить с помощью магии, — киммериец вспомнил слова колдуна о ментальных заклятьях. — Выходит, Вы оценивали его как обычные люди?

— Как ученые люди, — поправил Замаригдид.

* * *

Второй день расследования. Казармы.

Конан не знал, сколько у него времени в запасе.

Дом Сатти мог интересовать не только его самого, но и множество других людей. В первую очередь тех, кто убил тысяцкого. Не стоило забывать и про стражей, которые наверняка уже обратили внимание на исчезновение Сатти. Возможно, были и те, о которых он даже не подозревал. Мало ли кому могло прийти в голову воспользоваться случаем и покопаться в тайниках одного излишне любопытного вендийца.

Шансов, что киммерийца опередили было немало. Но было кое-что, что вселяло надежду в сердце Конана. Ведь Сатти жил в центре города, на улице где всегда полно народа. Вряд ли бы самый отчаянный злоумышленник рискнул забраться туда при свете дня.

Но сейчас Колесница Митры уже практически скрылась за горизонтом: у Телиды Конан провел около колокола.

Оставалось наведаться в казармы, определиться, что делать с Амьеном. Шеймасай не сказал, когда именно он пришлет мага, но Конан надеялся, что уже сегодня.

Надежда его оправдалась. Уже у ворот караульные оповестили Конана, что его дожидается гость.

— Сотник, полколокола назад прибыл маг от Шеймасай, — доложил один из туранцев, несших дежурство. — Хасан встретил его и отвел в дом, но колдун заявил, что желает говорить только с вами.

— Я понял, — кивнул киммериец.

Внутри дворца Конан быстро выяснил у солдат, куда именно отвел мага Хасан. Десятник не стал ничего выдумывать и оставил колдуна ожидать киммерийца в зале для приема гостей.

Чтобы маг, ожидая возвращения сотника, не ощущал неудобств, слуги принесли в залу несколько больших блюд с кушаньями и два кувшина с вином.

Но Наджамаль, а это, к радости киммерийца, был именно он, даже не подумал притронуться к угощению. Одет маг был наряднее, чем во время прошлой их встречи. Его худая фигура была задрапирована в просторный хитон из черного блестящего сукна, пронизанного золотыми нитями. Конан подумал, что днем Наджамаль в этом балахоне просто бы сварился, хотя может быть, чернокнижники не ощущают жару так, как обычные люди. Шапки не было, но волосы были скреплены непонятной субстанцией, от которой шел тяжелый запах розового масла.

Услышав шаги вошедшего в залу киммерийца, Наджамаль оторвал взор от созерцания пола и тут же зашелся в приступе кашля.

Конан вежливо дождался, пока его гость справится с приступом, и только после этого его поприветствовал.

— Рад видеть тебя, маг, — сказал северянин.

— Пожалуй, ты искренен. — кивнул колдун. — Визит Абу или Замаригдида вряд ли бы больше пришелся тебе по душе. Шеймасай просил осмотреть одного из твоих солдат.

— Это все, что он сообщил тебе? — попытался уточнить киммериец.

— Что ты имеешь в виду?

Конану показалось, что удивление, которое он увидел на его лице, было нарочитым.

— Он мог сказать, чтобы ты осмотрел солдата, — ответил северянин. — Но мог добавить еще что-нибудь. И тогда получается, что о чем-то ты умолчал, чернокнижник. Вот что я имел в виду, задавая вопрос.

— Ты дерзишь мне, киммериец, — поморщился маг.

— Абу я бы уже дал в зубы, — признался Конан. — На прошлой встрече ты показался мне самым разумным из вашей троицы. Так не заставляй меня разочаровываться. Я должен знать, что именно рассказал вам Шеймасай. Это касается интересов Турана.

Наджамаль прокашлялся.

— Интересов Турана? — спросил он.

— Ты правильно понял, — кивнул варвар.

— Ты лжешь и при этом осмеливаешься прикрываться Тураном?!

Наджамаль приподнялся из кресла. Лицо его сделалось красным от ярости. Несколько мгновений он хватал воздух широко открытым ртом. Конан не понял, было ли это следствие гнева или же маг в очередной раз пал жертвой своей болезни.

— Ты в порядке? — осведомился киммериец.

Не хватало еще посыпать за другим лекарем, чтобы спасти этого.

— Нет! Неужели не заметно? — тяжело вздохнув, выговорил маг и опустился назад в кресло. — Я умираю. Совсем скоро, сотник, ты со своими людьми будешь собирать сучья для моего погребального костра. И, само собой, меня это огорчает. Так что я не в порядке, киммериец.

— Мое сочувствие вряд ли утешит тебя, маг, — отрезал Конан. — Но пожелаю тебе не отправляться на Серые Равнины, до той поры пока я не покину Айодхью. Не хочу иметь дело с Абу.

— По крайней мере, честно, — усмехнулся колдун. — Я, пожалуй, погорячился, когда назвал тебя лгуном. Но сути сказанного это не ме-

няет. Ты говоришь, что защищаешь интересы Турана, а сам утаиваешь нечто, связанное с твоим солдатом.

— Нергал тебя забери! — выругался Конан и тут же сообразил, что, учитывая болезнь мага — это прозвучало двусмысленно. Но извиняться было глупо. — Наверняка мы оба знаем все об Амьене, только признаться в этом друг другу не хотим! Не такой глупец Шеймасай, чтобы не рассказать тебе все, что ему известно.

— Ну, так ответь мне, что стряслось с этим самым Амьеном?

— Почему бы тебе не сделать это первым?

— Вечноживущий Тарим, как же мне надоела вся эта болтовня, — закатил глаза Наджамаль. — До встречи с тобой я был уверен, что северные варвары скучны на слова. Но хорошо, будь по-твоему! Мне известно, что солдат по имени Амьен вернулся от фансигаров с разумом чистым, как белая лилия. И теперь его рассудок пуст, словно покинутое жилище. А мне необходимо постараться понять, что же именно с ним стряслось и можно или это исправить...

— И стоило плести словеса так долго? — зло выговорил киммериец.

— Я хочу, чтобы ты понял, как надлежит общаться с магами, — объяснил туранец. — Только боюсь, это бессмысленно. Ты самовлюблен и упрям, как осел.

— Если бы я был ослом, — усмехнулся Конан, — то отлично понимал бы магов, словно родных братьев.

— Да, нужно было попросить Абу заняться солдатом, — как бы в сторону пробормотал маг.

— Не надо, — возразил варвар. — С тобой можно разговаривать по-человечески. С ним — нет! Просто веди себя достойно.

— Может наложить на тебя легкое заклятье немоты? — прищурился маг, — тогда ты, наконец, замолчишь, и мы сможем заняться делом?

Конан расхохотался.

— Стоит только тебе начать колдовать, как я сразу сверну тебе шею. Так что насладится моим молчанием, тебе не удастся! Но ты прав, наши распри никуда не приведут — пойдем взглянем на несчастного!

И они отправились в комнату десятника.

Когда сотник и колдун вошли в комнату, больной спал.

Хотя, надо признать, в его положении заняться чем-то еще было бы затруднительно.

— Недурственно вы его спеленали, — Наджамаль тоже по достоинству оценил положение Амьена.

— У меня не оставалось выбора, — пожал плечами киммериец. — Договориться с ним не получалось. А я не мог допустить, чтобы другие солдаты узнали, что стряслось с их товарищем.

— Правильно, — кивнул Наджамаль. — Если выясниться, что он и впрямь безумен, то самое разумное будет его убить.

— Кром, сегодня я только и слышу советы умертвить несчастного. Выходит, что туранцы куда кровожаднее северных варваров. Потому что, выходит, я единственный, кто противится его смерти.

— Понимаю, — кивнул Наджамаль. — Ты слишком молод, чтобы слушаться доводов разума. Предпочитаешь доверять сердцу. Что ж, пока ты не изменишься, так и останешься жалким сотником.

— Значит, такова моя судьба, — не стал спорить северянин. Амьен, разбуженный разговором, проснулся и с интересом разглядывал мага, время от времени кидая опасливые взгляды в сторону киммерийца. — Может, наконец, приступим к делу? Надо его развязать?

— Просто посади его, — сказал колдун. — Этого будет достаточно. Сделать бы еще как-нибудь, чтобы он смотрел мне в глаза...

— Могу подержать голову, — предложил Конан.

— Сделай так, киммериец! — согласился Наджамаль.

Варвар подошел к Амьену. Тот, похоже, не понял ничего из разговора, но вид надвигающегося на него северянина его смущил. Он задер-

гался и попытался отползти в сторону, но веревки не позволили ему этого сделать.

— Спокойно, спокойно, — заговорил с ним Конан.

Он отвязал десятника от кровати, одной рукой придерживая за плечо, чтобы тому не вдумалось убежать или броситься на мага. После этого он аккуратно усадил его на край лежанки.

— Готово, маг!

Наджамаль приблизился к больному. Амьен, предчувствуя недобро, замычал и задергался. Но Конан крепко прижимал к себе десятника правой рукой, а левой крепко держал его голову, повернутую в направлении колдуна.

Колдун коротко кивнул киммерийцу и начал читать заклятья. На слух это немного напоминало звучание наречия гирканских кочевников. Конан воспринял это, как добрый знак: насколько он слышал, темные заклятья чаще всего составлены из кхарийских или стигийских слов.

Амьен ворожбу переносил совершенно спокойно. Слова Наджамаля его будто убаюкали. Он перестал дергаться, и не пытался отвернуться от мага.

Колдовал Наджамаль недолго. Через десятую часть колокола он прекратил творить заклятья. И тут же зашелся в сильнейшем приступе кашля. Мага так трясло, что он не устоял

на своих больных ногах и свалился на пол. Конан не знал, что ему делать: бросаться на помощь колдуну или продолжать держать Амьена.

— Все в порядке, — Наджамаль поднял ладонь, показывая киммерийцу, что справится сам.

— Ты закончил? — спросил Конан.

— Да, можешь отпустить его, — ответил маг. Кряхтя, он поднялся с пола, опираясь одной рукой о кровать. — Его рассудок пуст.

— Разум уже не возвратится к нему? — нахмурился киммериец и сложив ноги по-турански, сел на пол.

С этими словами он уложил больного и проверил — хорошо ли держится кляп.

— Его мозг словно бесплодная пустыня, — присел на кровать Наджамаль. — Вряд ли его даже удастся научить разговаривать. В лучшем случае он сможет самостоятельно есть, пить иправлять нужду. Кто-то обрушил на его голову мощное заклятье. Все воспоминания стерли напрочь.

— Еще можешь что-нибудь сказать? — поинтересовался Конан.

— Работал новичок или невежда, — ответил маг. — Во всяком случае, складывается такое впечатление. Заклинание применено сильное, как будто некто не был уверен в собственных

возможностях и решил перестраховаться. Правда, его происхождение я так и не определил...

Тут Наджамаль о чём-то задумался, потом вспомнил, что не закончил фразу и продолжил:

— Так вот, заклятье вышло хоть и сильное, но небрежно сконструированное. Следов магического воздействия на этом бедняге — хоть отбавляй. Опытный колдун не стал бы попусту расходовать свои силы и не стал бы оставлять такие явные следы.

— Или, — возразил киммериец, — если бы хотел создать видимость, что действовал новичок.

— Здесь остается только гадать, — развел руками колдун.

— А если тебе ненароком встретится магия колдуна, который лишил Амьена разума, — спросил Конан, — ты сумеешь ее узнать?

— Эрлик и его пророк Тарим, ты смыслишь в магии еще меньше, чем я предполагал, — вздохнул Наджамаль. — Заклятье это не печать нобиля и не клеймо ремесленника. В самом лучшем случае я смог бы сказать — к какому типу магии принадлежит то или иное колдовство. Но определить чернокнижника, который навел порчу на твоего солдата не смогли бы определить и боевые жрецы Белой Руки. Что уж говорить о нас, скромных чародеях на службе у императора Илдиза.

— Что ж, хорошо уже то, что из Амьена не сделали беспощадного убийцу или не разместили у него внутри личинку демона.

— Теперь еще раз поразмысли над моими словами, киммериец. Если ты отдашь приказ задушить его шнурком во сне, то избавишь себя от многих проблем.

Конан встал.

— Я распоряжусь, чтобы тебя проводили.

— До ворот.

Конан только был рад последним словам колдуна: ему не хотелось отпускать солдат в город.

Они с магом покинули комнату. Наджамаль сильно хромал, и Конан поддерживал его за локоть.

Вскорости колдун был перепоручен двум воинам. Конан попрощался с Наджамалем, и отправился искать Хасана с Масулом.

Первым нашелся султанапурец.

— Хасан сказал, что от Шеймасая приходил некий человек, — обратился он к Конану. — Это был настоящий лекарь или лицедей, выдающий себя за него?

— Настоящий, — сказал киммериец. — Но не лекарь, а маг.

Северянин посмотрел по сторонам — не подслушивает ли их кто-нибудь, и на всякий случай понизил голос.

— Наши подозрения подтвердились. Колдун сказал, что его лишили разума с помощью магии. Но боги разгневались на несчастного и излечить его не удастся.

— По-своему это неплохо, — потер подбородок Масул. — Ведь заговори он, у нас могли бы возникнуть неприятности. Кстати, колдун не мог тебя обмануть и утаить правду?

— Ну, и вопросы у тебя! — усмехнулся киммериец. — Кто ж их, сынов Сета, разберет?! Хорошо, проследи за порядком, проверь посты, а мне придется отлучиться. У меня есть дела в городе. Управишься?

— Управляюсь. Ты вернешься сегодня или уходишь на всю ночь?

— Пока не знаю, — честно ответил киммериец. — Рано или поздно вернусь.

— Ладно, удачи. Пусть Эрлик будет милостив к тебе, киммериец!

Северянин про себя подумал, что сейчас не только ему, но и всей сотне, очень нужно, чтобы удача навестила их хотя бы ненадолго.

Солдаты во дворе равнодушно провожали взглядами направляющегося к воротам киммерийца. Им уже надоела эта страна и этот город. Они желали поскорее возвратиться назад в Агралур, где их ждали родные, друзья и подруги. Теперь только от Конана зависело, когда сотня отправится домой. После гибели Сатти Тे-

лида не решилась бы и дальше затягивать отъезд. Но киммериец не мог покинуть Айодхью до той поры, пока не отыщет тех, кто использовал Хамара и убил браминов. Значит, турецким придется еще немного пожариться под вендейским солнцем.

Но среди солдат был еще один человек, который отнюдь не торопился вернуться в Туран.

Бернеш возник перед киммерийцем сразу, как только тот завернул за угол.

Варвар не останавливаясь, проследовал дальше.

Бастард пристроился рядом.

— Не хотел дожидаться тебя в казарме.

— Ты следил за мной? — строго спросил северянин.

— Не совсем, — многозначительно ответил Бернеш. — Просто я выжидал, когда ты заглянешь в казармы. Потом дождался, пока ты выйдешь. Кстати, я заметил, что в гостях у нас побывал маг Шеймасай. Он приходил к тебе?

— Послушай, Бернеш, — сдвинул брови черноволосый варвар, — если до сих пор я еще не укоротил твой длинный язык, то только потому, что без него тебе будет трудно отдавать приказы солдатам. Но, клянусь Кромом, ты испытываешь мое терпение. Скажи на милость, какая тебе разница: зачем приходил маг? Может от разгонял с помощью колдовства крыс в под-

вале, а может — сводил бородавку на спине кого-то из десятников. Тебе что за дело?

Бернеш улыбнулся.

— Да уж, без языка я бы чувствовал себя куда хуже. Как-то я привык к нему за те зимы, пока мы вместе. Но позволь узнать — куда ты направляешься в столь неурочный час? И не покажется ли тебе разумным, если я предложу сопровождать тебя. Да простят боги мою настойчивость, но чем меньше туранцы будут расхаживать в одиночку по этому городишке, тем лучше.

— Ладно, ступай за мной, — махнул рукой северянин. — Глядишь, мне и впрямь понадобится помочь.

Конан помнил, что за плечами этого выскочки немалый боевой опыт. Конечно, Бернеш не ровня тому же Хамару, чей дух ныне скитается по Серым Равнинам, но все же, как знать, может быть в жилище Сатти лишняя пара рук и впрямь не помешает.

— Я согласен, — выпалил Бернеш. — Куда мы направляемся.

— В место, где хранятся секреты, — сказал Конан. — Лучше будет, если мы доберемся туда первыми и уйдем, пока не появились другие искатели тайн.

— Говоришь загадками, — фыркнул бастард.

Вслед за Конаном он прибавил шаг.

Народу на улицах осталось уже мало, и можно было идти без боязни на кого-нибудь наткнуться.

— Долго объяснять, — ответил киммериец. В самом деле, захоти он поведать историю своих похождений в Айодхье, на это бы ушло самое меньшее два поворота клепсидры.

— Но сколько-то времени у нас есть в запасе, — не сдавался Бернеш.

— Боги, вы испытываете меня, послав этого человека, — простер руки к небу варвар, — хорошо, сын Бела. Я понимаю, что ты все равно, не отстанешь. Спрашивай. Расскажу что успею.

— Надеюсь, после того места, куда мы направляемся, — заметил туранец, — у нас будет и время, и возможность поговорить поподробнее... А сейчас я спрошу тебя то, что мне давно не терпится узнать. Какая связь между твоим назначением и помешательством Хамара?

Такого вопроса киммериец не ожидал. Ему даже и в голову не приходило, что кто-то может попытаться связать его, Конана, назначение с тем, что Хамар в Айодхье сошел с ума и принял резать браминов.

— А почему ты думаешь, что это связано?! — остановился варвар.

— Подумай сам, — не смутился бастард. — Первый: тебя послали в Вендию с какой-то неизвестной мне целью, которая важна ни много,

ни мало для благополучия всего Турана. Поверь, увидеть северного варвара во главе сотни почётного сопровождения для вендейцев было настоящим ударом. У туранской империи должны были быть веские основания, чтобы поставить во главу отряда чужеземца, который даже не слыхивал о заветах Тарима.

Конан между тем подумал, что недооценил хитроумие властителя Турана. Ведь даже его собственные десятники не сомневались, что северянин послан в Вендию неспроста. Тогда легко представить, что творилось в головах у подданных мехараджуба. Выходит, что Конан, сам того не подозревая, служил живой приманкой для неведомых врагов. Ведь тот же Сатти, скорее всего, погиб именно из-за того, что взял к себе в конфиданты непонятного туранского сотника.

Только вот неясно, что нужно делать с этими неизвестными противниками. Кром, как же легко на поле сражения, когда ты стоишь лицом к лицу с недругом. Как хорошо, когда стала ударяется о сталь, свистят стрелы и храпят кони. Конан понял, что соскучился по настоящей битве. И все эти хитросплетения в жаркой стране, притавшейся за грядой гимелианских гор, были ему не по нутру. Кроме того, в отличие от окружающих, киммериец понимал, что он знает чересчур мало.

— И второе, — продолжал тем временем Бернеш. — Туранский солдат вершит в столице чужой державы кровавую расправу. Можно ли предполагать, что для осведомленного о многом сотника это такая же неожиданность, как и для всех прочих?

— На что ты намекаешь? — насупился Конан. — Уж не хочешь ли ты сказать, что я имею отношения к расправе над браминами?

— Я ни на что не намекаю, — замахал руками десятник. — Я пытаюсь рассуждать о том, что знаю.

— Тогда, поразмысли еще вот о чем, — хмыкнул киммериец. — Третье. Заменивший Газила, десятник Амьен вероятно связан с фанси-гарами. А когда у меня, а, я думаю, что еще и у местных стражей накопилось достаточно оснований, чтобы допросить его, некий неизвестный маг, стирает его память. Что скажешь на это?!

— Что это очень интересно, — усмехнулся Бернеш.

Через пару терций Конан пожалел, что сговаряча сболтнул лишнее. Не стоило рассказывать ему правду об Амьене да еще добавлять про мага, что над ним поработал.

Случайно или нет, но вышло так, что туранец легко вытянул из него нужные сведения.

— Позволь еще вопрос.

— Ладно, спрашивай.

— Расскажешь, что именно тебе поручили в Аграпуре?

— Мне запрещено об этом говорить.

— Ты должен был отыскать убийцу нашего прежнего посланника?

Киммериец вздохнул.

— Пожалуй, я пропустил момент, когда тебе следовало укоротить язык. Впрочем, и сейчас не поздно. Особенno после того, как ты узнал немало лишнего. Но будь по-твоему, скажу тебе, что властителям Турана было бы интересно это выяснить.

— Вот я слушаю тебя, варвар, и не перестаю удивляться. Мне всегда казалось, что Киммерия — это дикое место, где суровые воины в звериных шкурах охотятся на горных козлов. Все твои соплеменники, которых я встречал раньше, годились лишь на то, чтобы размахивать дубинами и хлебать вино в портовых тавернах. А вот твои речи заставляют поверить в то, что разумные люди встречаются и в тех странах, где неизвестно учение Эрлика и Тарима.

— Знаешь, моя разумность не помешает мне пересчитать твои ребра, — сообщил Конан, — и меня останавливает только то, что нам следует спешить. Впрочем, зная тебя, турланец, думаю, что ты еще не раз дашь для этого повод.

— Ладно, сменим тему, — замахал руками Бернеш, опасливо косясь на огромные кулаки

варвара. — Скажи хотя бы, куда именно мы идем?

Киммериец подумал, что на этот вопрос, пожалуй, можно ответить.

— Я знал одного вендейца, — сказал Конан. — Он пытался отыскать убийца нашего посланника и доискаться до причин резни, устроенной Хамаром. Но сейчас он мертв. А в доме у него могли сохраниться свитки с записями. И мне было бы любопытно в них заглянуть...

— Откуда тебе известно, что он мертв? — Бернеш задал вопрос, но, глянув на киммерийца, и поняв, что тот не собирается отвечать, задал другой. — Я имею в виду, как давно гуляет по городу известие о его гибели? Могу предложить, что он умер не от черного моря и не от скопления гноя в сердце. А если он погиб от руки злодеев, то велики шансы, что нас могли опередить?

— Кром, у тебя, турланец, просто дар задавать неудобные вопросы! Мы почти пришли, так что не пройдет и трех терций, как ты все узнаешь на собственной шкуре.

По его прикидкам до дома Сатти оставался всего один квартал. Если, конечно, он не перепутал ориентиры, о которых говорила Телида.

На улице было тихо. Только ветер играл листвой, издалека доносилось эхо людских голосов, где-то лаяли собаки. Варвар осмотрелся:

вокруг никого не было, что для Вендии было редкостью.

Конан переместился к правому краю улицы, увлекая за собой приумолкшего Бернеша. Дома на этой стороне стояли неровно, и двух путников в тени было различить не столь просто.

Так, тихо крадучись, они подобрались к жилищу Сатти.

Это было двухэтажное строение, которое выглядело довольно необычно. Кладка дома казалась крепче, чем у соседних домов. Чувствовалось, что хозяин заботится о собственной безопасности. Но, главное, в доме почти не было окон. Те, что имелись, располагались на уровне второго этажа, и были чрезвычайно узкими. Собственно, они больше походили на бойницы, нежели на окна.

Да, Сатти явно рассчитывал без хлопот дожить до старости...

Киммериец подумал, что зря он не принял в расчет то обстоятельство, что тысяцкий мог озабочиться не только крепкими замками, но и магической защитой. Сейчас он думал, что если им повезет и они смогут проникнуть внутрь, то уже одно это можно будет считать удачей.

Бернеш дернул киммерийца за рукав.

— Тебе это ничего не напоминает? — шепотом поинтересовался он у Конана.

— Что именно?

Его мысли были целиком заняты защитой дома, и он не смог так сразу разобраться, о чем говорит десятник.

— Улица совсем пуста, — поежился Бернеш. — А такое — большая редкость для Айодхьи. Всегда кто-то крутится под ногами, просит милостыню, молится своим божкам, крадет лепешки или спит в тени. Но вспомни, когда Хаммар убивал вендийцев, рядом с их домами тоже царило безлюдье.

— Это совпадение, — не согласился Конан.

Записи тысяцкого и бывшего посланника (если они, конечно, существовали), конечно, представляли из себя лакомый кусок, но вряд ли стоило сравнивать проникновение в заброшенный дом с охотой на браминов.

— Пожалуй, — кивнул Бернеш, немного удивив северянина тем, насколько он быстро отказался от своих слов. — Как будем пробираться внутрь?

— Я могу попробовать влезть в окно. В Заморе мне доводилось проделывать и не такое. Хотя, конечно, тогда я был помоложе, — промолвил варвар.

— Это разумно, — кивнул Бернеш, — но я предложил бы начать с двери. Как знать, может хозяин был настолько гостеприимен, что не имел привычки ее запирать?

Конан пожал плечами.

Туранец подошел к двери. Потянул на себя. Разумеется, ничего из его затеи не вышло. Дверь оказалась заперта.

Конан хмыкнул.

Бастард развел руками и развернулся, чтобы вернуться с варвару, стоящему поодаль, как вдруг дверь распахнулась. Из нее в синие сумерки брызнул теплый желтый свет.

Что-то прошепестело и Бернеш, коротко вскрикнув, повалился на землю.

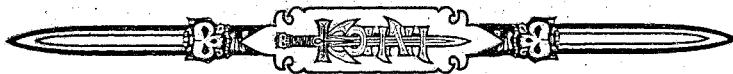
Времени на раздумья у киммерийца не оставалось. В два прыжка он долетел до входа, успев сунуть ногу в щель, чтобы не дать двери закрыться. Краем глаза он заметил, что Бернеш корчился от боли. По крайней мере, он был жив.

Пока.

Варвар присел и рванул дверь на себя. Та распахнулась и над головой Конана просвистел клинок. Удар был настолько силен, что лезвие с хрустом вошло в косяк и застряло в мягкой древесине.

Воспользовавшись неожиданным преимуществом, варвар что есть сил двинул кулаком туда, где по его представлениям, должна была находиться голова нападавшего. Раздался противный хруст и чмокание, а потом удар упавшего тела.

Конан подул на ушибленные кости руки и выхватил меч.

Внутри в доме послышались удаляющиеся шаги. Тот, кто коварно поразил Бернеша, явно не хотел меряться силами с пришедшими.

Раненый уже не стонал. Но времени заниматься бастардом у киммерийца не было: следовало разобраться с незваными гостями прежде, чем те приготовятся отразить нападение.

Перешагнув через тело, беззвучно ступая, словно огромная кошка, Конан крадучись направился на поиски второго. Внутрь дома вела небольшая анфилада, где прятаться было негде. Значит, неизвестный скрывался в ее конце, за резной дверью. Подойдя вплотную, варвар что есть сил, саданул по двери ногой, моля Митру, чтобы она открывалась не в противоположную сторону. И хотя Огненноликий уже явно не распоряжался земными делами, коротая ночь в небесном чертоге, удача не отвернулась от северянина. Дверь отворилась и навстречу ему не выпетела стрела или порция пыльцы черного лотоса.

Здесь, как и в предыдущем помещении, чадили масляные светильники. Вся комната была разворочена. Явно предшественники Конана также надеялись обнаружить что-нибудь любопытное в доме мертвеца.

Вдруг наверху послышался шум. Конан поднял голову и прислушался.

Раздались торопливые шаги и через пару

мгновений на витой лестнице, ведущей на второй этаж, появились двое вендейцев в кольчугах. В руках они сжимали увесистые махайры с волнообразными лезвиями. Шлемов на воинах не было и когда они вышли из тени и на их лицах заиграли отблески света, Конан узнал гвардейцев, что пленили его у дворца махараджуба.

Вендейцы чуть замешкались: выйдя из темноты и оказавшись на свету, они на какие-то доли мига потеряли ориентацию. Явно вендейцы сидели на втором этаже в засаде и их глаза привыкли к темноте.

Киммериец отскочил в сторону, опрокинув свободной рукой тяжелый стул. Один из гвардейцев сделал выпад в сторону киммерийца. Беспорядок, царивший в помещении, был на руку северянину — его враги не могли окружить его с двух сторон, не рискуя споткнуться о осколки разбитой посуды, обломки мебели и изрезанные ковры.

Тем временем Конан схватил плошку с кипящим маслом и плеснул в лицо ближайшему воину. В глаза ему попасть не удалось, но дымящиеся капли обожгли шею и вендейц зашипел от боли. Варвар сделал обманное движение, делая вид, что тянется за другим светильником, и когда второй гвардеец рванулся вперед, рубанул мечом того по переносице. Вендейц встал как вкопанный, как будто передумал нападать,

потом покачнулся, с удивлением посмотрел на крупные темные капли крови, падающие с его лица на плитки пола и рухнул навзничь.

Второй рванулся ему навстречу. Конан сделал обманное движение. Ему очень не хотелось скрещивать свой клинок с тяжелыми махайрами — при неудачном стечении обстоятельств вендейц мог просто перерубить его меч. Правда, обычно для этого использовались специальные короткие клинки, которыми славились гирканцы, но все равно рисковать не стоило. Махайра со свистом разрезала воздух. Варвар тряхнул черными волосами. Конечно можно было подождать, пока противник, облаченный в кольчугу устанет махать своим тяжелым оружием, но кто поручится, что через пару терций сюда не сбежится вся улица.

А потому следовало поспешить.

Варвар сделал обманный жест, делая вид, что метит противнику в горло, а когда тот поднял клинок, резко присел и рубанул его по коленям. Киммерийский клинок был длиннее, чем махайра и вендейца удалось слегка зацепить. Брызнула кровь и его противник зарычал от ярости.

— Ничего, ничего, — примирительно сказал Конан, — я научу вас, отродье Нергала, подлинному гостеприимству. Виданное ли дело кидаться с мечами на человека, постучавшего в дверь,

словно на конокрада, утащившего лучшего скакуна из конюшен мехранджа.

С этими словами он схватил за ножку круглый столик, на поверхности которого были вырезаны элефантусы и танцовщицы, действуя им, как щитом, двинулся на вендийца.

Расчет оказался верным. На третьем ударе махайра застряла в столешнице, и Конан мгновенным выпадом пронзил врагу горло.

— Все-таки у тяжелых клинков есть свои неудобства, — пробормотал варвар, обматывая себе лицо обрывком шелковой занавеси, — иначе мне бы не удалось повторить одну и ту же уловку дважды за один поединок. Меч следует затачивать с обеих сторон, глупые смуглолицые обезьяны, тогда может у вас когда-нибудь и появится шанс победить в честном бою воина с Заката.

Гвардеец на полу внезапно захрипел и дернулся. Киммериец пожал плечами и, не прерывая своего занятия, ударил его ногой в висок. Наконец он обмотал материей лицо, оставив только глаза. Конан не жаждал повторить участь Бернеша. Явно в того попали пыльцой ядовитого лотоса, а обладатель этого оружия мог сейчас затаиться в ожидании, когда киммериец войдет в комнату.

Но иного выхода у него не оставалось. Необходимо было двигаться дальше.

Он повторил тот маневр, что уже совершил внизу: быстро вошел и тут же отпрыгнул в сторону. И вновь на него никто не напал.

Конан осмотрелся. В комнату через открытую дверь проникало немного света с первого этажа. На первый взгляд внутри никого не было. Но враг вполне мог спрятаться под ложем или за занавесями, которых тут было в избытке. Киммериец уже собрался проверить все места, где мог прятаться оставшийся враг, как вдруг услышал шум на улице.

Подойдя к окну, северянин увидел фигуру, бегущую по улице. Сомнений не оставалось: третий противник решил покинуть поле боя. Конан прищурился, заметив, что за спиной у бегущего колышется мешок.

Следовало признать, что в нем явно были не лепешки или сухая ягода, приготовленная на ужин. Явно его опередили и злоумышленники успели поживиться в доме Сатти.

Конан прикинул расстояние и понял, что бросаться в погоню уже поздно.

Как, скорее всего, поздно и проверять тайники в доме Сатти. Вендийцы опередили его и на верняка забрали с собой все, что представляло интерес.

Следовало вернуться назад и посмотреть, что стало с первым нападавшим. Вряд ли киммериец убил его одни ударом. Скорее всего,

бедолага просто лежит без чувств. А это значит, что он сможет поведать что-нибудь любопытное о своем пристрастии к жилищам погибших горожан.

Перешагивая через разбросанную по полу утварь и морщась от хруста черепков под ногами, варвар двинулся к выходу.

Как он и предполагал — его первый противник лежал в луже собственной крови и слабо стонал. Явно у него был сломан нос. Кроме того, при падении он хорошо приложился затылком о каменные плиты пола.

Но все это не могло помешать киммерийцу, поболтать с ним о сегодняшнем вечере.

Конан прикинул, что сколько-то времени у него в запасе оставалось. А теперь надо было посмотреть, что случилось с Бернешом. Если сумасбродный десятник скончался, лучше было поскорее втащить тело в дом.

Но до входной двери дойти ему было не суждено. Как только киммериец спустился с лестницы, он увидел перед собой тень.

Тут же он вспомнил, что забыл выпить очередную порцию эликсира. Северянин потянулся к сумке, притороченной к поясу. Но достать эликсир он не успел. Руки и ноги перестали его слушаться и киммериец медленно сполз на пол по стене. Невидимые пальцы обхватили его горло и начали душить. В этот раз тень действовала

ла куда медленнее, чем во время первой их встречи в покоях сотника. Конан чувствовал, что она умышленно держит его на грани между жизнью и смертью, и у него не было никаких шансов избавиться от ее цепких объятий.

Тень долго выжидала, выбирая момент, и теперь сполна наслаждалась заслуженной победой. Тут Конан, сквозь пелену, застилавшую ему глаза, различил Бернеша ползущего по полу. Тень пока что его не замечала, поглощенная муками северянина.

Конан, собрав последние остатки сил, показал на сумку. Оставалось надеяться, что Бернеш правильно истолкует его жест.

Время текло невероятно медленно. Тень мучила киммерийца, а бастард еле двигался. Конан чувствовал, что вот-вот не выдержит, и сердце его остановится.

Но он еще крепче сжимал зубы и терпел. Наконец, десятник добрался до поверженного киммерийца. Тварь его не заметила.

Бернеш правильно понял, что хотел показать ему киммериец. Он размотал тесемки сумки, засунул руку и, пошарив, извлек на свет пузырек с декоктом. Счастье, что в сумке не было больше ничего, что сошло бы за средство борьбы с демонами.

Едва бастард вынул из пузырька пробку, как тень отлетела прочь.

Киммериец сразу почувствовал себя лучше. И тут же ему в голову пришла одна шальная мысль.

— Прикрой слегка пробку, — попросил он Бернеша. — Давай, за ней понаблюдаем.

— Ты неисправим, киммериец, — вздохнул бастард, — но воля твоя!

Он заткнул пальцем горлышко, чтобы эликсир не проникал в воздух комнаты.

— Смотри, — произнес киммериец.

Тень медленно вползла в комнату. Двигалась она медленно, по дальней от воинов стене. Конан чувствовал, что она страшится.

Он не ошибся: существо, что охотилось за ним, обладало и разумом, и чувствами. Оно напоминало своим поведением даже не животное, как считал раньше киммериец, а человека.

Медленно переползая со стены на стену, тень добралась до поверженного Конаном стражника. Конан попробовал приподняться, опасаясь, что существо может умертвить пленника, и уже собрался приказать Бернешу вновь откупорить эликсир, как вдруг вендиец открыл глаза.

Затем он медленно поднялся на колени и бросил взгляд на солдат.

* * *

На второй день после пятого убийства. Храм Иштар.

Конан подошел к воротам, ведущим к храму Иштар, в жаркий полдень.

Больше всего киммерийцу хотелось выпить прохладного вина. И уж тогда, насладившись напитком, можно было развлечься с Рамини.

Любовные утеш с вендией доставляли ему удовольствие. Жрица была искусна в страсти. Единственное, чего на вкус варвара недоставало Рамини, так это той наигранной невинности, что была в избытке у Залиль.

— Мир вашему дому, — сказал Конан двум верзилам, стоявшим на страже у ворот.

Те поклонились в ответ.

Киммериец усмехнулся и прошел во двор. Посетителей перед храмом видно не было. Жара отпугнула всех желавших поклониться статуе Иштар. Разве что внутри храма кто-нибудь мог предаваться любви со жрицей.

Возможно даже, что с Рамини. Интересно, как вендиек отреагировала бы, вздумай он вышвырнуть страждущего с ложа и самому занять его место...

— Приветствуя тебя, о воин. Рада видеть тебя у нас в храме, — это одна из жриц выбежала навстречу.

Северянин припомнил, что девушку вроде бы звали Махира. Несколько раз она была с ним

и Рамини. Больше ничего о ней Конан сказать не мог.

— Хорошо, когда тебя так встречают, — расхохотался киммериец.

— Ты здесь самый желанный гость! — заявила девушка. — Только вот Рамини сейчас нет в храме, она ушла в город. Но я надеюсь, ты останешься?

Конану как-то не приходило в голову, что жрица может отсутствовать. Ему казалось, что служительницы богини никуда не отлучаются из святилища. Но, в конце концов, разве это повод, чтобы отказываться от холодного вина и общества слизливой Махиры?

Как и большинство жриц Иштар, девушка была очень красива: высокая, смуглая, с длинными черными волосами и красивой упругой грудью.

— Если ты готова меня чем-нибудь занять, — прищурился северянин, — то я, пожалуй, готов побывать здесь. Или ты сегодня не принимаешь поклонников Иштар?

— Ты — не поклонник Иштар, сотник, — улыбнулась жрица.

Махира приблизилась к киммерийцу и жарко поцеловала его в губы. Рука ее бесстыдно коснулась чресел варвара.

Когда северянин начал в ответ ласкать жрицу, она грациозным движением выскользнула,

отстранилась от него, и, сделав шаг по направлению к храму, поманила сотника пальцем.

— И все же отказать тебе я не смогу, — закончила она свою предыдущую фразу. — Идем ко мне.

Киммериец не стал спорить и вошел в храм вслед за девушкой.

— Хочешь пригласить еще кого-нибудь? — поинтересовался Конан, снимая меч.

— Нет, не хочу! Не желаю, чтобы ты отрывался от меня. Хочу получить настоящее удовольствие. Не лишай меня этого счастья, прошу тебя. Я слышала, что Рамини тешит тебя рассказами о Вендии. Давай заключим сделку. Сначала ты любишь меня. Сильно. Страстно. Одну! А потом я обещаю рассказать тебе захватывающие истории.

— Учи, тебе придется многое вытерпеть, — шутливо предупредил девушку Конан.

— Я на все согласна! — с жаром произнесла Махира. — Я тебя не разочарую.

— Тогда еще одно, — сказал киммериец. — Я очень хочу вина.

— Я тоже, — ответила жрица. — У меня в комнате есть охлажденное. Если его не хватит, я схожу еще за кувшином.

Махира не обманула киммерийца. У нее и впрямь рядом с ложем стоял кувшин замечательного красного вина. Они выпили половину.

Больше сил на то, чтобы сдерживать разыгравшуюся страсть, у них не оставалось.

Жрица в любви оказалось столь страстной, что киммериец, познавший множество женщин, был поражен.

Она набрасывалась на Конана так яростно, словно у нее уже много лун подряд не было любовника и выдумывала все новые и новые способы для ублажения своего героя.

Киммериец не пожалел, что согласился выполнить просьбу Махиры и не стал звать других жриц. В прошлые разы, когда они развлекались вместе с Рамини, девушка не демонстрировала и десятой доли своих умений.

— Ты лучший из мужчин, которых мне доводилось знать! — прошептала она, когда они с киммерийцем сплелись в объятиях, утомленные любовными играми.

— И ты женщина, которую трудно забыть, — пробормотал варвар.

Он взял с пола кувшин и сделал большой глоток, а потом протянул девушке.

— Ты заслужил обещанную награду, — сказала она, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— О чём ты? — не понял Конан.

— Ты уже забыл, — рассмеялась Махира. — Боги, я заставила тебя забыть!

Она захлопала в ладони.

— Ты заставила меня забыть обо всем, — расхохотался киммериец и перевернулся на живот.

— Как же приятно это слышать! — воскликнула жрица, прижимаясь своей потрясающей грудью к северянину. — Но все же я сдержу слово. Я обещала тебе рассказ о Вендии.

— Но потом мы продолжим? — насторожился Конан, который уже расхотел слушать повествования о браминах и мехараджубах.

— Непременно! — кивнула Махира. — Тебе придется постараться, чтобы оторвать меня от себя. Ты — лучший, сотник. Лучший!

— Тогда, может, еще немного порезвимся, — почесал в затылке Конан, — а потом уже начнешь свой рассказ?

— Нет, сейчас! Сейчас! — вновь проявила своеволие жрица. — Ручаюсь, он тебе понравится.

— Хорошо, можешь начинать.

— Ты слышал когда-нибудь о тантринах?

— Именно что слышал. Знаю, что у них своя вера и свои ритуалы, отличные от тех, что исповедует большинство вендийцев. Больше я ничего не знаю.

— Что ж, для чужеземца неплохо. Но поводу веры ты ошибся. Тантрины почитают тех же богов, что и другие жители Вендии. А вот обычай и обряды у них, и впрямь, совершенно иные. Весьма, скажу тебе, интересные.

— Что же в них такого?

— Был бы ты вендийцем, объяснить тебе было бы проще. Ты успел разобраться, что значит для нас деление на касты?

— Все. Каста определяет дхарму.

— Правильно. Чем выше каста, в которой родился человек, тем меньше у него обязательств перед окружающим миром. Мы все живем в мире запретов. Под страхом дурного перерождения мы не можем совершать великое множество поступков. И если брамины и кшатрии хоть как-то свободны в своих действиях, то низшие касты скованы запретами по рукам и ногам. Лишь совершая недозволенного, мы можем получить желанное послесмертие.

— Звучит странно. Но, Кром, я уже научился воспринимать вендийцев такими, какие они есть.

— Но тантрины не такие, как все вендийцы.

— Правда?

— Правда. Они отрицают запреты. По их мнению, лишь деятельная жизнь дарует человеку высшее блаженство.

— Почему я тогда об этом ничего не слышал?

— А много ты слышал о фансигараах? Есть вещи, о которых не принято говорить. Тебе рассказали, что тантрины — это люди другой веры, но в подробности посвящать тебя нужным не

посчитали. Потому что правда о них может стать сильным оружием в руках чужеземцев, вздумавших разрушать местный уклад жизни. А в таком намерении здесь подозревают чуть ли ни каждого приезжего. В Вендии слишком цепят нынешнее равновесие.

— Не замечал ничего такого.

— Тогда отчего же тантринов, которые стремятся к переменам, всеми силами стараются оттеснить от власти?

— Ну-ну, я не хочу спорить с тобой. Тем более, что я совершенно несведущ в нем.

— А вот я как раз пытаюсь тебе объяснить, а ты меня перебиваешь, невоспитанный варвар, — она надула губы и шутя шлепнула Конана по спине. — Тантринов в Вендии не любят почти никто. Низшие касты из-за собственной закостенелости, не могут принять некоторых их внешних атрибутов. Тантрины едят мясо, не отказывают себе в вине и настойках, пьют сколько считают нужным, любят всех женщин и мужчин, которых захотят, сколь угодно долго, и выборе форм для выражения любви не стесняются.

— То есть, они ведут себя, как люди с заката, с тем лишь условием, что поклоняются вендийским богам?

— Многие кшатрии да и брамины, наверное, тоже были бы не против есть мясо и вдоволь за-

ниматься любовью, но их останавливает то, что тантрины отрицают касты! Представь себе. Для них не имеет никакого значения, в какой семье ты родился! Все, кто пришел к Учителю, равны в его или в ее глазах. Разумеется, есть более талантливые ученики, чем разум готов постигать истину, а душа открыта для веры, а есть те, над кем предстоит кропотливо трудиться. И все же все они равны. Рассказать тебе, как они продвигаются в своем обучении?

— Валяй!

— Сначала мужчина или женщина, обратившись к тантринам, с просьбой принять их к себе, выбирает учителя для себя. Это самый важный момент. Потому что именно учитель на протяжении многих лет будет указывать обращенному путь. Путь этот можно разделить на три стадии. На первой ученик мало чем в своем поведении отличается от простых вендийцев. Его сознание еще недостаточно подготовлено, чтобы воспринять отказ от запретов и перейти к деятельности жизни. И учитель выбирает для своего ученика упражнения, что преобразят его восприятие мира, сделают его более открытым и для людей, и для богов. На второй стадии пути происходит осознание человеком самого себя как тантрина. Он отбрасывает в сторону запреты. Изучает свой разум и тело. Для последнего как раз и требуется постоянная смена любов-

ных партнеров. Про тантринов говорят, что они восхитительные любовники. И лишь спустя десяток зим или даже больше, ученик вступает на завершающий участок пути. Он получает право самостоятельно выбирать для себя упражнения, принимать других учеников, если те остановят на нем свой выбор, но связи со своим учителем он не теряет, потому что тот знает его, как никто другой.

— Тебе нравятся тантрины?

— Они меня завораживают. Точно так же, как завораживаешь меня ты. Тантрины — чужаки в нашей стране, но в отличие от фансигаров, которые тоже изгои, они не внушают ужаса. Они живые, настоящие. Мне нравится их любовь к жизни.

— А на что они живут? На пожертвования доверчивых учеников или на подаяния одурманенных любовников?

Девушка сделала вид, что не поняла насмешки киммерийца.

— Ученики работают, если они вышли из младших каст. Если из старших, то получают доходы с поместий. Учителя же занимаются матией.

— Магией?

— Да-да, магией. Все тантрины — колдуны. Помнишь, я тебе говорила о тех упражнениях, что дает учитель ученику? Они несут в себе ма-

гическую основу. Это либо пассы — движения рук, ног, туловища, головы, либо мантры — форма заклинаний. Многократное повторений одних и тех коротких слов, через которое тантрик пытается добиться внимания богов.

— Кажется, я что-то начинаю понимать. Обыкновенные вендицы стремятся умилоствить богов и приносят им жертвы, а у тантринов хватает дерзости что-то требовать от небожителей.

— Да. Чего-чего, а смелости в исполнении обрядов им не занимать. Очень часто для исполнения ритуалов им требуются мертвые тела.

Конан приподнялся на локте и прищурил синие глаза.

— Во всей Хайбории это называется некроманией.

Девушка нахмурилась.

— Злые языки говорят, что религия тантринов — это искаженные верования кхарийских жрецов. Наши далекие предки пришли на эти благословенные земли, спасаясь от захватчиков. Но в ту далекую эпоху вся магия была основана на кхарийских ритуалах.

— А твои предки не могли обходится без магии, — довершил мысль Конан, — кто-то же должен был изгонять мелких демонов, находить места для строительства храмов и врачевать страждущих. И вот кхарийская ворожба свила

гнездо на этой стороне Гимелианских гор. А потом Вендию завоевали племена кшатриев, и кхарийским магам пришлось перестать действовать в открытую. Минуло сотни десятков зим, и кхарийская ересь смешалась с верованиями кшатриев. И так родилась некромантия тантринов, которые, судя по всему, мало отличаются от своих стигийских собратьев! Я верно продолжил твой рассказ, женщина?

Жрица покраснела.

— Вера запрещает тантрикам убивать. Поэтому-то им и требуются тела, умерщвленные другими. Труп возлагается на алтарь, над ним читают мантры, творят ритуалы с разными порошками, травами, а потом перед тем, как сжечь, выкрикивают воззвание к небожителям.

— И они откликаются?

— Да! — девушка поежилась, будто откуда-то пахнуло холодом. — Я слышала, что колдовство тантринов может очень многое: оградить дом от непрошеных гостей, наслать болезнь, изгнать демона или даже воскресить мертвца. Того самого, что лежит на алтаре.

— Его же сжигают, как его можно воскресить?

— Не знаю. Но говорят, что можно.

* * *

Второй день расследования. Дом Сатти.

Раскачиваясь из стороны в сторону, гвардеец начал медленно подниматься на ноги. Движения его были неуклюжими. Он словно разучился пользоваться собственным телом.

— Что-то с ним не так, — прохрипел Бернеш.

— Ты прав, — согласился Конан. — И еще я не вижу тени.

— Она исчезла, когда приблизилась к нему; — сказал бастард. — Этот парень был мертв или нет?

— Дышал, — пожал плечами киммериец.

Он понимал, что нужно подняться на ноги, взять в руки меч и подготовится к неожиданностям, но силы так и не вернулись в его мускулистое тело.

Варвар заскрежетал зубами. Кром, до чего же унизительно лежать на полу, словно бурдюк с вином.

Он покосился на бастарда: казалось, что тот тратит последние силы, чтобы не потерять сознание. Десятник был бледен, как мраморные плиты на ступенях дворца мехараджуба. Его слегка тряслось, будто от озноба.

Тем временем гвардеец, с трудом передвигая ногами, направлялся к ним.

Конан опасался, что если он решит напасть, то они не сумеют дать ему отпор. Тень перехитрила их. Поняв, в каком положении она очутилась, тварь решила не нападать сама, а помогла пробудиться вендицу.

Но тут впервые за вечер киммерийцу откровенно повезло.

Вендиец споткнулся об обломки скамьи, не сумел удержать равновесия и с грохотом рухнул на пол.

Глаза его закатились, он судорожно дернулся и испустил дух.

Конан вытер пот со лба. Пленника у них не стало, но хотя бы им больше никто не угрожал.

— Сотник, — из горла гвардейца донесся едва слышный хрип.

Киммериец взглянул на Бернеша. Тот пожал плечами, показывая, что не имеет представления, что бы это могло значить.

Тогда Конан стиснул зубы и начал ползком приближаться к поверженному гвардейцу, которому уже дважды полагалось быть мертвецом. Меч, который тащил за собой варвар, скрежетал о каменные плиты пола.

Приблизившись к вендицу, северянин направил все мышцы и сумел сесть. Смахнув выступившую испарину, он повернул вендица лицом к себе. Ему хотелось кое-что проверить. Когда гвардеец еще стоял на ногах и смотрел на

них, Конану показалось, что у него что-то не в порядке с глазами.

— Не думал, что нам удастся еще раз поговорить, Конан, — вновь прохрипел мертвец.

Он открыл глаза. Конан отшатнулся. Они были сплошь черные, будто вырезанные из куска угля.

Внезапно на киммерийца снизошло озарение.

— Хамар? — спросил он.

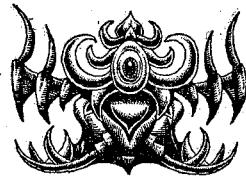
На этом заканчивается вторая часть повествования. Интриг в городе у священной реки стало еще больше. Или, быть может, просто явили себя свету некие подводные течения. Оставайтесь и дальше с героями романа, и разочарованы вы не будете.

Дуглас Брайан

ОСТРОВ ВЕЛИКАНОВ

Всю ночь бушевала буря, и стихла только к утру. Солнце едва показалось ослепительным краем над кромкой моря, и косматые черные тучи, словно испугавшись его, унеслись. Ветер помчался бедокурить в другие края. Отлив обнажил отмель, на которой лежали теперь клубки спутанных водорослей и всякие другие вещи, принесенные штормом.

Рыбачка Катэ славилась тем, что всегда успевала раньше своих подруг обойти побережье после бури, и самые ценные вещи доставались ее семье. В прошлый раз ее трофеи были особенно хороши — две бочки, роскошный кувшин, запечатанный воском, и большой сундук. В кувшине оказался клочок пергамента, исписанный кругом. Его бросили в огонь — вдруг на нем написано какое-нибудь заклинание? А кувшин дядя Эг приспособил под пальмовое вино.

В сундуке лежала книга с картинками, моток хорошей веревки, две свечи из сала неизвестного животного, полотняные штаны, подошедшие Симу, брату Катэ, нитки, несколько желез-

ных иголок для шитья (более прочные, чем иголки из рыбных костей, но не такие острые), связка бус из ярких, вкусных на вид камушков, — огромные, как рыбачьи лодки, башмаки с пряжками из тусклого желтого металла, темно-синий хитон из плотного сукна, кожаная перчатка на левую руку, бронзовое зеркало и необычайно острый кинжал в лакированных ножнах.

Все, кроме книги и башмаков, было важным и нужным. Башмаки обменяли: правый — на мешок пряных кореньев, а левый — на два крючка среднего размера.

Книга была очень красивая, картинки ее изображали диковинных животных, большие корабли, сражения, деревья, людей, одетых так, как одеваются на материке, и еще много чего. Книгу тоже хотели обменять, но дядя Эг сказал, что это просто глупо.

— Это удивительная книга! — объявил он. — Я буду рассказывать по ней всякие истории, пока мужчины отдыхают после ловли рыбы, а женщины чистят улов или чинят сети.

Так оно и было. Глядя на картинки, дядя Эг на ходу придумывал, что именно на них нарисовано, и каждый раз выходило по-другому. Семья слушала, затаив дыхание. Не прошло еще «Время ветра-с-моря», как книга сделалась семейной реликвией. Избранные члены друже-

ких семей допускались к прослушиванию историй только по особым, праздничным случаям.

Интересно, что подарит море на этот раз?
Катэ немного волновалась.

Сначала ей попалась тяжелая, толстая доска, украшенная двумя видами резьбы. Над ней потрудился человек, а после — червь-точильщик. Работа последнего была более искусной. Катэ оттащила доску к песчаному холму, на котором обычно сушились сети ее семьи. Потом долго ничего не находилось, но уже возле самых красивых скал Катэ увидела утопленника. Это была скверная примета. Бедняга погиб этой ночью — он еще не распух. Странно было, что волны не превратили тело в лохмотья о береговые острые камни. Утопленник оказался очень крупным мужчиной. Одежды на нем почти не было — только короткие штаны из кожи тюленя. Он лежал на животе, уткнув голову в песок, разметав длинные, спутанные черные волосы. На спине у него лежал меч в ножных, привязанных к телу ремешками.

Мертвецу оружие ни к чему, а вот в хозяйстве такая штука просто незаменима. Можно, например, привязать его к длинной палке — и выйдет замечательный гарпун. Катэ обошла утопленника, склонилась над ним и, ухватившись за рукоять, потянула меч из ножен. Она немного боялась мертвого — и недаром: когда

клинов высыпался наполовину, покойник неожиданно поднял голову и укусил Катэ за лодыжку.

Катэ завизжала и отпрыгнула на значительное расстояние. Впрочем, она была храбрая и убегать совсем не спешила. А утопленник, заорав, совсем как тюлень, сел на корточки и принялся вытряхивать песок из ушей и волос. Ясно, что он был живой. Поглядев на девушку, он усмехнулся, и та окончательно расхрабрилась, подошла к нему и спросила:

— Ты потерпел крушение?

Оживший утопленник вслушался в ее слова, развел руками и замотал головой. Катэ повторила свой вопрос, медленно и раздельно выговаривая слова. Лицо незнакомца от напряженного внимания потеряло всякое выражение.

Девушка, чтобы помочь ему понять, указала пальцем в море. Черноволосый ухмыльнулся, два раза кивнул и тоже вытянул руку в сторону воды. Глаза у него были синие-синие, и это почему-то взволновало Катэ.

Голосом тягучим и густым он проговорил что-то непонятное и показал жестом, как будто пьет из большой раковины.

— Тебя мучает жажда, — догадалась рыбачка. — Пойдем, отведу тебя в деревню.

— Деревню? — повторил незнакомец, разводя руками.

— Да, в деревню. Ну, ты идешь?

Она ухватила его за руку и повлекла за собой. Он немного упирался и все время смотрел по сторонам, не переставая бормотать. Потом замолчал. Катэ обернулась и увидела, что он разглядывает ее ноги.

— Ты чего? — спросила она.

Незнакомец оглядел ее всю, улыбнулся широко, провел ладонями перед собой, словно оглаживая на себе женскую грудь, и жестом выразил восхищение. Катэ тоже захотелось улыбнуться, неизвестно из-за чего.

— Смешной, — сказала она.

— Смешной? — незнакомец ткнул себя в солнечное сплетение и прознес: — Конан!

— Ясно, — кивнула девушка. — Мое имя — Катэ.

— Ка-тэ! — странно улыбаясь, черноволосый коснулся пальцем ее левого соска. Палец был толстый, на вид — огрубелый, но прикосновение вышло нежным, и от него у Катэ засалось под кожей.

— Смешной, — повторила она и потащила его дальше через дюны. Ей было слышно, как черноволосый несколько раз, меняя интонацию, произнес слово «смешной».

Сразу за дюнами им навстречу попались Икэ, Вэр и Тиссэ — подруги Катэ. Увидев обоих, они громко засмеялись.

— Ай да Катэ! — кричали они. — Сначала нашла на берегу приданое, а теперь еще и мужчину! Ну да ничего! Он случайно не тритон? Научишься, когда будешь метать икру!

Катэ демонстративно отвернулась от них и зашагала дальше.

— Они — глупые, — сказала она Конану, который проводил подруг взглядом.

— Глупые, — повторил тот. — Смешные.

— Ну вот, ты все, оказывается, понимаешь. Идем, уже недалеко.

Дядя Эг оглядел приведенного, цокнул языком и произнес:

— Это человек с материка. Я видел там таких, только на них было больше одежды и обувь, что, по-моему, очень глупо. Зачем им обувь? У них в городах на земле лежат округлые камни или гладкие плиты, а они ходят в башмаках. Посмотрел бы я на них на наших прибрежных камнях!

Катэ прервала его рассуждения.

— Он хочет пить и, наверное, голоден. Ты же знаешь язык людей с материка — вот и поговори с ним. Он уже немного понимает по-нашему, но ты больше о нем узнаешь.

— «Поговори»... Хм. Легко сказать. Давно я не был на материке, — пробормотал старик и поскреб пальцем блестящую коричневую лысину. — Ладно, я попробую, а ты принеси плодов

хлебного дерева, пальмового вина и кусок вяленого тунца.

Сев перед Конаном на корточки, дядя Эг заглянул ему в лицо и спросил:

— Хочешь купить красивую раковину?

— Мне не нужна раковина, — ответил пришелец. — К тому же у меня нет денег.

— Что он сказал? — полюбопытствовал Сим, выглядывая из хижины.

— Благодарит нас за гостеприимство, — отвечал дядя Эг не моргнув глазом.

Огромный орех, доверху наполненный вином, Конан опустошил в три глотка и тут же вонзил зубы в рыбу. Глядя на пустой орех, дядя Эг опечалился. А смуглая сухонькая Марга, мать Сима и Катэ, наоборот, обрадовалась и старалась угодить гостю. Жестами она объяснила, что рыбу нужно сначала макать в соус, а уж потом жевать. Конан с понимающим видом кивал.

— Он останется с нами? — с восторгом спросил Сим. — Вот здорово!

— Не спиши! — оборвал его дядя Эг. — Вдруг он захочет вернуться домой?

— А как он попадет на материк? Разве только на большом корабле, принадлежащем Британии, а когда он еще придет?

— Британия? — выговорил Конан с набитым ртом и сказал на бритунском наречии: — Сышиш я, что богатые бритунские купцы нанима-

ют суда в Зингаре и Аргосе, чтобы иметь возможность торговать со странами Полудня. Выходит здесь колония бритунцев?

Дядя Эг напряг все свои способности. Бритунский диалект был знаком ему лучше остальных материковых языков, поэтому фраза вышла вполне осмысленная.

— Приходят морем, покупают рыбу, жемчуг, привозят ткани и вещи из металла, — произнес старик и, подумав, добавил: — Капитан корабля, бритунец. Хороший человек.

Лицо Конана просветлело.

— Когда? — спросил он, но дядя Эг не смог бы ответить на этот вопрос, даже если бы владел бритунским диалектом в совершенстве.

— Да он, должно быть, ужасно сильный, — предположил Сим и потрогал бицепс на руке Конана. — Ого! Твердый, как камень. Он один сможет вытащить полную сеть! Я тоже не слабак. Вот, смотри!

Подросток согнулся правую руку перед лицом пришельца и продемонстрировал свои упругие, крепкие мышцы.

— Отвяжись от него! — воскликнула Катэ. — И вообще, дайте человеку спокойно поесть!

— А-а! Ты думаешь, что нашла себе новую игрушку! — фыркнул Сим, после чего немедленно получил от сестры затрещину.

Насытившись, Конан поклонился в знак bla-

годарности, улегся тут же на циновку, подложив под голову кулак, и мгновенно заснул.

Несколько месяцев назад он сел на боевую каравеллу «Морской Змей», чтобы принять участие в охоте на огромного кита-убийцу, утопившего за год больше дюжины аргосских кораблей. Кит оказался хитер — он выманил каравеллу далеко в океан, дождался бури и, когда команда сражалась со стихией, пробил днище корабля в двух местах. Большая каравелла затонула в несколько мгновений. Конану повезло — он успел вцепиться в какой-то обломок и бешено колотя ногами и руками выплыл из водоворота. Всю ночь буря швыряла его по волнам, от воя ветра болели уши, море ревело... Скоро меч на спине, такой привычный, сделался очень тяжелым и тянул ко дну, но Конан не расстался с ним...

Неимоверным напряжением воли и физических сил он спас свою жизнь и теперь имел полное право расслабиться и передохнуть. Не страшные челюсти кита раскрывались перед ним во сне, не видения ужасной бури — Конану снились смуглые красивые девушки, переступавшие босыми ногами по песку и подставлявшие солнцу и морскому свежему ветру обнаженную грудь. Видеть такие сны необычайно приятно, и Конан сладко улыбался, иногда прищекивая губами. А тем временем почти вся де-

ревня успела побывать во дворе семьи Катэ и посмотреть на спящего пришельца.

— А уж какой он вежливый, и какой почтительный! — расписывала его поведение старая Марга. — Глядя на меня, он все время опускал глаза. Зато на мою Катэ смотрел, не отрываясь. Она красавица и сразу ему понравилась.

Рыбак Зуп захотел исследовать меч чужака и даже подержать его в руках, но Сим этому решительно воспротивился. Сам-то он уже успел потихоньку вытащить его из ножен и для пробы даже разрубил им кокос на две равные половины, хоть клинок и был для него тяжеловат.

Взрослые островитяне оказались любопытны, как дети. Чего же было ожидать от детей? На следующее утро Сим проснулся королем всего юного населения. По своей популярности он далеко превзошел даже самого Длинного Кира, который спрыгнул в море с высокой красной скалы и не уился.

— Ну что, как он? — спрашивали мальчишки, толпясь за хижиной.

— Ничего. Спал, теперь завтракает, — важно отвечал Сим. — Потом пойдет со мной ловить мурен.

На самом деле Конан собирался всего лишь искупаться. Подумав, он решил оставить меч дома — случай, для него небывалый. Но песок под ногами был таким шелковистым, небо над

головой — таким ослепительно-синим, что мысль об опасности просто не приходила в голову.

Он шел следом за подростком, а тот тараторил без умолку, размахивал руками и приплясывал на ходу. На плечах Сим держал острогу, наконечник которой заканчивался страшной на вид зазубриной, чтобы загарпуненная рыба не могла сорваться.

Сзади, на почтительном расстоянии, крались друзья Сима — им хотелось увидеть, как чужеземец ловит мурен.

Мурены водились в крохотном заливчике, напоминавшем очертаниями пятнистого ската. С двух сторон берег был пологим, а с третьей — обрывался круто и был похож на отвесную стену. В стене этой, под водой, были дырки — норы разной величины. В одну с трудом помещался кулак ребенка, в другую запросто вошел бы человек, почти не пригибаясь. В норах и жили эти диковинные рыбы, проводя в них почти все время и выплывая только на охоту.

Сим и Конан вошли в воду и сначала поплескались, чтобы остыть после полуденного припека. Потом Конан совершил стремительный заплыв из залива в море и обратно. Течение было опасным и могло отнести в океан, но Конан без труда преодолел его напор. Могучее, рельефное тело рассекало воду с такой легкостью, словно Конан и в самом деле был тритоном.

— Смотри! — крикнул Сим. — Сейчас я поймаю мурену!

Паренек нырнул у отвесного берега, подплыл к норе шириной в полторы ладони и отважно засунул в нее руку. Пошарив внутри, он отплыл чуть в сторону и подготовил острогу для удара. Почти сразу за этим из дырки показалась оскаленная пасть. Мурена смотрела горящими злыми глазами и щелкала зубами — она решила, что другая рыба покушается на ее жилье. Сим нанес точный удар и пробил череп мурены. Легкое черное облачко крови поднялась кверху.

Вытащив рыбину на поверхность, подросток издал ликующий крик. Скоро мурена уже лежала на песке в тени пальмовых листьев.

— А? Здорово, правда? — спросил Сим. Конан понял, что он имеет в виду, и одобрительно кивнул. В мурене было больше трех локтей длины.

Мальчишки, следившие за охотой, стонали от разочарования. К ловкости Сима они уже привыкли, да и сами умели не хуже. От огромного чужака они ожидали большего, а он попросту вытянулся на солнышке и прикрыл глаза.

Сим тоже немного смутился. Однако он был хорошо воспитан и не имел привычки надеяться старшим, посему он оставил Конана в покое и продолжил ловлю мурен.

Скоро была убита и вторая, чуть короче первой, зато более толстая, с массивным жировым бугром на лбу и с зелеными пятнами на боках. Такие считаются самыми вкусными.

От избытка чувств и сил юноша прошелся по песку на руках, кувыркнулся несколько раз, громко распевая, подхватил гарпун и снова прыгнул в воду. Когда среди мерного плеска воды раздался его испуганный крик, Конан подумал, что мальчишка совсем распахнулся. Но крик повторился, и в нем явственно слышались страх и отчаяние.

Приподнявшись, Конан увидел, что Сим, выбиваясь из сил, старается побыстрее доплыть до берега, а за ним, всего в пяти саженях, вода идет подозрительной рябью. Под этой рябью угадывалось темное, крупное тело. Потом из зеленоватых волн показалась голова мурены... Но что это была за мурена!

Яростные выпущенные глаза диаметром с тележное колесо, пасть, которая легко перекусила бы лошадь! О величине тела можно было только гадать. Во всяком случае, волнистая рябь тянулась за головой на расстояние в пятнадцать больших шагов.

Рыба скользнула на глубину. Конан решил, что сейчас она схватит юношу снизу, и варвар кинулся в волны, хотя доплыть все равно бы не успел. Однако мурена поступила по-другому:

она отрезала Сима от берега. И снова ее голова поднялась над поверхностью. Сим вскрикнул, но остановиться не смог — волна несла его прямо в пасть хищной твари.

Вода едва доходила до груди Конана, но он поплыл, потому что это было быстрее. Неожиданно его руки натолкнулись на тело рыбы, осклизлое, мягкое, как у моллюска. Мурена обернулась. Перед ней оказалась добыча покрупнее, и огромные глаза подернулись пленкой алчности. Рыба скрылась под водой, но по движению ряби на поверхности Конан догадался, что она окружила его кольцом своего тела.

Юноша взял левее и выскочил на берег, упав без сил. От ужаса он весь сделался белым и не мог справиться с дрожью.

Мальчишки с громкими криками побежали к нему. Они ждали зрелица, но огромная тварь и на них нагнала страха.

Их голоса доносились до ушей Конана, словно с того света. Он сосредоточился на своих ощущениях, чтобы предугадать — откуда начнется атака. Мурена вилась вокруг него, постепенно сужая кольцо. Нужно помешать ей приготовиться к броску, решил Конан.

Он стоял, упираясь в песчаное дно ногами. Накатившая волна мягко толкнула его в грудь. Внезапно Конан нырнул и, проплыв под водой несколько саженей, ударил мурену головой в

бок. Рыба неуловимым глазу движением промелькнула перед ним — для таких чудовищных размеров ее скорость была просто неправдоподобна.

Конан спиной почувствовал опасность, развернулся, и его кулак, преодолев сопротивление воды, ударили рыбу по носу. Хищница мотнула головой над поверхностью. Она была озадачена, слегка оглушенна и очень зла. Пользуясь свободной секундой, Конан отплыл в сторону и опять встал на дно. В спину его что-то кольнуло. Обернувшись, он увидел древко остроги, торчавшее из воды.

Для такой большой рыбы это оружие не слишком годилось, но другого все равно не было. Освободив наконечник, засевший в песке, Конан поднял острогу высоко над водой и подготовился. Мурена вновь атаковала.

В ее арсенале имелась еще одна уловка. Она решила обмануть не в меру строптивую добычу. Неожиданно изменив курс, она рыскнула зигзагом и кинулась с другой стороны. Конан в последнее мгновение успел разгадать эту хитрость. Инстинкт воина оказался надежнее инстинкта хищницы. Наконечник остроги вонзился прямо между горящих глаз.

Конан не ограничился этим. Навалившись, он вонзил острогу в голову мурены все глубже и глубже. Вода вокруг них вскипела и почернела

от крови. Конвульсивным движением рыба почти завязалась узлом, огромный хвост ударили Конана по голове и тот, зарычав, выпустил острагу из рук.

Стоя торчком, древко стремительно поплыло к отвесному берегу, оставляя за собой черный, пенящийся след. Потом оно скрылось, но через некоторое время опять вынырнуло, как поплавок, и завалилось горизонтально. Мертвая мурена лежала на волнах, вытянувшись во всю длину, словно перед смертью хотела покрасоваться своей огромностью.

Конан вышел на берег.

— Что стоите! — рявкнул он, обращаясь к мальчишкам. — Тащите ее на берег!

Удивительно, но они поняли его и бросились исполнять, с молчаливой опаской и восхищением поглядывая на героя-великана.

Сим остался на песке. Он все еще дрожал.

— Видел, как я ее? Правда, здоровая? — ухмыльнулся варвар и потрепал его по мокрым волосам.

Вечером этого дня в деревне был праздник. Старейшина сказал, что более достойного повода, чем спасение юноши, и не отыскать. Многие были с ним согласны, потому что праздник — это здорово. Восемь рослых рыбаков с трудом перенесли мурену на западный пляж, старейшина сам разделял ее, а многочисленные жены

старейшины принялись заворачивать белое мягкое мясо в листья съедобного растения чепчо. Разожгли огромный костер, а вокруг — шесть поменьше. На пляж приволокли также уйму каких-то предметов, напоминающих деревянные горшки. Конан, увидев их, решил, что это емкости для хранения пальмового вина, но он ошибся. Предметы оказались барабанами. Впрочем, и в вине недостатка не было.

Старейшина оказался единственным острорвитеином, кто не пришел поглядеть на спящего Конана, — это было ниже его достоинства. Но любопытство терзalo его, и он с нетерпением ждал, когда увидит богоподобного чужеземца.

Совет деревни уже решил, что коль скоро Катэ обнаружила его на берегу, то и она должна считаться виновницей торжества. В том, что Конан скоро станет зятем старой Марги, никто не сомневался, и многие семьи ей завидовали. Кто-то даже сказал, что необходимо бросить жребий: у многих, дескать, есть дочери на выданье.

Старейшина — его звали Гип — не поддержал этой идеи. Он был мудрый человек.

— Какая разница, в чьей хижине будет жить пришелец? Без сомнения, он примет участие в общинной добыче рыбы, а значит — вся деревня выиграет. Великое море решило подарить этого мужчину Катэ — пусть так и будет. Если

кто-то хочет внука от Конана, то ему следует договориться с Катэ, чтобы не было недоразумений.

Когда ярко-синие сумерки опустились на остров, в небе зажглись большие звезды и лунная дорожка добежала до песчаного пляжа, во двор Марги, где отдыхал Конан, пришли четыре девушки. Они принесли с собой гирлянды пахучих цветов, ароматное масло и пару новеньких ца-понгов — набедренных повязок из разноцветной набивной ткани. Марга и дядя Эг торжественно покинули хижину. Сим попытался подсмотреть и был уведен за ухо.

Постелив на земле свежие пальмовые листья, девушки ловко раздели варвара и Катэ и уложили обоих рядышком прямо на это зеленое, упругое покрывало.

Началась подготовка к празднеству.

Девушки принялись умазывать маслом тела лежавших, и от прикосновения их рук Конан едва не потерял сознание. Его мускулы расслаблялись и одновременно наполнялись здоровой, спокойной силой. Катэ, повернув к нему голову, нашупала пальцами его пальцы и блаженно улыбнулась.

— Смешная... — простонал варвар, объятый негой. — Глупая...

— Моя, — подсказала Катэ.

— Моя! — послушно повторил Конан.

Катэ, желавшая услышать это слово, произнесенное его голосом, не выдержала — вскрикнула и затрепетала.

— Полегче, красавица! — шутя, прикрикнула одна из девушек и не больно шлепнула ее пониже спины. — Успеешь еще!

Потом обоих нарядили в ца-понги и украсили гирляндами, после чего, напевая песню о великой победе человека-тритона, уже сочиненную дядей Эгом (чем он впоследствии очень гордился), проводили их на пляж. Две девушки шли впереди, две замыкали шествие.

Большой костер догорел, и только угли рдели. Их цвет был созвучен цвету закатного неба над морем. А море переливалось зеленоватым мерцанием — мириады крошечных его обитателей поднялись, чтобы посмотреть на праздник.

Конана с большим почетом усадили на гладкий камень, обтесанный с боков в виде неправильного четырехугольника. Сверху на камне лежала циновка, украшенная вплетенными в нее лентами. Катэ указали место у его подножия, а в песок перед ней вкопали большие белые цветы — знак признательности всей общине. Марга, увидев эти цветы, немного всплакнула. Когда-то ей оказали те же почести в память о Варе, ее муже, — он погиб, защищая дочь вождя от исполинской длинношеей черепахи. Катэ тогда еще не исполнилось и пяти чаячих свадеб. И

вот она сидит у ног сильного, красивого мужчины, совсем как взрослая. Мужчина этот спас Сима — он великий рыбак, совсем как Вар.

За спиной Конана на песчаном холме щерилась отрубленная голова мурены. Острога по-прежнему торчала у нее изо лба. Голова источала сильный запах моря и смотрела с ненавистью в мускулистую спину варвара. Он чувствовал этот взгляд и ухмылялся.

Сам Конан не придавал большого значения своей победе. Подумаешь, мурена! Совсем недавно он намеревался сражаться с гораздо более сильным чудовищем. Но глядя в открытые, улыбчивые лица островитян, которые собирались чествовать его, он понимал, что, отказавшись от славы, оскорбил бы этих людей.

Старейшина Гип открыл праздник. Он подошел к сидящим, остановился, придал своему лицу серьезное выражение, и тотчас юноша, его сопровождавший, затрубил в большую витую раковину. Глубокий протяжный звук разнесся над побережьем и растревожил сонного дюгона, дремавшего на волне. Подождав, пока голос раковины умолкнет, старейшина огладил бороду и произнес речь.

— Когда-то наши славные предки вышли из вод, как и ты, чужеземец. Их тела давно стали морем, но голоса их по-прежнему слышны в шуме прибоя, и добрые духи, которых они при-

несли с собой, охраняют наш остров и всех его жителей. Это они, великие духи океана, послали нам тебя. С этого дня ты — наш брат, наш товарищ. А злые духи послали свое отродье — коварную рыбу, чтобы она поедала наших детей, лишила нас надежды на будущее. Твоими могучими руками добрые духи одолели злых, ибо так суждено из начала к концу времен. Посмотри — все вокруг создано для счастья. Будь же счастлив. Пусть рыба всегда идет в твою сеть!

Конан не понял ни единого слова, но догадался, что перед ним — глава островитян. Он величаво поклонился в ответ.

— Ты не уразуметь, то я потом перевести, — добавил старейшина на бритунском. — А сейчас ты видать танец «Удачная ловля». Очень хорошо!

Варвар собрался уже раскрыть рот, чтобы выразить свою благодарность по-бритунски, но барабаны, разбуженные крепкими ладонями музыкантов, заворчали, загудели, заговорили на разные голоса. Местом для танцев была круглая площадка, ярко освещенная двумя кострами и выложенная по кругу малиново-белыми раковинами. Песок на площадке заранее вычистили пальмовыми граблями и разровняли. До начала танцев только старейшина мог пройти по ней и то не больше одного раза.

Однинадцать танцовщиц, друг за дружкой, выбежали и остановились, слегка покачивая

бедрами и шевеля пальцами рук, прижатых к бокам. Конан понял, что они подражают стайке рыб. Задержавшись на одном месте несколько тактов, девушки-рыбки принялись кружиться по площадке цепочкой, одновременно поворачиваясь, перестраиваясь на ходу и внезапно меняя направление. Скоро появились и ловцы, молодые рыбаки. Их неводы были сплетены из цветочных гирлянд.

Яркие ца-понги, смуглые тела, цветы и алые искры костра — все это мелькало непрерывно. Барабаны ускоряли ритмы и море, казалось, подрагивало, точно приплясывало вместе с людьми. В глубине пальмовых зарослей цикады пели так громко, что любой впередсмотрящий далеко в океане мог бы найти остров на слух даже в темноте и вывести к нему свой корабль.

Каждая пойманная «рыбка» приветствовалась веселыми выкриками, и скоро осталась одна-единственная. Рыболовы пытались окружить ее, но она всякий раз ускользала, пока наконец — Конан ясно заметил это — нарочно не поддалась одному из юношей. Тот набросил на нее цветочную сеть и увлек с площадки. Вдвоем они почти сразу куда-то исчезли.

Бесхитростная простота танца и естественная грация танцующих очень тронули варвара — он с неподдельным восхищением следил за «Удачной ловлей». Однако теперь его душа тре-

бовала воинственной пляски. Он встал со своего трона и, поигрывая мышцами, как голодный лев, вышел на середину площадки, точно на границе двух световых пятен от костров. Все вокруг затихли, не понимая, чего хочет этот таинственный пришелец. Воздев руки к звездному небу, Конан испустил протяжный боевой клич, в котором высокие переливчатые звуки постепенно перешли в низкий тяжкий бас, похожий по силе на громовой раскат. Когда он стих в отдалении, варвар притопнул ногой, потом еще раз, потом — третий, и музыканты, будто зачарованные, стали отбивать ритм вместе с ним. Каждый мускул варвара, каждая пядь его тела отдалась пляске воина. Он гордо попирал землю и вместе с тем как бы рос из нее, питаясь ее силой при помощи невидимых корней. А в прыжке тяжелая мощь превращалась в невесомую легкость, и казалось, этот великан может при желании снять с неба звезду.

— Воистину, у моря — щедрая душа, — сказал шепотом дядя Эг рыбаку Брозу. — Иначе оно не рассталось бы с этаким дивом!

— Великие рыбаки съедают в три раза больше обычновенных, — заметил Броз. — Но у моря — воистину щедрая душа! С таким парнем я не побоюсь пойти и на кита.

Все женщины, даже старые, глядели на Конана с изумленным восхищением, а некоторые

даже подмигивали ему с известным значением. Но Катэ еще и гордилась им, как дети гордятся своей тайной. Устав от пляски, варвар вернулся на почетное место, и девушка, откинув голову, прижалась к его коленям.

— Моя! — сказал Конан и погладил ее горячее плечо. Она отвернулась и, улыбаясь, коснулась пальцем мочки своего правого уха в знак согласия.

Несколько оглушенные, жители деревни затянули долгую хвалебную песню, и пока она звучала, по очереди подносили победителю мурены свои дары. Их принимала Марга и передавала дяде Эгу, а тот складывал добро живописной грудой.

Когда утром семья Катэ произвела подробный осмотр этой груды, в ней оказались: тридцать четыре блюда из раковин двустворчатого моллюска, сорок ложек для рыбачьей похлебки, выточенные из оникса и две металлические ложки поменьше; девятнадцать крупных жемчужин и семь ниток бус из мелких, белого и черного вперемешку; три золотые монеты с дырками для ношения на теле; пять клубков ниток; две штуки полотна по сорок локтей; шесть шелковых платков; матросская шапочка, расшитая бисером; пара чулок — один желтый, другой темно-зеленый; очень большой гамак (сделанный из сети для крупной рыбы); кувшин

масла для светилен; одиннадцать лент красного цвета и восемь — белого; деревянный резной подлокотник от кресла и лиловая бархатная подушечка; шкатулка, сделанная из сущеного края; фляга с плетеной лямкой для ношения через плечо; пила, молоток; четверть точильного круга; мешок сорго весом в половину морского лова; кованый наконечник для остроги; круглая рама; костяной веер.

Дядя Эг сказал, что он в жизни не видел таких роскошных подарков. Сам он подарил Конану стул без ножки, но нести его на побережье не имело смысла, раз пришелец все равно живет в их хижине.

После вручения даров жены старейшины стали разносить мясо мурены, запеченное в листьях и сдобренное большим количеством различных специй.

Это было вкусно — Конан любил острые и пряные блюда. Они помогали ему ярче чувствовать полноту жизни.

Потом опять зазвучала музыка — к барабанам присоединились духовые инструменты из кокосовых орехов и раковин и несколько «печчуле» — арф, сделанных из черепаховых панцирей и ребер дюгоня. Струны были из тюленьих жил.

Снова начались танцы, на сей раз — просто, без особого значения. Юноши и девушки образовали хоровод, в центр которого время от време-

ни выскакивала какая-нибудь пара и отплясывала там несколько тактов подряд.

Катэ незаметно для Конана вдруг оказалась посреди танцующих и поманила его за собой. Не раздумывая, варвар бросился к ней.

Перед тем, как пропустить его внутрь круга, юноши со смехом вручили ему цветочную сеть, от которой Катэ, гибкая и быстрая, стремительно уклонялась.

Неожиданно круг хоровода разорвался перед ней, танцующие расступились, и Катэ побежала прочь, уносясь по побережью все дальше и дальше в сторону красных скал. Конан немного растерялся, но старейшина Гип толкнул его в плечо и рявкнул:

— Настигать!

Тогда варвар помчался следом. Бежал он долго и быстро — звуки музыки стали еле слышны. Сначала он различал смуглую фигурку, мелькавшую на самой полосе прибоя, а потом она пропала. Не останавливаясь, Конан искал ее взглядом, но до самых дюн никого не было видно. Взбежав по осыпающемуся песку на один из холмов, варвар не удержался и поехал вниз.

Катэ, лежавшая за дюной на спине, обхватила его ноги своими, и Конан растянулся, зарываясь от неожиданности. Обвив талию мужчины коленями, островитянка уселась на него, и то-

лько теперь Конан заметил, что потерял свой ца-понг на бегу.

Лицо Катэ склонилось над его лицом, и она потерлась своим носом о его нос. От нее пахло морем, цветами и еще чем-то таким, из-за чего желание Конана уже невозможно было скрыть. Ощущив кожей прикосновение ее груди, варвар опять зарычал, как рычит объятый страстью морской лев. Катэ откинулась назад, слегка приподнялась и, задрожав всем телом, прыгнула к нему, тихо вскрикнув. Конан услышал, как бьется ее сердце. Звезды над ними еле заметно подмаргивали в густом темном небе — казалось, это они пели голосами цикад.

Через две недели Конан уже довольно свободно говорил на языке островитян, который, по его мнению, был перенасыщен всякими поэтическими преувеличениями. Но язык этих людей и не мог быть другим — он уподоблялся окружающему их миру. Некоторые слова были яркими и многоцветными, как рыбы в коралловых зарослях или птицы в лесу на склонах Озерной горы. А некоторые — однозначные, но все равно яркие и глубокие, такие, как небо или море.

Несмотря на спокойную, легкую жизнь, варвар не испытывал скуки. Он вообще не умел скучать, а здесь это было бы просто преступно. Впервые Конан ощущил себя ребенком и удив-

лялся окружающему. Рассудком, может быть не слишком изощренным, но крепким, он понимал, что не останется здесь навсегда. Рано или поздно в бухту Кальмара войдет бритунская каравелла, и варвар ощутит столь сильное желание продолжить свое бесконечное странствие, что будет готов наняться на корабль простым гребцом. Ну а пока он будет рыбачить, купаться до одури, валяться на песке, наслаждаться ласками Катэ и слушать рассказы дяди Эга.

В один прекрасный день, развлечения ради, Конан решил подняться на Озерную гору. Катэ взялась проводить его, а заодно собрать сладких плодов. Она шла впереди, напевая и улыбаясь своим мыслям, которые были легки и просты. Каждое дерево, каждый куст в лесу походил на одушевленное, добродушное существо. Совсем не было колючек, стволы не щетинились шипами, ни один цветок не пах гнилью, как это бывает в джунглях. Кроме того, Конан ни разу не убил на себе кровососущее насекомое. В воздухе летали бабочки и двухвостые рубиновые стрекозы.

Вершина горы представляла собой кратер потухшего вулкана, заполненный дождевой водой. Островитяне никогда не купались там — они привыкли к плотной морской воде, а пресную использовали только для питья и умывания. Вода стекала вниз двумя ручьями, питая людей и растения.

— Здесь глубоко? — спросил Конан.

Катэ сидела на берегу и весело болтала ногами в воде.

— Очень, — отвечала она. — Нету дна.

— Так не бывает, — улыбнулся варвар. — Дно есть у любого озера.

— Бывает! — с милым упрямством возразила Катэ.

— А кто-нибудь пытался проверить? — не унимался Конан.

— Зачем?

— Из любопытства.

Подруга варвара повела плечом.

— Рыба тут невкусная и ее очень мало, — сказала она. — Жемчуга нет. Красивых кораллов нет. Просто вода, упавшая с неба.

— Вот видишь, разве это не диво, что с неба падает вода? Есть такие земли, далеко на материке, где вообще нет никакой воды, ни пресной, ни соленой. И с неба она не падает. Один песок кругом, но не такой, как здесь, а другой — ключий, горячий, черноватый. Злой.

— Ты там бывал?

— Бывал, — самодовольно ответил Конан. — А теперь хочу посмотреть, есть ли дно у этого озера. Жди меня тут.

Она успела возразить, как варвар прыгнул с берега и сразу нырнул. Некоторое время она видела его расплывчатый силуэт в прозрач-

ной красноватой воде, но ветер наморщил зеркальную поверхность озера, и рассмотреть ничего уже было нельзя.

Дна он действительно не смог найти. На глубине трех саженей вода как-то сразу сделалась холодной. В такой тяжело двигаться и опасно долго находиться. Еще на две сажени глубже у Конана заломило в висках и в ушах застучало. После пестрого, красочного подводного мира побережья здесь было довольно уныло. Расслабив тело, варвар стал медленно подниматься на поверхность, как вдруг нечто привлекло его внимание. В стене кратера были вырублены ступени, уходящие глубоко вниз, куда уже не проникал солнечный свет. Они были ровными и гладко поросли красноватой ковровой водорослью.

С наслаждением почувствовав верхний, теплый слой воды, Конан выплыл, отдохнулся и в два гребка достиг берега.

— Ты права, женщина, — сказал он. — Действительно, нету дна. Зато есть ступени. Дядя Эг знает про них?

— Вернемся — спросим, — ответила Катэ.

Дядя Эг сказал, что знает об этих ступенях все. Их построил человек-жаба, живший на дне озера.

— Там ведь нет дна! — хитро прищурился варвар.

Старик надулся.

— Если кто-то очень умен и имеет свое суждение на любой счет, зачем ему беспокоить дряхлого, глупого дядю Эга, выжившего из ума на старости лет?

Он продолжил рассказ только после того, как Конан в знак извинения выпил с ним две плошки вина.

Человек-жаба жил на дне озера и по ночам выходил на берег, чтобы петь. Он надеялся привлечь себе подругу, но подруги ему не нашлось. Много лет он терпел, а такие вещи не проходят для мужчины даром, и у него помутилось в голове. Однажды он спустился в лес и затаился среди папоротников. А в ту пору одна рыбачка собирала там хворост. Человек-жаба напал на нее, но забыл, что делать с женщинами, и поэтому попросту съел эту рыбачку. Через несколько дней съел другую.

Женщины перестали ходить в лес, а мужчины очень рассердились, потому что без хвороста нельзя было приготовить рыбачью похлебку. Они решили проучить человека-жабу, но тот оказался ловок и хорошо прятался. Тогда прадед нынешнего старейшины придумал вот что. Он взял с собой в лес свою жену, привязал ее к дереву, а сам склонился в кустах с острогой на готове. Пришел человек-жаба и очень обрадовался. Он сплясал перед привязанной мерзкой

танец и уже изготовился ее сожрать, когда мужчина выскоцил и поразил его насмерть. После чего он отвязал женщину и сказал ей:

— Неужели ты думала, что я отдаю свою жену на съедение пупырчатому уроду?

А та ругалась, била мужа палкой и говорила:

— Тебе совсем меня не жаль. Взял бы для этой цели жену соседа!

Но прадед старейшины хорошо ответил:

— Человек-жаба был очень страшный. Если бы он хотел съесть жену соседа, я бы, пожалуй, убежал. А тебя я люблю, и это сильнее страха.

После таких слов женщина стала чтить мужа очень и уже никогда не била его палкой.

Конан с удовольствием выслушал эту басню, хоть и не очень ей поверил.

«Время ветра-с-берега» подходило к середине. Жизнь на острове текла своим чередом. Варвар трижды принял участие в «общинной ловле», хоть и не очень отличился. Островитяне действовали слаженно, понимали друг друга почти без слов, а Конан с непривычки больше мешал, чем помогал. Но на него никто не сердился: в таком деле нужна сноровка, а она приобретается не сразу.

Зато в охоте с острогой и в ловле крупной рыбы на приманку ему не было равных, а еще он здорово орудовал веслом. Сим не отставал от него ни на шаг и старался подражать варвару в

походке, жестах и манере речи. Кроме того, он наотрез отказался подстригать волосы, и скоро шевелюра паренька стала почти такой же косматой и спутанной, как у его кумира.

Однажды они ныряли за морскими, губками и, набрав полную корзину, устроились обсушиться на песке.

— Смотри! — вдруг воскликнул Сим. — Парус! Идет большой корабль.

И действительно, над самым горизонтом виднелись паруса. Разобрать, что за корабль, было еще невозможно, как Конан ни всматривался. От солнечных бликов на воде его глаза даже заслезились.

— Ну вот, ты от нас уплывешь, — расстроился Сим.

Варвар не ответил ему.

На следующий день судно приблизилось. Прямым курсом подойти к берегу оно не могло и шло широкими галсами, а после полудня паруса вообще убрали, и каравелла встала на весла. Конан понаблюдал за кораблем с вершины красной скалы и спустился мрачный. Он пошел к старейшине Гипу и сказал ему:

— Я знаю эту каравеллу. «Морская чума» — ее имя, а то, что на ней, пострашнее всякой чумы.

— Что же это? — удивился старейшина.

— Люди. Океанские шакалы. Я знаю пиратов — среди них есть хорошие ребята. Если бы

сюда пришел Бесноватый Лоу, Шарль Укуси-Ло-коть или, к примеру, Большой Пузан — все бы обошлось мирно. Гости выпили бы с вами вина, поплясали бы у костров, нашли бы девочек, которые не прочь поразвлечься, и, отдохнув пару дней, отбыли бы по своим делам. Но только не эта команда! Ею верховодит Торвальд — Злой Нож, мясник, тупой и жестокий. Он промышляет работорговлей. Набивает трюмы пленниками, а тех, кто не влез, — убивает.

— Велика ли его команда? — спросил Гип.

— Обычно — нет. Он набирает себе только тех подонков, от которых отказываются другие пираты. Человек двадцать-тридцать, я думаю.

Старейшина задумчиво почесал живот.

— У нас больше сотни рыбаков, способных драться, — сказал он. — Но почти все сейчас далеко в море и вернутся через три дня, не раньше. Если бы их поторопить...

— Позови Сима, — посоветовал Конан. — Вели ему сесть в легкую лодку. Я знаю, он никогда не ходил дальше Белого мыса в одиночку, но он справится. А мы пока займемся другим.

— Что ж, — сказала Марга, когда Сим пришел к ней за благословением. — Пора тебе становиться взрослым. Я знаю, что ты уже кувыркался на песке с Рыжей Лалэ, но не это делает мужчину мужчиной.

Сим зарделся, потерся носом о материнское

плечо, взял весло для быстрой гребли и ушел. Он был необыкновенно горд, когда узнал, что Конан выбрал именно его для исполнения этого поручения.

Женщины и старики собирали свои пожитки.

— Бросьте все, кроме самого нужного! — говорил им старейшина, но от растерянности островитяне никак не могли решить, что же им на самом деле необходимо.

Они покинули деревню, когда первые шлюпки уже вонзались носами в береговой песок. Старейшина Гип повел людей на другую оконечность острова, за Озерную гору. Там был густой лес и можно было спрятаться. Конан остался возле поселения — из-за дюн он следил за пиратами, которые скоро оказались очень близко, так что он слышал их голоса.

— Куда подевались все черномазые? — удивлялся вслух пожилой зингарец с липкими глазками. Такие на кораблях пристают к молодым матросам, дерутся подло и слабы по части вина.

— Наверное, передохли, — сказал толстый, в дорогой рубахе и рваных, грязных штанах.

— Да нет, зола еще теплая... Они узнали!

К ним подошли еще человек пять. Среди них был и Торвальд.

— Что встали, акулье дермо! — прикрикнул он. — Обыщите каждую хижину. Если кого найдете — развязите ему язык.

Конан, давно не бравший в руки своего меча, теперь поглаживал его рукоять. Казалось, клинок сам просится из ножен.

— Погоди, — шепнул ему варвар, — время скоро придет!

В его голове созрел отчаянный план. Нужно перебить по одиночке всех пиратов, и тогда корабль останется в его распоряжении. Разве это не славно? ?»

Он нашел брошенным на песке рог из витой раковины, поднял его и усмехнулся. Замечательная штука, она ему пригодится. А пока нужно внимательно наблюдать за незваными гостями. Всего их высадилось восемнадцать. На «Морской чуме», стало быть, осталось двое или трое, и те скоро не выдержат — самовольно бросят вахту, чтобы принять участие в грабеже. Торвальд, несмотря на свою лютость, никогда не мог наладить дисциплину на корабле.

Похотливый зингарец и толстяк зашли в хижину семьи Броза, которая стояла на самом краю деревни. Пора начинать, решил Конан. Подкравшись незаметно, он встал у входа. Разбойники, уныло ругаясь, крушили посуду.

— Одни только тряпки, — презрительно сопел толстый.

— Это же черномазые! — вторил ему пират-зингарец, хотя был гораздо смуглее любого островитянина.

На глаза Конану попалась острога. Варвар схватил ее и оскалил зубы.

Когда пираты, один позади другого, выходили из оскверненного жилища, Конан пронзил гарпуном обоих.

— Ты не черномазый! — прохрипел зингарец, который шел первым и схватился обеими руками за окровавленное древко. Но у толстяка уже подкашивались ноги, и оба упали.

Тонкая крепкая леса с каменным грузилом тоже послужила Конану оружием. Пират, беспечно пивший пальмовое вино из запасов дяди Эга, стал очередной жертвой. Раскрутив грузило над головой, варвар захлестнул его шею лесой и сильно рванул на себя, так что разбойнику перерезало горло.

Четвертый проглотил вместе с вином маленький, чудовищно острый крючок-тройник, заботливо брошенный во флягу Конаном. Совсем скоро он катался по земле и исходил кровавой пеной.

Пятыму крупный орех упал на голову, да так удачно, что размозжил череп.

Шестой пират, не найдя в хижине семьи Икэ ничего, на его взгляд, стоящего, достал огниво, трутницу, поджег ца-понг, смоченный горючим маслом, и бросил его на тростниковую стену. Когда он собрался выйти из обреченного дома, выяснилось, что дверь заперта снаружи. Хлип-

кое на вид сооружение оказалось прочным, и сломать двери не удалось. Когда другие пираты, услышав крики, прибежали на помощь и убрали китовое ребро, подпирающее дверь, было уже поздно.

Торвальд пришел в бешенство.

— Они где-то рядом, — сказал он. — Ищите! Эти хитрые бестии поблизости. По одиночке не ходить.

Тут ему донесли, что погибло уже шестеро, и он передумал.

— Лучше встанем лагерем и укрепим позиции. Они захотят нас прогнать и рано или поздно нападут. Но у них нет ни луков, ни арбалетов. Из укрытия мы перестреляем их, точно глупых бакланов.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда у тебя из-под носа уйдет корабль, — хмыкнул варвар.

«Морская чума» встала на рейд в бухте Кальмара. Конан добрался до нее вплавь. Перелезть через борт не составило бы труда, но варвар с этим не спешил. Разлегшись на волнах, он вытряхнул из раковины воду, продул ее и отчаянно затрубил.

Над водой звуки разносятся особым образом. Протяжный рев, который издала раковина, отразившись от поверхности моря, перепугал вахтенных. Они забегали по палубе, гремя оружием и вглядываясь в волны вокруг судна. Конана

им заметить не удалось, потому что он находился под самой кормой. Однако один клялся другому, что видел в воде чудовище с гривой, как у дракона. Пучок колыхающихся водорослей ввел его в заблуждение.

— Может, отправимся на берег, предупредим капитана? — предложил другой сиплым голосом.

— Ага! Спускай ялик и плыви. Только без меня. И не зови на помощь, когда эта тварь вонзит в тебя свои зубы, — отвечал ему товарищ.

— Что-то мне неохота! — сказал сиплый.

Конан ухмыльнулся и снова поднес раковину к губам. Звук вышел еще громче. Варвар так увлекся, что не заметил, как волна отнесла его от кормы. Он поднял глаза и вдруг увидел белую, как мел, физиономию пирата, с выпученными глазами и открытым ртом.

— Разрази меня гром! Вот оно! Вот оно! — зарорал пират, когда ему удалось набрать воздуха в грудь.

Второй высунулся рядом и тоже побледнел.

— Как есть дракон! — воскликнул он. — Может, стрельнем в него?

— Я тебе стрельну, дурья башка! Руби якорный канат, живо!

К такому повороту событий Конан был не готов. Страх двигал пиратами и придавал им

скорость. Канат был перерублен, парус поднят в считанные мгновения, в то время как течение мешало Конану быстро подобраться к кораблю.

Увидев длинные космы варвара, извивающиеся в волнах, они и впрямь решили, что перед ними дракон.

Ветер с берега погнал каравеллу прочь от острова. Ругаясь, варвар кинулся в погоню, но меч, который он взял с собой на случай абордажного боя, здорово мешал плыть. Помянув трусливых пиратов последними словами, Конан повернулся к берегу.

— Мальчишка! — бранил он себя. — Зачем было устраивать этот розыгрыш? Сам все испортил!

Он утешился только когда услышал, как воет от бессильной злобы Торвальд Злой Нож, бегая по берегу.

Когда группа мерзавцев попадает в переделку, внутри нее сразу начинается поиск виноватого. Почему так — Конан не знал. Это занятие не имеет практического смысла и чревато последствиями. Устав от ругани, пираты высосали все пальмовое вино, какое нашли. У дяди Эга был припрятан кувшинчик-другой на черный день, но они об этом не знали. Торвальд, пьянее остальных, уснул в хижине старейшины. Его команда собралась кружочком и принялась обсуждать происшедшее.

Конан лежал за кустарником и из-за него не видел говоривших, зато прекрасно их слышал.

— Ясное дело, надо отплывать на шлюпках.

— До материка слишком далеко. Нам не хватит еды.

— А вода? Здесь вообще есть пресная вода?

— Вряд ли черномазые пьют соленую!

— Торвальд здорово оплошал.

— Что ты сказал о Торвальде?

— Заткнись, подхалим. Сказал то, что все и так думают.

— Верно! Это он нас так подвел!

— Зачем ему это? Что он, специально, что ли?

— А ты его защищаешь, да? Ты с ним в сговоре! Злой Нож решил обновить команду. Денежками делиться неохота, вот он и завез нас на съедение черномазым!

— Ты глуп, как безголовая рыба! Он же тут, с нами. Если бы он остался на корабле, тогда, конечно, — да.

— Он как-нибудь выкрутится, а мы сдохнем.

— Точно!

— А ты, подпевала, сейчас за все ответишь. А ну, вынимай нож!

Конан не утерпел и отполз вправо, чтобы видеть поединок. Но увиденное его разочаровало. Два жилистых скуластых человека, похожие друг на друга, словно родные братья, кружили и взмахивали ножами, целясь по глазам. Дли-

лось это долго, противники сопели и сплевывали сквозь зубы. Наконец один ударил другого ногой в пах и, воспользовавшись его замешательством, пырнул ножом в живот. Раненый завизжал, как свинья на бойне, и рухнул на колени. Победитель схватил его за волосы и сорвался уже перерезать ему глотку, но взвизгнул сам и упал — нож торчал у него в боку.

Оба стали перекатываться по песку, и когда затихли навеки, один из зрителей заметил:

— Теперь все равно, кто из них был прав.

Утром Торвальд собственноручно убил еще одного.

— Ты отвечаешь за провиант! — напустился он на своего помощника, выходца из Стигии, рябого и татуированного с головы до ног. — Где вода, скотина?

— Это на корабле я занимался провиантом, — дерзко ухмыльнулся стигиец ему в лицо. — А корабль — тю-тю!

Ни слова не говоря, Злой Нож поднял весло и ударил помощника в грудь. Тот упал, закашлялся и, выплюнув красный комок, умер.

— Если через колокол я не напьюсь пресной воды, подохнете все, — объявил Торвальд.

Пираты удержались от бунта. Они мучались от жажды с перепою ничуть не меньше капитана. Посему двое, собрав пустые фляги, ушли в сторону леса.

Они не вернулись — ни через час, ни через два. Получилось так, что выйдя к ручью, пираты увидели Катэ, которая умывалась, погруженная в свои легкие простые мысли.

Дядя Эг продил в лесу неподалеку, пытаясь вспомнить, в каком именно дупле у него хранился кокос с вином. Он услыхал крики племянницы и успел вовремя — пираты только-только повалили ее на землю и пытались развести ей колени.

Острый кинжал, найденный в сундуке, сослужил хорошую службу.

— Провоняют теперь на весь лес, — ворчал он, осматривая трупы. У одного на ремне была красивая пряжка, но дядя Эг почему-то не захотел ее взять.

— Я боюсь за Конана, — сказала Катэ.

— Если я, старик, уложил двоих, то твой мужчина один перебьет их всех шутя, — уверенно произнес дядя Эг и добавил вполголоса: — Но где же это дупло, будь оно неладно?

Песок на побережье весь был завален трупами. Четверо, оставшихся в живых, наседали на Торвальда. Из ран капитана кровь текла густая, синюшного оттенка. Он хотел.

Его любимым оружием был топор, и Торвальд умел обращаться с ним. Матросы боялись подойти к нему близко и тыкали в него гарпунами с разных сторон, травили, как зверя. Один

не удержался и метнул острогу, но Торвальд поймал ее в воздухе, развернул и послал обратно, пронзив взбунтовавшегося пирата насеквоздь.

— Креветки! — рычал он. — Отрыжка ка-шалота! Все сдохнете!

Конан даже не прятался, а преспокойно сидел на дюне и наблюдал.

— Все-таки я разленился здесь, — неспешно думал он. — Смотрю, как другие делают мою работу.

Лес ожил, заговорил голосами раковин, но дра-рующиеся не обратили внимания на это. В их ис-ступленной злобе обнаружилось что-то странное, нечеловеческое. Они остановились только тогда, когда вышедшие из леса рыбаки окружили их с трех сторон — с четвертой пенилось море.

Сим добрался до соплеменников, и рыбаки сразу оставили промысел. Они высадились с дру-гой стороны острова, чтобы появиться перед пи-ратами неожиданно. Сим стоял в их числе и сжимал острогу так, что у него побелели пальцы.

Сражавшиеся обернулись к ним и замерли. Они смотрели на острия тарпунов, на лезвия ножей и силились понять, что, собственно, про-изошло — куда подевалась команда, где ко-рабль, откуда взялись черномазые с копьями?

С хриплым ревом Торвальд, стоявший сзади своих противников, взмахнул топором дважды, и два пирата обагрили прибой своей кровью.

Последний матрос успел вонзить свой гарпун прямо в раскрытый, изрыгающий брань рот капитана. Но топор, запущенный Торвальдом, все равно разрубил ему голову.

— Как все это странно, — заметил Конану старейшина. — Они могли угнать нас в рабство, но почему-то сошли с ума. Что так на них повлияло?

Варвар пожал плечами.

Вдруг Сим удивленно закричал, показывая пальцем на тело одного из разбойников. Рыбаки обступили труп, размахивая руками и возбужденно переговариваясь.

Было из-за чего удивиться. Из глаз, ушей и ртов погибших пиратов, омерзительно извиваясь, поползли плоские черные черви. Они стремились к воде. Их было тысячи, и береговая полоса сделалась черной от обилия корчащихся студенистых тел.

Морская вода убивала их сразу. Они мгновенно белели и скоро образовали грязную на人民服务, облепившую берег. Но морские птицы, которым они понравились на вкус, склевали их подчистую.

Капитан Нэш, бритунец и хороший человек, глянул на светящиеся морские волны и произнес:

— Не знаю, как это объяснить. В море обитают разные твари. Возможно, команда «Морской

чумы» заразилась ими где-нибудь в неизученных водах. А может...

— Продолжай! — потребовал Конан. Они стояли на берегу. На рейде покачивался корабль, принадлежавший повелителю Бритунии.

— Всякий раз попадая сюда, я хочу оставить королевскую службу, — сказал Нэш. — Во мне просыпается поэт, мечтатель... Может, этот остров — волшебный? Он способствует выявлению скрытого в человеке одним своим воздухом или составом воды.

— Мудрено, — покачал головой варвар. — Выходит, эти черные, гнусные сволочата...

— ... и были тем, что пираты носили в себе. В своих мыслях, в своей душе, — заключил бритунец и вежливо улыбнулся.

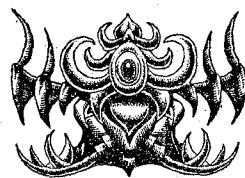
— Все может быть, — сказал Конан и задумался.

Катэ подошла к нему и села у его ног.

— Смешная, — тихо промолвил он и погладил ее по волосам. Капитан Нэш бесшумно удалился.

— Смешная, — повторил Конан. Катэ повернулась к нему, улыбаясь сквозь слезы.

А через день Конан отплыл на материк, чтобы затем отправиться в Британию.

ШЕМ

Историко-географический очерк

Ш. — государство в Центральной Хайбории. Месторасположение заставляет его выступать в роли своеобразного буфера между Востоком и Западом, *Хайборией* и *Туроном*. Ш. — это земля воинственных городов-государств, где процветают наемники и превыше всего — власть золота. Ш. описан в многих историях «*Саги*». Так, Белит была шемиткой. Ш. упоминается в романе *П. Андерсона «Конан-Мятежник»* (в рус. пер. «*Конан и Секира Света*»). Упоминания о Ш. встречаются повсюду в «*Саге*», но центральным местом действия Ш. выступает лишь в рассказе *Р. Говарда* и *Л. Спрага де Кампа «Ястребы над Шемом»*. В некоторых других историях упоминаются кочевники-зуагиры. Отряд зуагиров Конан возглавлял в период своей жизни, который был описан в повести *Р. Говарда «Знак ведьмы»* и далее в рассказе «Черные слезы». Зуагиры упоминаются в романе *Б. Ниверга «Мститель»*, а также в романе *О. Локнита «Песчаные небеса»*.

История

В самом начале хайборийского вторжения, кочевники из южных областей побережья моря Вилайет двинулись в путь в поисках новых пастищ. Самые

упорные из них, достигали даже областей восточной Стигии. Эти люди, именующиеся **Сыновьями Шема**, неустанно искали лучшие земли. Наступление пустыни понуждало их откочевывать все дальше и дальше. Сыновья Шема все прибывали и прибывали с Запада, и *стигийцы*, всерьез обеспокоенные этим вторжением не раз предпринимали попытки отодвинуть их на прежние рубежи, но постоянно терпели неудачу. Тогда *стигийцы* предложили кочевникам присоединиться к их государству, и стать частью Стигии. Сыновья Шема стали вассалами Стигии и продолжили уже в новом качестве свое продвижение на запад. Но сколько *стигийские* жрецы ни старались насадить среди них культа Сета, все их старания оборачивались прахом. Сыновья Шема имели собственный пантеон богов, поклонение которым было куда более простым и не требовало сложных ритуалов, в отличие от пугающего культа Великого Змея. Когда хайборийцы поработили Коф, Стигия отодвинула свои границы южнее реки Стикс, оставив шемитов на произвол судьбы и расчитывая на то, что они станут щитом, огородившим их от свирепых варваров-хайборийцев. В 588 п. п. А., шемиты подняли восстание в ответ на увеличение Стигии размера дани. Ради победы над Стигии, они заручились поддержкой Кофа, что не принесло желаемого успеха, ибо они просто поменяли одного хозяина на другого — Коф стал сам притеснять шемитов, с успехом заменив Стигию на этом поприще. Примерно с 923 п. п. А., шемиты обрели сложившуюся государственную систему и почувствовали себя достаточно сильными, чтобы выдворить из страны кофийских наместников и провозгласить независимость. Но государственности Ш. хватило настолько, чтобы от-

разить внешнего врага. После того как угас пафос освободительной войны, местные князья не замедлили вцепиться друг другу в глотку и затеять междоусобную войну. Что привело к тому, что Ш. Превратился в конгломерат независимых городов-государств. Теперь, по крайней мере, в восточном Ш. всегда отыщется работа для наемников. Каждому полису приходится отражать не только постоянные нападения своих воинственных соседей, но и набеги кочевников-зугиров. Единственное относительно спокойное место в Ш. — западные области вокруг *Асгалуна*, правителям которого удалось установить мир на своих территориях.

Современное положение

Восточный Ш. всячески избегает заключения мирных договоров между своими городами-государствами. Продолжаются стычки с Кофом, что, вкупе с набегами стигийцев и туранцев, не способствует спокойной жизни этого региона. Однако многие удельные правители активно проводят мысль об объединении перед лицом грядущей гирканской угрозы. Туранские эмиссары поддерживают идею слияния, несмотря на то, что тогда их собственное влияние в этом регионе значительно уменьшится. Это связано с тем, что центр Ш. перенесется в *Асгалун*, восточные границы в районе Заморанской пустыни останутся вне его поля зрения, что позволит *Турану*, рассчитывать на присоединение этих земель к своей территории.

Союзники и враги

Город-государства Ш. находятся между собой в весьма натянутых отношениях. Объединяет их лишь ненависть и презрение к Стигии и Кофу, своим бывшим хозяевам. На сегодняшний день боевая слава Ш. осталась в далеком прошлом, что не мешает кофийским и стигийским владыкам с осторожностью присматриваться к этой стране. Несмотря на это исторически сложившееся недоверие, шемиты успешно торгуют с Кофом и Стигиеей, равно как с *Тураном* и *Заморой*. Но их взаимоотношения не выходят за рамки торговых соглашений и не могут считаться союзами в полном смысле этого слова.

География

Ш. находится между Кофом и Стигиеей. Западной границей служит океан; восточная теряется в *Туранской* пустыне. Земли западного Ш. представляют собой плодородные холмистые луга. В восточном направлении земля делается суша, растительность становится все скучнее, по мере приближения к пустыне.

Географический справочник

Аббаддрах (Abbadrah) — шемский город, который, как указывают источники находится в восточной части страны вдоль берега реки к востоку от Стикса. Это небольшой город с белыми куполами, окруженный крепостной стеной. Он стоит на пересечении караванных путей, ведущих из западного Асгалу-

на в северный Эрук. На северо-востоке города находится прекрасный кедровый лес. (*Conan the Raider*)

Азилис (Azilis): кочевые племена, проживающие в Южной Пустыне вокруг Кджара (Qjara). (*Conan the Outcast*)

Акбитана (Akbitana) — иногда пишется как Акбатана (*Akbatana*), город в пустыне, находящийся к югу от от Хорайи. Центр торговли и металлургии (*Black Colossus, Jewels of Gwahlur*). А. издавна славится прекрасными кузнецами, которые изготавливают отличное стальное оружие и броню.

Акххария (Akkharia) — один из самых южных городов — полисов III. (*Hawks over Shem, Witch Shall Be Born, Black Tears, Conan and the Emerald Lotus*)

Анакия (Anakia) — город-государство в III. (*Hawks over Shem, Witch Shall Be Born, Return of Conan, Conan and the Grim Grey God*)

Апхаки — шемитское племя, позже мигрировавшее на юго-запад и основавшее город Томбалку (*Tombalku*) в Южной пустыне Куша. (*Drums of Tombalku*).

Асгалун (Asgalun) — столица *Пелиштии (Pelishtia)*. А. — наиболее крупный морской порт III. Расположен он в устье реки, на побережье Западного Океана. Дни славы А. — в прошлом, и ныне город представляет собой причудливое скопление полуразрушенных хижин и прекрасных каменных монументов. Царский

дворец находится в центре города и обнесен мощными стенами. (*Queen of the Black Coast, Hawks over Shem, Jewels of Gwahlur, Lord of the Black River*)

Асшури (Asshuri) — клан шемских наемников из Ниппуря (*Nippr*), Шумира (*Shumir*) и Эрука (*Eruk*). Сформировался в Ниппуре и Шумире во время войны за независимость от Стигии. А в Эруке в период борьбы с кофийским владычеством. (*Black Colossus, Road of Eagles, Witch Shall Be Born, Conan and the Grim Grey God*)

Ахлат (Akhlat); именуемый также «Проклятым» — оазис, где расположен торговый город, заложенный еще до шемитов в земле *Макан-э-Мордан (Makan-e-Mordan)*, части *Шан-э-Сорх (Shan-e-Sorkh)* (названия, по всей видимости, ахеронские). В Ахлате правил демон Старшей Ночи, носящий имя Гортон (*Gorgon*), который не мог существовать вне границ А. и был хранителем *Шан-э-Сорх*, о чем говорят древние ахеронские источники

Ашабал (Ashabal) — город-государство в III., в полутора днях ходьбы к западу от *Нахмета (Nakhmet)* северу вдоль северного берега реки *Стикс (Styx)*. В нем находится большой храм Ашара (*Ashar*), бога ветров. (*Conan the Bold*)

Ашуры (Ashur) — древнее племя мореплавателей, исчезнувшее за пять веков до рождения Конана. Их главный порт был расположен на месте современного *Асгалуна (Asgalun)*. Эта нация существовала около трехсот лет, совершая плавания в поисках новых зе-

мель от севера Ванахейма до оконечности Южных морей. Одна из их экспедиций, как гласят легенды, во время плавания на юг, открыла путь в Вендию. Но землетрясения разрушили большую часть их города и крепостную стену, после чего их город был разграблен дикими шемскими племенами и предан проклятью. (*Conan and the Treasure of Python*)

Баалур (Baalur) — город-государство в Ш., окруженный восмиугольной стеной. Находится у подножия Пиррхенианских (*Pyrrhenian*) гор. Один из богатейших полисов, славящийся возделыванием сельскохозяйственных культур и животноводством. Главный центр пересечения караванных путей, ведущих с севера Хайбории на юг. (*Lord of the Black River*)

Безымянный остров (Nameless Isle) или Siojina Kisua, — остров в Западной Океане. Считается, что этот уцелевший кусок древней Валузии, затонувшего континента, лежавшего близ южного побережья Ш. На этом острове сохранились развалины храмов причудливой негуманоидной архитектуры, святыни Ядовитого Бога **Tсахоггуга (Tsathoggua)**, божества змеелюдей. (*Conan the Buccaneer, Conan of the Isles*)

Бёрят (Biryat) — город карликов-мужчин, расположенный на юге Акхарии, в юго-западном Ш.. «**Море Бёрят**» — огромные пространства, заросшие высокой волнообразной травой с перистыми листьями, напоминающими папоротники. Эти заросли скрывают карликовые поселения от посторонних глаз. (*Conan the Barbarian #104, «Sons of the Bear-God», by Roy Thomas*)

Бешарадур (Becharadur) город — государство в Ш., находящийся на побережье, в равнинной части Ш., покрытой лугами. (*Conan the Barbarian #179, «The End of All There Is», by James Owsley*)

Восточная пустыня (Eastern Desert) — собирательное название огромной засушливой пустоши на востоке Ш. Находится на границе Ш. и Стигии и лежит между их восточными оконечностями и береговой линией моря Вилайет. (*Hawks Over Shem, et al.*)

Врата Симура (Gate of Simura), — ворота на въезде в Асгалун. (*Hawks Over Shem*)

Газа (Ghaza) — город-государство на крайнем западе Ш. Славится своим вином, которым по караванным путям доставляется в Замбулу. Г. стоит на реке Асгалун, недалеко от Кироса (*Kyros*). (*Shadows in Zam-boula, Conan and the Grim Grey God*)

Дан-Марках (Дан — Marcah): свободный город на северном побережье Ш., вблизи границы с Аргосом. Отец Белит был родом из этого места (*Conan the Rebel*)

Зуагиры (Zuagir) — многочисленные и агрессивные племена шемитов-кочевников в Восточной Пустыне. Они часто нападают на караваны, идущие в разные концы Хайбории. Бывали случаи их проникновения в Хауран. Когда Конану было около тридцати зим, он остоял в шайке з.. Зона влияния з. простирается вплоть до кофийского Хаурана. З. ценят свою независимость и ведут кочевой образ жизни. Они нападают на шемитские, заморанские и туранские карава-

ны, захватывая продовольствие, оружие и товары. Многие купцы стараются не проходить караванами через Ш., страшась безжалостныхnomадов. Правители Турана неоднократно высыпали карательные экспедиции, чтобы отогнать кочевников от своих границ. В текстах Канона упоминаются названия, банд з: Днири (*Dniri*), Ауали (*Duali*), Хароя (*Kharoya*), и Квирлаты (*Qir-lata*). (*Bloodstained God, Hawks Over Shem, Witch Shall Be Born, Flame Knife, Red Nails, Shadows in Zamboula, Return of Conan, Conan the Marauder, et al.*)

Йамман (Yamman) — крохотные города-государства в Ш., лежащие к юго-востоку от Хорайи. (*Conan the Barbarian #247, «The Sword That Conquers All», by Roy Thomas*)

Каэтта (Kaetta) — небольшой шемский город, находящийся между Стиксом и руинами Нихайи. Он расположен на горном плато, откуда открывается захватывающий вид на пустыню. Хотя жители К. и поклоняются Митре, в их городе располагается старейшая постройка храма бога Ибиса. В К. есть опаловые копи, поэтому опалы является главным продуктом торговли. Кроме того, весной К. славится чистой, пресной водой, из талых горных снегов. (*Conan and the Grim Grey God*).

Кирос (Kyros) — город-государство на западе Ш., на побережье реки Асгалун. Центр виноделия. Славится своим дорогим вином. (*Flame Knife, Conan the Buccaneer, Conan and the Grim Grey God*)

Кифа (Khyfa): горное царство в Ш., жители которого — митрианцы. Кифиане разрушили империю Аментета (*Amentet*) в священной войне за семьсот зим до рождения Конана. (*Conan and the Grim Grey God*)

Красная Пустошь (The Waste) — бесплодная, безлюдная пустыня в восточном Ш., покрытая красным песком, по-видимому является дном древнего моря. К. П. простирается до самых Гор Отчаяния. По красному песку разбросаны странные изваяния и монолиты, напоминающие игрушки богов. Единственный оазис в Красной Пустоши — Тал»иб. (*Conan the Outcast*)

Куджара (Qjara) — город-государство, в Южной Пустыне. Входит в состав Шемской Лиги Торговцев. Это огромный караван-сарай, хорошо известный также своей торговлей солью. Вдоль северной части города протекают бурные реки, берущие начало на снежных вершинах Гор Отчаяния на севере. Это невысокая горная гряда, расположенная на юго-востоке Куджары. На много лиг глубже, в пустыне к юго-западу находится еще один город-государство — Сарк (*Sark*). (*Conan the Outcast*)

Кутхемес (Kuthchemes) — разрушенный город на границе юго-восточного Ш. К., кхарийский город, был один из первых поселений, основанных ими на западе. В К. владычествовал маг Тугра Хотан (*Thugra Khotan*). Город был разрушен хайборийцами в период захвата Кофа. Ныне К. представляет собой развалины из слоновой кости, находящиеся в пустыне на юго-востоке Шема, к юго-западу от Большой Излучины Стикса. Город процветал за три тысячи зим до рожде-

ния Конана, соперничая с Ахероном и Древней Стигии. По преданию, в подземельях К. протекает Река Тьмы и на ее берегу обитает древний бог Зуг (Zug). (*Black Colossus, Flame Knife, Conan the Barbarian #250, «Chaos Beneath Kuthchemes», by Roy Thomas*)

Либнум (Либнумские высоты) — холмистая местность в *Пелиштии*, к югу от *Асгалуна*. Либнум — один из самых плодородных районов Ш.

Макан-э-Мордан (Makan-e-Mordan) — часть *Шан-э-Сорха*, место паломничества.

Медный город (City of Brass) — руины в пустыне на востоке Ш. Это останки Священного Города *Нихайа* (Nithia), разрушенного армиями Ахерона за три тысячи зим, до рождения Конана. В чудесных стихах воспет золотой мрамор его стен. До сих пор там попадаются странные магические предметы, там же находится статуя, называемая «Зловещий, Серый Бог». (*Grim, Grey God*). (*Conan and the Grim Grey God, Conan and the Amazon*)

Накхмет (Nakhmet) — небольшой шемский город на северном берегу реки *Стикса*, напротив кофийских земель. (*Conan the Bold*)

Недрессар (Nedrezzar) — город-государство в Ш., расположенный на Пути Благовоний, между *Баалуром* и *Асгалуном* в западном Ш.. Его северная граница находится близ *Баалура* на побережье реки *Асгалун* (*Lord of the Black River*)

Ниппур (Nippr) — город-государство в Ш., находящийся на пересечении караванных путей.

Остров Трофеев (Booty Island) — один из Барахских островов у побережья Шема. На этом острове Конан прятал сокровища пиратов. (*Savage Sword #190-193, «Skull on the Sea», by Roy Thomas*)

Паштун (Pashtun) — город на острове, расположенным к северу от центра реки *Стикс*. Город не принадлежит ни Шему, ни Стигии, и выступает в качестве речного порта для обеих стран и перевалочной базы для товарооборота между странами. (*Conan the Bold*)

Пелиштия (Pelishtia) — самое западное королевство в Ш. *Асгалун* является столицей П. На короткий период *Асгалун* был даже столицей объединенного Ш., но лишь до тех пор, пока тот не распался вновь на мелкие города-государства. П. пожалуй, единственная область Ш., хорошо известная западным народам (зингарцам и аргосцам), т.к. она доступна с моря.

Пиррхенианские горы (Pyrrhenian горы) — высокогорный массив в северо-западном Ш.. У их подножья находятся наиболее плодородные земли Ш. (*Lord of the Black River*)

Пламенеющие горы (Mountains of Fire) — вулканическая гряда на северной границе Ш. Их северная часть лежит у подножия южной части *Кензакинийских гор*.

р. Асгалун (Asgalun) — большая река в Ш., текущая на восток. На ее берегах раскинулись виноградники Кироса (Kyros) и Газы (Ghaza) (*Conan and the Grim Grey God*)

р. Шушан (Shushan River) — река на востоке Ш. (*Conan the Barbarian* #249, «Red Wind», by Roy Thomas)

Сабатея (Sabatea) — шемский город со зловещей репутацией. Находится на границе со Стигией в Тай-анских горах, к западу от Шан-э-Сорха (Shan-e-Sorkh) — Красной Пустоши. Жители С. являются приверженцами культа Золотого Павлина, божества известного своими отвратительными и зловещими ритуалами. С. излюбленное место нахождения магов Черного Круга. (*Hawks Over Shem, Flame Knife, Hour of the Dragon, Conan the Hunter*)

Саридис (Saridis) — город не обнесенный крепостной стеной, традиционное место сбора путников купцов и наемников-асшури. Он находится на пересечении дорог, ведущих из Газы, Кироса, Анакии и Акхарии. С. находится в одном дне верховой езды от селения Вархия (Varhia). (*Conan and the Grim Grey God*)

Сендай (Sendaj): трущобы на побережье в западном Ш.. (*Conan the Gladiator*)

Сыны Шема (Sons of Shem) — племена варваров-кочевников, жившие на восточной окраине Древней Стигии за несколько тысяч лет до Катастрофы. Считаются предками современных шемитов. (*Hyborian Age I*)

Тал'иб (Tal'ib) — «Город в Красной Пустоши» — зловещие развалины давно разрушенного города Иба (Yb) Единственный источник пресной воды находится в этой местности. Оазис Тал'иб лежит в ущелье южной части Гор Отчаяния. Название «Тал'иб» означает — «Могильник Иба» в Ш.. (*Conan the Outcast*)

Тхуджара (Thujara): шемский город на равнине, окруженный глинобитными стенами. Он лежит среди нив и пастбищ. (*Conan the Gladiator*)

Ургал (Urgal) — селение в восточном Ш.. (*GURPS Conan*)

Цитадель Скаураула (Stronghold of Skauraul) — полуразрушенная башня из зеленого камня в Шан-э-Сорхе. (*Conan the Hunter*)

Шан-э-Сорх (Shan-e-Sorkh) — «Красная Пустошь» — жаркая и бесплодная пустыня в восточном Ш. Свое название получила из-за песка красноватого оттенка и почти полного отсутствия оазисов.

Шумир (Shumir) — древний город-государство на востоке Ш. Согласно легенде, шемитский бог воров Бел был рожден в Ш.

Шушан (Shushan) — «Имперский город», самый большой город-государство в восточном Ш. Шушан и Пелиштия — два главных конкурента в борьбе за государственность Ш. Ш. и Асгалун оспаривают право называться столицей объединенного Ш., с самых тех пор как Ш., распался на мелкие города-государства, после восстания против Кофа.

Эрук — город-государство в Ш.

Экономика

Города Ш. Производят множество товаров, начиная от брони и оружия и заканчивая драгоценностями и изделиями из кожи. Каждый полис специализируется на своем виде товаров, которыми они торгуют между собой.

Общество

Ш. — государство, состоящее из разрозненных полисов, которые находятся в постоянной борьбе друг с другом и с кочевниками пустыни. Большинство этих городов-государств весьма невелики по размерам. Самое большое внутреннее государство — *Пелиштия*, оно охватывает почти весь западный Ш. Маршруты всех караванов пересекаются в Ш. Несмотря на взаимную враждебность полисов, ни один из городов-государств не обладает достаточной экономической независимостью, чтобы процветать без торговли, тем самым, не зависеть от своих соседей. Некоторые города-государства занимаются, в основном, производством оружия, другие — виноделием или земледелием, но все они разводят скот. Шемиты среднего роста, широкоплечи, крепкого телосложения. У них ястребиные носы, темные глаза и иссиня-черные волосы. Они носят длинные курчавые бороды, по форме напоминающие лопату и суживающиеся книзу (подобно древним ассирийцам). Король *Пелиштии* номинально является правителем всего Ш. Но на практике, каждый город имеет собственного владыку и не подчиняется воле *Асгалуна*.

Право

Каждый шемитский полис имеет собственные законы, сильно разнящиеся друг от друга. В Ш. Существуют различные законы для коренного населения и для чужестранцев. Так, в некоторых городах существует особый «гостевой квартал» для приезжих. Там царят более либеральные нравы, дабы караванщики ненароком не нарушили местные законы и не подверглись наказанию. Порой эти законы принимают достаточно странный характер, типа запрещения публичного потребления пищи или пива, или публичной демонстрации роскоши и богатства. Зачастую эти нелепые правила служат лишь для вымогательства или расправы над неугодными.

Религия

Шемиты имеют собственный пантеон богов. У каждого города есть собственный идол, наличие которого, по шемитским верованиям, символизирует присутствие и покровительство самого божества.

Вооруженные силы

Шемитская армия представляет собой причудливую смесь различных родов войск. Так, в некоторых городах предпочитают конницу и имеют лишь немногочисленную пехоту; в других излюбленный род войск — пикинёры, а пехота и кавалерия почти не представлены. Существуют даже армии, основой которых служат осадные машины. Благодаря непрерывным военным действиям, вооруженные силы Ш. хорошо обучены и закалены в сражениях. Но лучшие от-

ряды — это т. н. **Вольные**, состоящие из хорошо обученных наемников, которые готовы продать свои мечи тем, кто больше заплатит.

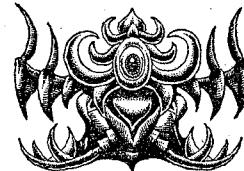
Языки

Шемитская семья языков обособлена как от *хайбонской*, так и от *стигийской*, однако, в результате взаимопроникновения культур, имеет общие с ними корни. *Зуагирский* язык представляет собой диалект шемитского.

Имена и названия

Шемитские имена похожи на ассирийские, вавилонские или древнееврейские: *Арамаз (Aramas)*, *Африт (Afrit)*, *Белит (Belit)*, *Датан (Dathan)*, *Джилзан (Gilzan)*, *Енох (Enosh)*, *Зебах (Zebah)*, *Зиллах (Zillah)*, *Иин Аллал (Yin Allal)*, *Исаиаб (Isaiab)*, *Маттенбаал (Mattenbaal)*, *Мена (Mena)*, *Нахор (Nahor)*, *Нитокар (Nitokar)*, *Уриаз (Uriaz)*, *Эбанезеб (Ebanezeb)*, *Эбелис (Eblis)*, *Элохар (Elōhar)*.

Дмитрий Ивахнов
Наталья Баулина

Содержание

Пол Пауэрс

Властители Шема. Канун Единства.

Роман 5

Брэнт Йенсен

Незримые нити

Роман 131

Дуглас Брайан

Остров великанов

Повесть 317

Дмитрий Ивахнов, Наталья Баулина

Шем

Историко-географический очерк 364

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет

серию мистических романов
«ТРЕТЬЯ СТРАЖА»

*Время ожидания
Незванные гости
Прокурор дьявола
Жатва
Темные зеркала
Твари нижнего мира
Ветер, кровь и серебро*

**ВСТУПИ В «ТРЕТЬЮ СТРАЖУ»!
НАЧНИ БОРОТЬСЯ С НЕЧИСТЬЮ!**

**СПРАШИВАЙТЕ В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ!**

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

Пауэрс Пол, Йенсен Брэнт,
Брайан Дуглас

**КОНАН
И ВЛАСТИТЕЛИ ШЕМА**

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 27/32

Наше электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоседова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов «Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА	73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ	74	КОНАН И ЖЕЛТУХИНА ПУСТЬИНИ	75	КОНАН И ДУХИ ГОР	76	КОНАН И СОВОРИЦА ТАРАНТИЙ	77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК	78	КОНАН И УБИЦЫ ЧУДОВИЩ	79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ	80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОВ	81
КОНАН И БАЛАМКА ЛЕСА	82	КОНАН И НАПРАЛА НАМНОЖКА	83	КОНАН И АЕГИОН ЗАРЫ	84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗНЕСЕНИЯ	85	КОНАН И ТРОН ВЕДЫМЫ	86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПРИИ	87	КОНАН И МЕСТЬ БРАА	88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ	89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ	90
КОНАН И КАКТУС ВАРВАР	91	КОНАН И СЕНТЕР МАТА	92	КОНАН И ЗОЛОТЫЕ ПАНТЕРЫ	93	КОНАН И АЛГЕНДА АЛМУРИН	94	КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ	95	КОНАН И ТАИНА ПЕСКОВ	96	КОНАН И РЫБА ТАЛАНСМАНА	97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕДЕННЫХ	98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЫ	99
КОНАН И ГРОБЫ ЗАИВОРЫН	100	КОНАН И ЧЕРНОЙ СОЛНЦЕ	101	КОНАН И МАСТЕРЫ РОКА	102	КОНАН И ПЛАГОМ СИНА	103	КОНАН И РИГУЛА ЛУНЫ	104	КОНАН И АЛЫ СТИГИЯ	105	КОНАН И ТЕМНЫЙ СКОТНИК	106	КОНАН И КЛЫКИ АСУТЫ	107	КОНАН И СУД БОГИНИ	108
КОНАН И ЦИД ЗЕДДИН	109	КОНАН И АНКИ АЛЕРНОН	110	КОНАН И МАРСИЯНЫЙ ОСТРОВ	111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ	112	КОНАН И ЧАРОМЫ ЮХ	113	КОНАН И УЗНИКИ КАМНЯ	114	КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО	115	КОНАН И ГЛАЗ ПАУКА	116	КОНАН И ЦЕЛЬ ОБРОТНЯ	117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ	118	КОНАН И РЕКА ЗАБВЕНИЯ	119	КОНАН И ДОЛINA АИКАРЕЙ	120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИЗРАКОВ	121	КОНАН И ОРАКУЛ СМЕРТИ	122	КОНАН И СЛЯПОЙ ЖРЕЦ	123	КОНАН И НУДАЛИН ИЗ АСТРУПУ	124	КОНАН И МОРОК ЧАШИ	125	КОНАН И КРИТ ВРЕМЕН	126
КОНАН И ДОЧЬ АРУЧАС	127	КОНАН И УДАС ХЛАРИН	128	КОНАН И МАСТИХА ШРМА	129												

ISBN 978-5-17-040666-3

9 785170 406667

СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС